

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2018 Том 18

ISSN 1817-7115 (Print)

ISSN 2541-898X (Online)

Издается с 2005 года

Серия Филология. Журналистика, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

- Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б.** Влияние девиации языковой системы и коммуникативной некомпетентности журналистов на речь в СМИ и систему языка 124
- Хижняк С. П.** Социогенные факторы формирования общего и идеоэтнического в правовой картине мира и в юридической терминологии 132
- Клоков В. Т.** Языковые аспекты экономической глобализации 138
- Минор А. Я.** Звуковой состав немецко-поволжского диалекта колонии Прайс 141
- Александрова Т. А.** Специфика речевого поведения представителей афроамериканского социально-этнического диалекта английского языка 145
- Соловьева Е. А.** Функции метафоры в современной речи французских военнослужащих 149
- Незнаева О. С.** Особенности функционирования прецедентных имен в речи студентов как символов прецедентных текстов и прецедентных ситуаций 153
- Янковский О. И.** Словообразовательное гнездо как способ вербализации концепта движения (на материале древнерусских гнезд с корнями -ид-, -ход-, -шед-) 158

Литературоведение

- Александров С. С.** Мотив небесного заступничества в древнерусских воинских повестях XV века 165
- Павлова С. Ю.** Кардинал де Рец и идеи Никколо Макиавелли (по материалам «Мемуаров») 170
- Ванюков А. И.** «Сонеты Солнца, Меда и Луны» К. Д. Бальмонта: поэтика заглавия и структура книги 175
- Трубецкова Е. Г.** Близорукость как дар творческого видения в романе А. Ремизова «Подстриженными глазами» 183
- Павлова Н. И.** Письма в сюжете и композиции романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» 188
- Глаголюк А. В.** Интертекстуальный и мифологический код поэмы «Камень солнца» О. Паса 195
- Долинина С. Я.** Специфика факта литературного произведения в понимании А. Т. Твардовского-редактора 200
- Алтынбаева Г. М.** «...Во Франции я чувствовал себя как на второй, совсем неожиданной родине»: к вопросу о мировоззренческой географии А. И. Солженицына 205
- Янковская Л. С.** Романная проза Захара Прилепина как «самоучитель психологических ситуаций» 210

Журналистика

- Артеменко С. В.** Жанр «письмо к издателю» как форма журналистской саморефлексии в 1800–1810-х гг. (на материале «Вестника Европы») 215
- Елина Е. Г., Раева А. В.** Формы и функции медиакритики в Советской России 1920-х годов 219
- Андронникова О. В., Демина Л. И.** Особенности развития сетевых журналов для детей в контексте массовой коммуникации 225

Проблемы высшей школы

- Алимова Р. Р., Гонсалес Р. А.** Актуальные вопросы преподавания испанского языка в вузе на современном этапе 230

Приложения

- Представляем книгу** 236

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 10.01.00 – литературоведение; 10.02.00 – языкознание).

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56153 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36011, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Трубникова Татьяна Александровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 20.05.18.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,41 (15,0).
Тираж 500 экз. Заказ 57-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2018

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям: Лингвистика, Литературоведение, Журналистика, а также материалы в разделы Представляем книгу и Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – 8–10 страниц.

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), ORCID, адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. С правилами рецензирования можно ознакомиться по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: iyu@mail.ru, телефон для справок (8452) 21-06-48. Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Kormilitsyna M. A., Sirotinina O. B.** The Impact of the Language System Deviation and Communicative Incompetence of Journalists on Mass Media Speech and the System of Language 124
- Khizhnyak S. P.** Sociogenic Factors of Generation of the Universal and the Ethnic in Legal Picture of the World and in Legal Terminology 132
- Klokov V. T.** Language Aspects of Economic Globalization 138
- Minor A. Ya.** The Sound Scope of the Volga Region German Dialect of the Price Colony 141
- Alexandrova T. A.** English Language of African-American Social and Ethnic Dialect: Specificity of Speech Behaviour of its Representatives 145
- Solovyova E. A.** The Functions of Metaphor in the Modern Speech of French Military Servicemen 149
- Neznayeva O. S.** Peculiarities of Precedent Names Functioning in Student Speech as Symbols of the Precedent Texts and Precedent Situations 153
- Yankovsky O. I.** Word-formation Family as a Means of Actualizing the Concept of Movement (on the Material of the Old Russian Families with the Roots -id-, -khod-, -shed-) 158

Literary Criticism

- Aleksandrov S. S.** The Motive of Divine Intercession in Old Russian Military Novels of the XVth Century 165
- Pavlova S. Yu.** Cardinal de Retz and Niccolo Machiavelli's Ideas (Based on *Memoir*) 170
- Vanyukov A. I.** K. D. Balmont's *Sonnets of Sun, Honey and Moon: The Title Poetics and the Book Structure* 175
- Trubetskova E. G.** Short-sightedness as a Gift of Creative Vision in the Novel by A. Remizov *With Trimmed Eyes* 183
- Pavlova N. I.** Letters in the Plot and Composition of the Novel by B. L. Pasternak *Doctor Zhivago* 188
- Gladoshchuk A. V.** The Intertextual and Mythological Codes of O. Paz's Poem *Piedra de Sol* 195
- Dolinina S. Ya.** Specific Nature of the Fact of a Literary Work in the View of A. T. Tvardovsky as an Editor 200
- Altynbayeva G. M.** "...In France I Felt as Though at a Second, Quite Unexpected Home": To the Question of the Worldview Geography of A. I. Solzhenitsyn 205
- Yankovskaya L. S.** Novelistic Prose by Zakhar Prilepin as a 'Self-Guide of Psychological Situations' 210

Journalism

- Artemenko S. V.** The Genre 'Letter to the Publisher' As a Form of Journalistic Self-reflection in 1800–1810s (Based on *Vestnik Evropy* 'Herald of Europe') 215
- Elina E. G., Raeva A. V.** Forms and Functions of Media Criticism in the Soviet Russia of the 1920s 219
- Andronnikova O. V., Demina L. I.** Peculiarities of the Development of Online Magazines for Children in the Context of Mass Communication 225

Higher School Problems

- Alimova R. R., González R. A.** Contemporary Issues of Teaching Spanish in a Higher Education Institution 230

Appendices

- Presentation of the Book** 236

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Павлова Светлана Юрьевна, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Борисов Юрий Николаевич, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Вартанова Елена Леонидовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Горошко Елена Игоревна, доктор филол. наук, доктор социол. наук, профессор (Харьков, Украина)
Долинин Александр Алексеевич, PhD, профессор (Мэдисон, штат Висконсин, США)
Егоров Борис Федорович, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Клоков Василий Тихонович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Крысин Леонид Петрович, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Лённгрен Тамара Павловна, PhD, преподаватель Университета г. Тромсё (Тромсё, Норвегия)
Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)
Никитина Серафима Евгеньевна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Норман Борис Юстинович, доктор филол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Ратмайр Ренате Фелисите, PhD, профессор (Вена, Австрия)
Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Свитич Луиза Григорьевна, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, КНР)
Шраер Максим Давидович, PhD, профессор (Бруклин, штат Массачусетс, США)
Щепилова Галина Германовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM»**

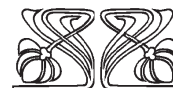
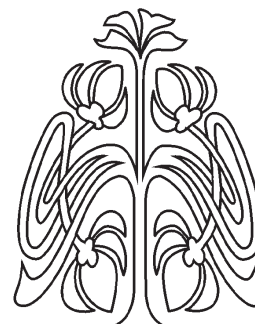
Editor-in-Chief – Valeriy V. Prozorov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Irina Y. Ivanyushina (Saratov, Russia)

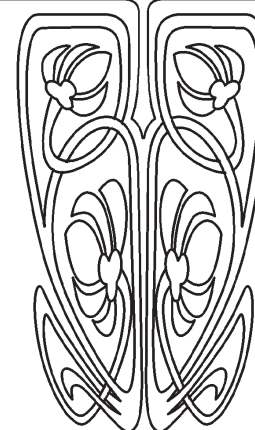
Executive Secretary – Svetlana Yu. Pavlova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Yuri N. Borisov (Saratov, Russia)	Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belorussia)
Elena L. Vartanova (Moscow, Russia)	Serafima Y. Nikitina (Moscow, Russia)
Elena I. Goroshko (Kharkov, Ukrain)	Boris Yu. Norman (Minsk, Belorussia)
Alexandr A. Dolinin (Madison, Wisconsin, USA)	Renate F. Rathmayr (Vienna, Austria)
Boris F. Egorov (St. Petersburg, Russia)	Olga B. Sirotnina (Saratov, Russia)
Elena G. Yelina (Saratov, Russia)	Luisa G. Svitich (Moscow, Russia)
Irina V. Kabanova (Saratov, Russia)	Huan May (Beijing, People's Republic of China)
Vasily T. Klokov (Saratov, Russia)	Maxim D. Shrayer (Brookline, Massachusetts, USA)
Leonid P. Krysin (Moscow, Russia)	Galina G. Schepilova (Moscow, Russia)
Tamara P. Lönngren (Tromsø, Norway)	

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1:271.1

ВЛИЯНИЕ ДЕВИАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ И КОММУНИКАТИВНОЙ НЕКОМПЕТЕНТНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ НА РЕЧЬ В СМИ И СИСТЕМУ ЯЗЫКА

М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина

Кормилицына Маргарита Анатольевна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, margarita-kormil@mail.ru

Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, skunak@mail.ru

В статье рассматриваются этапы развития русского языка от свободных девиаций в прошлом до влияния на изменения в системе языка СМИ и Интернета в XXI в. Отмечается, что свободные девиации системы в условиях жизни с Интернетом становятся неосуществимыми, а зависимость от степени компетентности пользователей все возрастает.

Ключевые слова: русский язык, девиация, язык СМИ, Интернет, факты и факторы изменений.

The Impact of the Language System Deviation and Communicative Incompetence of Journalists on Mass Media Speech and the System of Language

M. A. Kormilitsyna, O. B. Sirotinina

Margarita A. Kormilitsyna, ORCID 0000-0003-3841-3647, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, margarita-kormil@mail.ru

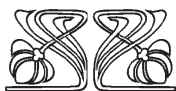
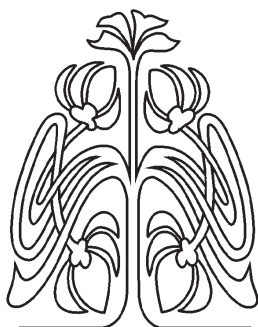
Olga B. Sirotinina, ORCID 0000-0002-3258-4536, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, skunak@mail.ru

The article considers the stages of the Russian language development from the free deviations in the past to the influence on the changes in the system of the mass media language and the Internet in the XXIst century. It is noted that the free deviations of the system in the conditions of living with the Internet are becoming unfeasible, and an ever growing reliance on the users' competence degree can be observed.

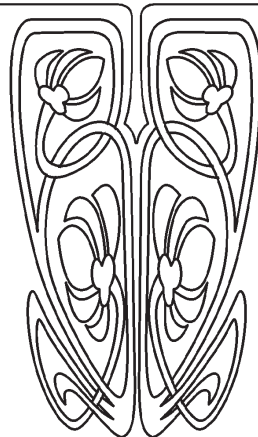
Key words: Russian language, deviation, mass media language, Internet, facts and factors of changes.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-124-131

Девиации системы языка хорошо известны лингвистам, особенно изучающим историю языков и судьбу близкородственных языков. Яркую роль девиаций в своих работах с применением теории множеств показал Т. П. Ломтев на судьбе ъ в славянских диалектах, а потом и языках. Т. П. Ломтев, основываясь на равноправии изменений этого и других звуков, закрепившихся впоследствии в разных языках в разных фонемах: украинское ъ → *и*, русское ъ → *е*; сочетания *ор*, *ер* в южнославянских языках, превратившиеся в *ра*, в западнославянских в *ро*, в восточнославянских в *оро*, *ере* (град–Гродно–город и т. д.), исследовал именно девиации¹. Очевидно, что в древние времена, тем более дописьменные, огромную роль в разнонаправленности девиаций играли расстояния: в процессе увеличения численности по мере удаления племен друг от друга терялась возможность постоянного общения, и

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

поколение за поколением подхватывало разнонаправленные изменения. В фонетике это раньше всего ь, носовые гласные, смягчения согласных. Но такая разнонаправленность касается не только фонетических расхождений (см., например, работы Г. Г. Полищук о разных соотношениях согласованных и несогласованных определений в восточнославянских языках)².

С появлением письменности разнонаправленность девиаций получает свое материальное воплощение и разные нормы начинают не только формироваться, но и закрепляться в написании, нередко очень отличавшемся от реального звучания. Отсюда длительное сохранение носовых гласных, букв ь, твердого знака в конце слов (теперь оканчивающихся на твердый согласный), хотя редуцированные гласные фактически перестали произноситься и тем самым вызвали перестройку чуть ли не всей не только фонетической, но и морфологической системы еще за шесть веков до орфографической реформы 1918 г.

Закрепленные на письме нормы породили обучение им, а постепенно и их осмысление, а следовательно, и возможность их кодификации. Это вызвало понятие языковой компетентности/некомпетентности первоначально как грамотности и неграмотности, поскольку ориентация шла на письменную речь вплоть до середины XX в., хотя уже А. С. Пушкин понимал, что письменная и устная речь различаются принципиально, и специально указывал на это. Фактически он не только отметил эти различия, но и основал в художественной речи послепушкинской поры разграничение авторской речи и речи персонажей как стилизации устной речи. Лингвисты же осознали эти различия только больше века спустя³.

В результате ориентации на письменную речь сформировались нормы грамотного использования языка (устные нормы заметил только А. С. Пушкин благодаря своей гениальности). Язык стал передаваться не просто от поколения к поколению, но и осваиваться по памятникам письменности, появились письменная, а потом и печатная художественная литература, жития святых, своды законов (уложений) и даже грамматики. XIX век окончательно «погасил» свободные девиации системы.

Влияние соседних языков тоже усилилось и расширилось за пределы непосредственного соседства. На Руси особую роль сыграло так называемое второе южнославянское влияние (первое – с принятием христианской веры при князе Владимире, а второе – уже в период Владимиро-Суздальской Руси и возвышения Москвы). Отсюда средневековый наплыв в русский язык старославянизмов и роль А. С. Пушкина в разграничении использования старославянских и русских вариантов (*град* и *город*, за *здравие* и *здоровье* и т. д.).

XIX век – век господства языковой компетентности в написании ь, языковых норм, ори-

ентированных прежде всего на письменную речь художественной литературы. Стилизация устной речи персонажей у многих писателей, в том числе у Л. Н. Толстого, не столько отвечает нормам устной речи, сколько создает речевую характеристику персонажей.

XX век ознаменовался «выходом на сцену» неграмотных масс. В результате, во-первых, была проведена радикальная орфографическая реформа. Во-вторых, расширился за счет не очень образованных людей состав популярных писателей. В-третьих, сначала изменился круг пишущих в газеты и читающих газеты благодаря успехам борьбы с неграмотностью (массовый ликбез). С широким распространением радио, а во II половине XX в. и телевидения влияние на нормы перешло от художественной литературы к СМИ. Однако прежняя ориентация на письменную речь не только сохранилась, но даже усилилась, поддержанная цензурой всего и вся: на радио и телевидении звучала не говоримая речь, а озвученная (читаемая по отцензурированным текстам) письменная речь. И это несмотря на уже понятые лингвистами принципиальные различия как порождения, так и восприятия письменной и устной речи и вопреки попыткам что-то изменить после специального постановления ЦК КПСС об усилении устной пропаганды (появились «устные» передачи «Сегодня в мире» и «Международная панорама» с имитацией говорения).

По-настоящему говоримая речь зазвучала в СМИ только в 1990-е гг. в результате перестройки под влиянием разных факторов (технические достижения, отмена предварительной цензуры, изменения законодательства). В звучащих СМИ с тех пор все расширяется объем говоримой речи в прямом эфире. Однако в 90-е гг. это завоевание обернулось огромным злом для языка. Опытные журналисты умели выразительно читать подготовленный и отцензурированный текст, соблюдая все кодифицированные нормы ударения, произношения и интонирования, но не умели говорить в прямом эфире. Их заменили на раскованных, но не имеющих специальной журналистской или хотя бы филологической подготовки. Некоторые из них с годами приобрели необходимые навыки и знания (С. Сорокина, В. Соловьев) и стали мастерами прямого эфира. Но большинство (даже в начале XXI в. 1/3 журналистов была без высшего образования) никакого представления не имело о структуре русского языка, его истории и необходимости соблюдения норм литературного языка и даже проявляло элементарное невежество. Так, например, А. Разбаш, которому доверили вести телепередачи «Час пик», упорно не соблюдал нормы ударения, утверждал, что *сам русский язык придумали болгары*. Незабвенный Владислав Листьев отмахивался от интервьюируемого ученого, пытавшегося поправить его: *Возбудитель холеры не вирус, а вибрион*, и услышавшего, как и все телезрители, в ответ: *Не все ли равно*. А один из

спецкоров, забыв школьные уроки химии, говорил, что *щелочь с серной кислотой образовали в канистре раствор, который взорвался*, и т. д. и т. п.

К тому же СМИ осознанно в борьбе с советским новоязом стали ориентироваться на речь масс. Вся страна слушала трансляции Съезда народных депутатов, в которых нередко не очень сведущие в нормах литературного языка депутаты «поправлялись» под горбачевское неправильное (*надо нАчать*), а некоторые уверенно использовали свойственные им *хочем* и *хочут*. В результате в языковом сознании масс пользователей русского языка все это принималось за норму⁴. Полуграмотная речь не только звучала, но и печаталась в газетах (*Надысь премьер-министр Англии совершил вояж в США*). У некоторых лингвистов появились даже сомнения в том, что русский язык сохранится под натиском варваризации и жаргонизации⁵. Способствовала таким сомнениям господствующая в 1990-е гг. практика переизданий не нормативных словарей, а словаря В. И. Даля («Словарь живого великорусского языка», к тому же середины XIX в.), словарей жаргонов, лагерной фени. Мат был детабуирован: печатался, свободно произносился (статья О. Б. Сиротининой под заголовком «Мат в художественной литературе – преступление» вышла в «Общей газете» с заглавием «Мат – лекарство от стресса»).

Спасло русский язык создание в конце 1995 г. Совета по русскому языку при Президенте РФ (потом при Правительстве) во главе с премьер-министром. Советом была разработана Федеральная целевая программа (ФЦП), в рамках которой начали издаваться нормативные словари, финансироваться исследования, курс «Русский язык и культура речи» вошел как обязательный в федеральный компонент вузовского обучения, совместно с Государственной думой был разработан Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации». Статус государственного в нем имеет только литературный русский язык, на котором и должны осуществляться обучение, законодательство, работа СМИ. Мат в общественных местах был запрещен. Работа Совета на этом в 2003 г. завершилась (теперь он снова возобновлен при Президенте), но ФЦП продолжалась.

Мониторинг речи в СМИ показывает, что с 2005 г. (Закон был опубликован 3 января 2005 г.) начался процесс самоочищения⁶. Ему способствовали приход новых журналистов – выпускников специальных факультетов и отделений, повышение квалификации журналистов, приобретение опыта теми, кто пришел в СМИ в перестроечные годы.

Естественно, что в новых условиях жизни (глобализации и криминализации, которая до сих пор не изжита) литературный язык очень изменился. Он пополнился необходимой (к сожалению, не только необходимой) лексикой, обозначающей новые реалии жизни: *риелторы, брокеры, дилеры,*

краудфандинг, консалтинг, джип, йогурт, пармезан. Из криминального жаргона в профессионализмы литературного языка перешли *стрелка, разборки, криминальные авторитеты*, из сленга – *прикольнo, круто, тусовка, продвинутый* и т. д. Не во всех случаях в пополнении была нужда. Некоторые «пополнители» не содержали новых оттенков значения. Поэтому уже почти не употребляется *тинейджер*, в конце XX в. вытеснивший русское *подросток*, но появилось *краудфандинг*, а чем оно лучше *народного финансирования*? Только своей однословностью? К сожалению, задержалось *аккурат*, хотя нужды в нем явно нет при наличии литературных *точно, как раз*.

Вряд ли эти изменения можно назвать девиацией лексической системы, как и в случае с распространившимися *приедьте, поедьте* вместо *приезжайте, поезжайте* в морфологической.

Сейчас основную роль во всех изменениях играет степень компетентности/некомпетентности, в том числе в знании английского языка. В условиях глобализации мира и роли в нем английского языка это приводит к излишней варваризации русского языка, причем с изменением адаптации с транслитерации на произносительную ориентацию (отсюда *консалтинговые фирмы, услуги* при старом и распространенном *консультация*, новое *краудфандинг* при сохранившемся *фонд*).

Недостаточная компетентность в русском языке и его нормах приводит к распространению через СМИ, которые воспринимаются как эталон правильной речи, явных ошибок. Даже в речи С. Шаргунова и С. Брилева звучат неправильные формы повелительного наклонения *приедьте, проедьте, поедьте*. Единичны формы III лица мн. ч. глагола *читать* – *читут*, как правило, звучит и печатается форма *читят*, уже разрешенная словарями. Фактически вытеснен глагол *надеть*, во многом по ассоциации с существительным *одежда* в речи очень культурных людей господствует *одеть* (даже у лингвистов). Не в речи журналистов, но в СМИ постоянно звучит *квАртал* (30.05.2017 зафиксировано и в речи А. Кондрашова в телепередаче «Вести»). В речи В. В. Путина, в целом редко отклоняющегося от кодифицированных норм и конвенционально сложившихся норм речевого поведения, звучит только *обеспечЕние*, хотя, как он сказал на объединенном заседании советов по культуре, он знает, что правильно *обеспЕчение* (журналисты эту норму соблюдают).

Новые условия распространения СМИ (к радио, ТВ добавился мгновенный и интерактивный Интернет) способствуют невероятному ускорению всех процессов. Если раньше девиации развивались веками, то теперь многое меняется за месяц (в мониторинге речи в СМИ это очень заметно), а СМИ, особенно Интернет, влияют на речь масс неосознаваемо. Но еще важнее и страшнее само влияние речи в СМИ на речь масс, которая в свою очередь влияет на СМИ, и получается

замкнутый круг. Быстрое реагирование системы языка поддержано вечным стремлением человека к экономии умственных усилий, отсюда появление, мгновенное распространение, превращение в модное употребление некоторых новых слов. Совсем недавно в СМИ появилось слово *МЕМ*. Сначала только о человеке, публично известном, потом о чем угодно, обсуждаемом и в Интернете, теперь слово *МЕМ* в СМИ употребляется постоянно. Оно стало модным, потому что очень емко и диффузно, без особых усилий как адресанта, так и адресата обозначает то, что сейчас важно, обсуждаемо, привлекает к себе общее внимание⁷. Недаром словарь модных слов куда, разумеется, вошло и слово *МЕМ*, выдержал уже два издания, второе было очень расширено за счет появления новых модных слов⁸.

Со всем этим связан активизировавшийся процесс диффузии лексики, использование одного более диффузного изначально или приобретающего отсутствовавшую диффузность слова. Употребление *схожий* вместо различающихся *сходный–похожий–подобный*; *одеть* без разграничения на себя (*надеть*) или кого-то + *одежда*; *довольно* при диффузии *достаточно* (без указания *для чего* и не только в функции предиката); *прикольный* и *продвинутый*, заменяющие собой целый ряд разнородных признаков чего-либо. Это и процесс возрождаемого синкретизма дискурсивной и однозначной лексики (с синтаксической функцией члена предложения)⁹.

Стремление к экономии умственных и речевых усилий особенно ярко проявляется в Интернете с реактивностью, а не продуманностью комментариев пользователей. Мгновенная реакция, во-первых, исключает продумывание, во-вторых, осуществляет экономию усилий (особенно ярко это проявляется в использовании лайков, а не слов, тем более предложений), в-третьих, пока еще существующая анонимность позволяет не стесняться использования грубой лексики, любых окказионализмов. Сидение в Интернете поглощает все свободное время пользователей языка, подменяя в их сознании обдумывание на мгновенную реакцию, вырабатывая привычку не формировать свои мысли, а только выражать мгновенно возникшую реакцию. Влияние Интернета поэтому не только ускоряет языковые процессы, но в результате отучает пользователей строить связные тексты, обедняет их лексикон, а как следствие в конечном итоге и систему языка (беднеют синонимические ряды, диффузы вытесняют слова с четким сигнификатом и конкретным референтом-денотатом)¹⁰.

Свободные девиации системы в условиях жизни с Интернетом становятся неосуществимыми, а зависимость от степени компетентности пользователей все возрастает. Казалось бы, компетентность в конвенциональных нормах речевого поведения и кодифицированных нормах языка должны в силу их легкой через Интернет до-

стижимости возрастать. Однако это свойственно только носителям полнофункционального типа речевой культуры, а для пользователей в лучшем случае характерна среднелитературная речевая культура, а то и обиходная, даже арготичная и просторечная. Но пользователей русским языком, несомненно, больше, чем носителей языковых норм. Вот и получается, что судьба языка выпадает из-под влияния речи полнофункционального типа речевой культуры и начинает зависеть от пользователей языком.

Сейчас снова сформировали Совет по русскому языку при Президенте, создали Общество русской словесности во главе с Патриархом, начаты перемены в школьном образовании (введено сочинение, изменены задания ЕГЭ). Но хватит ли этого? Переселят ли они влияние Интернета? Тем более что оно поддержано и невысокой компетентностью (или невысокой ответственностью за судьбу языка?) журналистов теперь уже и традиционных газет, радио, ТВ.

Г. Я. Солганик не без основания считает, что в XXI в. язык СМИ подменил в сознании пользователя языка литературный русский язык, объединив в нем его упрощенную (за счет минимизации функционально-стилевой дифференциации и норм культуры общения) систему с нелитературными речевыми компонентами национального языка¹¹. Особенно ярко это новое языковое единство заметно в соцсетях Интернета. Современные СМИ вместе с Интернетом практикуют фактически все виды человеческой коммуникации, зачастую подменяя собой естественное общение. Они стали настолько разнообразны (перечень только государственных СМИ без региональных и частных занял целую полосу «Российской газеты» за 31.12.2017). В результате удовлетворяются потребности пользователей в новостях, политике, несмотря на законодательный запрет вторжения в частную жизнь людей, они переполнены сплетнями о личной жизни («Судьба человека», «Пусть говорят», «Прямой эфир», «Жена» и др.).

Меньше всего передач и статей познавательных, больше всего – развлекательных, при этом процессы жаргонизации, криминализации и лексического обеднения языка СМИ сопровождаются и другими негативными явлениями.

Наблюдение за речью в современных СМИ позволяют говорить о двух активных процессах в новостных сообщениях, информационных заметках, интервью, особенно с представителями власти: обезличивания информации о событиях и фактах, обезличивания оценок и усиления личностного начала.

С одной стороны, публикации все больше напоминают ушедший «канцелярит», новояз советской эпохи с его штампованностью, неопределенностью, обилием неясных высказываний, размытостью смысла. Мы видим в СМИ массу стереотипных клишированных конструкций, столь свойственных официальному языку чи-

новников и содержащих формальные неопределенные характеристики предлагаемых властью «мер»: *В социальном блоке правительства сейчас обсуждается широкий набор возможных мер в этой сфере, оценивается их эффективность с учетом бюджетных возможностей* («Российская газета», 20.09.2016). Журналистам приходится «переводить» для массового читателя сказанное представителем власти. Вот пример одного такого журналистского «перевода»: *«В случае если бы наблюдался дефицит на продовольственную пшеницу 3-го класса, цена бы росла на это зерно и поднялась выше 10,5 тыс. рублей за тонну», – заверили в ведомстве. Переводя с птичьего языка на русский: «мы не знаем: какие у нас запасы муки высокого класса. Просто смотрим на ценник»* («Аргументы недели», 06.10.2016).

Такие фразы затрудняют восприятие информации с первого прочтения, способствуют денотативной размытости передаваемой информации, делают информацию «пустой», плохо понятной. Фактически такие конструкции представляют собой устойчивые идеологические или экономические штампы. Журналисты сетуют на обилие в новостных материалах о деятельности властных структур красивых общих слов и фраз, таких как *смягчение региональной поляризации, сокращение дифференциации по уровню доходов*, но, тем не менее, продолжают употреблять их в своих материалах. «Красивые общие слова» порой скрывают истинное положение дел и в конечном счете используются для сознательного стремления манипулировать сознанием потребителей СМИ. Передаваемая информация приобретает безличный облик, а журналист получает возможность не указывать главное действующее лицо события или по незнанию, или из-за неуверенности в достоверности имеющихся у него сведений о деятеле, или потому, что по каким-то причинам не хочет его называть. Он представляет деятеля или как обобщенное лицо (власть вообще и люди вокруг нее, власть и ее свита), или как неведомую силу, назвать которую не представляется возможным: *В списке претензий регулятора уже ставшие привычными в таких случаях нарушения банковского и отмывочного законодательства, неадекватная оценка рисков (у Росинтербанка она привела к полной утрате собственных средств), просрочка по обязательствам перед кредиторами* («Российская газета», 20.09.2016). Общественно-политические процессы подаются как не зависящие от воли человека: *При существовавшем построении дела денежные средства по дороге к организациям, оказывавшим непосредственные услуги, «усыхали» и не всегда доходили до непосредственных исполнителей.* <...> *Процедура «расшивки» долгов за предыдущие годы путем оплаты причитающихся денежных средств напрямую субподрядчикам не может идти безболезненно* («Московский комсомолец», 31.10.2013). В этом

фрагменте присутствуют безагентивные предложения разных типов, в том числе предложения с номинализированными, метонимическими конструкциями. Следует, вероятно, говорить о процессе, который условно можно назвать «бюрократизацией» языка СМИ. Особенно он заметен, как мы уже отмечали, в информационных жанрах, для создания которых порой используются почти дословно переданные, не адаптированные для масс пресс-релизы с решениями властных структур, избыточные канцеляризмами, стереотипными конструкциями, формальными неопределенными характеристиками, столь свойственными официальному языку чиновников: *Положение в этих регионах стабилизируется. Правительство РФ, Совет Федерации, органы власти субъектов продолжают работу над совершенствованием государственной политики.* <...> *Предлагаются меры стимулирования активности регионов* («Аргументы и Факты», 2016, № 43).

Рассмотренные нами примеры увеличения доли стандартных обезличенных конструкций в новостных сообщениях и многочисленных интервью с представителями власти демонстрируют сдвиг в сторону стандарта, штампованности, что снижает эффективность медиатекстов, качество передаваемой информации, а следовательно, и ее воздействующий эффект¹².

Обратный процесс – сдвиг в сторону излишней субъективности, подчеркнутой демонстрации журналистской личностной позиции, иногда неоправданного «украшательства» выразительными средствами – наблюдается в информационно-аналитических, публицистических текстах, авторских колонках, эссе. «Творческое своеобразие предполагает новизну и оригинальность, неожиданность, небанальность, что может касаться как смысловой, так и стилистической стороны речи»¹³. Критериями оценки фактов речевого творчества обычно считаются новизна, неожиданность, оригинальность, полезность, целесообразность, выразительность, запоминаемость, легкость для воспроизведения и некоторые другие¹⁴. Однако нужны серьезные причины, позволяющие журналисту изменять значения слов, их сочетаемость, использовать наращивания смысла, трансформировать фразеологизмы. Ситуация конкуренции, в которой находятся СМИ, особенно газеты, очень часто заставляет журналистов искать какие-то броские, необычные языковые средства для выражения своих мыслей, позволяющие им выделиться из круга похожих изданий, любой ценой заставить читателя обратить на себя внимание. Но поиски необычного в условиях беспредельной свободы при недостаточном уровне коммуникативной компетенции приводят к ухудшению качества передаваемой информации (к ее неопределенности, неточности и даже недостоверности), фамильярности, развязности тона, ерничанью в изложении даже серьезных, а порой и трагических событий.

Конечно, выразительность медиатекстов – необходимое условие выполнения воздействующей функции. Журналисту важно в процессе передачи информации установить контакт с массовым адресатом, привлечь его внимание, заинтересовать (а порой и заинтриговать) обсуждаемой проблемой. Но при этом нельзя забывать, что нужно быть очень осторожным, чтобы в погоне за выразительностью не нарушить не только речевых, но и этических и эстетических норм. Стремление к выразительности не может быть достигнуто ценой разрушения норм вообще, так как это может привести к разрушению традиций и целостности культуры.

Перенасыщенность текста разнообразными тропами может восприниматься как стремление журналиста к «новизне» во что бы то ни стало и способна серьезно ухудшить качество информации, а непонимание из-за незнания рождает раздражение. Те же риски вызывает и перенасыщение текста просторечными словами, жаргонизмами, которые могут снижать качество медиатекстов и помешать СМИ выполнять их просветительскую функцию – позитивно влиять на речевую культуру общества.

Негативно влияет на речь в СМИ и несоблюдение конвенциональных и даже кодифицированных этических, риторических и собственно коммуникативных норм речевого поведения участниками распространившихся в последнее время телевизионных ток-шоу, правда, не до такой степени, как в Интернете. А ведь эти программы занимают большой сегмент коммуникативного пространства, имеют высокие рейтинги, а следовательно, оказывают большое влияние на речь и коммуникативную культуру общества.

Участникам такого типа передач особенно важно уметь дискутировать, соблюдая правила кооперативного речевого поведения: не перебивать друг друга, не кричать, аргументировать свою точку зрения, всячески показывать уважение к собеседнику, слушать его, стараться понять, а не демонстрировать настоящую «коммуникативную глухоту». К сожалению, участники современных общественно-политических телешоу постоянно демонстрируют неуважение к оппонентам, нетолерантность, излишнюю категоричность, безапелляционность. Участники ток-шоу не стремятся к гармонизации общения и не ищут компромиссов. В качестве аргументов своей позиции они чаще всего используют не рациональные и фактические, а эмоциональные. Самой частотной тактикой речевого общения становится «навешивание ярлыков». Такое впечатление, что свою цель участники обсуждения видят в необходимости любой ценой переспорить оппонента, используя для этого запрещенные в публичной дискуссии грубые приемы, оскорбления, приводящие к унижению оппонента. Вот несколько показательных реплик участников полемики:

Я Вас не перебивал! (одна из самых частотных реплик); *Дайте договорить!*; *Вы ничего не понимаете!*; *Охамел совсем!*; *Этот бред слушать невозможно. Вы покрываете убийцу!* и т. д. При этом используется масса невербальных средств, усиливающих эмоциональный накал спора. Каждый участник обсуждения старается проговорить свой аргумент как можно быстрее: он боится, что его перебьют, и совсем, конечно, не думает о том, поймет ли его телезритель, следящий за ожесточенной полемикой и одновременными выкриками ее участников. Ведущий программы «Первая студия» Артем Шейнин вынужден даже выходить из студии, чтобы обратиться к телезрителям с такими словами: «Вы все равно ничего не поймете из этого крика, пусть они немного остынут – реклама». Раскованность (точнее даже коммуникативная распушенность) поражает¹⁵.

К сожалению, такое же речевое поведение демонстрируют не только гости студии, но и многие ведущие анализируемых программ, даже очень опытные. Они забывают о высокой ответственности за речевую культуру общества в целом, о том, что в числе прочих их задача состоит и в просвещении, воспитании, по меткому выражению В. Г. Костомарова, «языкового вкуса эпохи».

Особенно поражают многочисленные нарушения этических норм, проявляющиеся не только в отсутствии уважения друг к другу, но и, самое главное, к массовому адресату – потребителю СМИ. Участники ток-шоу и их ведущие нередко не только не помогают массовому адресату, да и самим участникам дискуссии, а скорее мешают разобраться в сути проблемы и найти пути решения сложных вопросов, которые ставит жизнь. В такой обстановке не может быть речи о воздействии на опосредованного адресата, т. е. о выполнении основной цели любых средств массовой коммуникации. Все это подрывает авторитет телевидения (а оно вместе с Интернетом, повторим еще раз, сейчас является наиболее востребованным средством получения информации), создает атмосферу недоверия к такому посреднику между властью и народом, как СМИ, а значит, и к самой власти.

Создается впечатление, что мы разучились спорить и искать истину в споре. Наблюдая за разворачивающимися между коммуникантами настоящими «боями», «ожесточенными» полемиками, понимаешь, сколь важны в таких ситуациях общая культура и достаточный для эффективного общения уровень коммуникативной компетентности и журналистов, и экспертов-политологов, и приглашенных в качестве экспертов представителей власти. Эти передачи идут по всем каналам каждый день. Подготовиться к ним основательно мешает элементарная нехватка времени. Качественное шоу могут провести эффективно только профессионалы с высоким уровнем речевой культуры, с отработанными до автоматизма навыками эффективной коммуникации. Их, к сожалению, у нас мало.

Перебивать и говорить одновременно стали даже на канале «Культура», чего раньше не было. На радио, особенно в передаче «Особое мнение» радиостанции «Эхо Москвы», звучит не только своя точка зрения, но журналист нередко перебивает говорящего, оба не стесняются грубости. В газетах журналисты, конечно, сдержаннее, но в оппозиционных текстах раскованность нередко свободу мнения заменяет свободой выражения без оглядки на законодательство. В «соблюдающих» законы о СМИ текстах из-за стремления избежать судебной ответственности, как мы уже отмечали, процветает обезличенная информация (*говорят, считают, считается, безымянные эксперты, депутаты, в правительстве* и т. п.), которая нередко превращается в отсутствие реальной информативности.

Таким образом, с нашей точки зрения, время девиаций языковой системы как основного фактора ее изменения осталось в далеком прошлом. С появлением письменности начинается осознаваемое обучение, общение на расстоянии и на века, требующее выработки норм, гасящих возможность девиаций. И даже в обозримом прошлом основным фактором изменений становится кодификация по выбору нормализаторов и учета степени компетентности/некомпетентности в нормах данного периода большинства говорящих на этом языке или их части, которая характеризуется наибольшей речевой активностью (писатели, журналисты, а еще раньше – писцы)¹⁶.

В XXI в. речевая активность переместилась в Интернет, и большинство пользователей языком (по терминологии Г. П. Нецименко) являются не носителями языковых норм, от речи которых зависит судьба языка, а именно пользователями. Отсюда очень высокая значимость степени их языковой и речевой компетентности, так как результаты их речевой активности начали влиять на выбор нормализаторами фактов для закрепления в качестве норм. Речевые факты большинства населения уже получают закрепление в нормативных словарях. В них фиксируются: профессиональные нормы медиков, юристов; сдвиг ударения на первый слог (*включить, твою, форма чтят* и т. д.); перевод тех или иных слов из разряда просторечных или арголических в разговорные (*схожий*) и даже нейтральные (*беспредел, разборки*) и т. д.¹⁷

Этот процесс проходит три этапа: сначала отступление от норм закрепляется как допустимое, потом без такой пометы просто размещается на втором месте, а на третьей стадии даже перемещается на первое место. Так, если еще недавно словари давали *одноверемно* и *одноверемно*, то теперь второе переместилось на первое место. И в словарях для работников радио и телевидения ударение на третьем слоге дается даже как единственно разрешенное¹⁸.

Несомненно, в современных изменениях норм играет роль и само расширение возможности восприятия речи пользователей. Это не

только доступность радио, телевидения, чего не было даже в конце XX в., теперь и Интернета с их все возрастающей интерактивностью, но и расширение круга людей с профессиональной речевой активностью, но без нужной языковой компетентности в среде медиков, юристов, депутатов-законодателей¹⁹. Плохую роль сыграли и изменения в школьном и вузовском образовании, ослабившие внимание к языку (были убраны сочинения, устные экзамены заменило ЕГЭ, из обязательного компонента вузовского образования убран курс «Русский язык и культура речи»), очень подорожали словари.

Следы «оптимизаций» дают о себе знать. В 2007 г. один из авторов данной статьи утверждал, что судьба языка зависит от нас всех, каждого говорящего на русском языке²⁰. Теперь к этому можно добавить, что во многом судьба русского языка зависит и от условий жизни в стране, имея в виду образование, просвещение (языкового в СМИ очень мало, а публичные лекции фактически давно исчезли), стоимости издаваемых пособий и словарей, степени компетентности журналистов. Без соответствующей активности лингвистов и откликов на эту активность органов власти засорение и обеднение нашего языка продолжится.

Нельзя свободу мнений превращать в свободу выражения, нужно заботиться о сохранении своего языка, его богатейших возможностей, добиваться сокращения количества его пользователей и расширения носителей, т. е. повышать уровень языковой компетентности говорящих и пишущих на русском языке, поменьше сидеть в соцсетях и не забывать классическую русскую литературу, следуя завету А. П. Чехова учиться писать у М. Ю. Лермонтова.

Примечания

- ¹ См.: *Ломтев Т.* К вопросу о причинно-следственных отношениях в развитии структуры языка // *Язык и человек* : сб. ст. М., 1970. С. 167–192 ; *Его же.* Фонология современного русского языка на основе теории множеств. М., 1972 ; *Его же.* Общее и русское языкознание. Избранные работы. М., 1976.
- ² См.: *Полищук Г.* Синонимика атрибутивных словосочетаний в восточнославянских языках // *Развитие синтаксических конструкций в русском литературном языке XVIII века* : сб. ст. / науч. ред. Н. А. Широкова. Казань, 1972. С. 8–14 ; *Ее же.* Стилевое функционирование генитивных словосочетаний в восточнославянских языках // *Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков* / отв. ред. В. И. Кононенко. Киев, 1981. С. 244–258 ; *Ее же.* Необходимые и факультативные определения в русском языке : коммуникативная и конструктивная роль. Саратов, 2011.
- ³ См.: *Пушкин А.* Письмо к издателю // *Пушкин А. С.* Собр. соч. : в 10 т. Т. 7. М. ; Л., 1949. С. 435–442.
- ⁴ См.: *Нецименко Г.* Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации :

- Проблемы, тенденции развития // *Вопр. языкознания*. 2001. № 1. С. 98–132.
- ⁵ См.: *Данн Дж.* О функциях «английского» в современном русском языке // *Russistik* (Берлин), 1997. № 1/2. С. 27–36; *Дуличенко А.* Русский язык конца XX столетия. München, 1994.
- ⁶ См.: *Сиротинина О.* Русский язык : система, узус и создаваемые ими риски. Саратов, 2013.
- ⁷ В «Словаре языка Интернета» под ред. М. Кронгауза (М., 2016. 288 с.) на с. 200 читаем: «МЕМ, интернет-мем – короткий фрагмент информации (слово или фраза, изображение и т. п.), мгновенно и неожиданно ставший модным и активно воспроизводящийся в Интернете, в том числе в новых контекстах или ситуациях. От английского термина «мем», введенного британским популяризатором науки Ричардом Докинзом в 1976 году. Со словом *мем* связаны слова *меметизироваться* (стать мемом), *меметизация* (превращение в мем). Используются также разговорные варианты *мемчик* и *мемес*. При воспроизведении мема исходное значение может модифицироваться и расширяться, что создает пространство для языковой игры. Классический мем 2006 года “Трэвед, медвед!” выражает не только то, что кого-то застали врасплох, но и целый ряд других смыслов».
- ⁸ См.: *Новиков Вл.* Словарь модных слов. М., 2012; *Его же.* Словарь модных слов. Языковая картина современности. М., 2016. (Словари для интеллектуальных гурманов.)
- ⁹ См.: *Викторова Е.* Вспомогательная система дискурса. Саратов, 2015.
- ¹⁰ См.: *Сиротинина О., Матяшевская А.* К чему может привести экономия речевых усилий в коммуникации на русском языке? // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2016. № 1. С. 150–164.
- ¹¹ См.: *Солганик Г.* Язык СМИ и культура // *Актуальные проблемы стилистики*. 2017. № 3. С. 13–25.
- ¹² См.: *Кормилицына М.* Содержательная неопределенность современных медиатекстов как результат нарушения в них баланса стандарта и творчества // *Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной*. Саратов, 2016. Вып. 16. С. 16–27.
- ¹³ *Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой*. Изд. 2-е, испр. М., 2007. С. 245.
- ¹⁴ См.: *Копнина Г.* Риторические приемы современного русского литературного языка : Опыт системного описания. М., 2012.
- ¹⁵ См.: *Кормилицына М.* Риски, связанные с нарушениями коммуникативных норм речевого поведения участников официального общения // *Медиапространство России, Европы и Северной Америки как пространство риска : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию гуманитарного образования в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского* (Саратов, 1–3 марта 2017 г.). Саратов, 2017. С. 142–148.
- ¹⁶ См.: *Морковкин В., Богачева Г., Луцкая Н.* Большой универсальный словарь русского языка. М., 2016.
- ¹⁷ См.: *Каленчук М., Касаткин Л., Касаткина Р.* Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века : норма и ее варианты. М., 2012.
- ¹⁸ См.: *Штудинер М.* Словарь трудностей русского языка для работников СМИ. Ударение, произношение, грамматические формы. М., 2016. (Словари для интеллектуальных гурманов.)
- ¹⁹ См.: *Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / А. Байкулова [и др.] ; под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной*. Саратов, 2015.
- ²⁰ См.: *Сиротинина О.* От кого зависит судьба русского языка? // *Русская речь*. 2007. № 1. С. 44–50.

Образец для цитирования:

Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Влияние девиации языковой системы и коммуникативной некомпетентности журналистов на речь в СМИ и систему языка // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 124–131. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-124-131.

Cite this article as:

Kormilitsyna M. A., Sirotnina O. B. The Impact of the Language System Deviation and Communicative Incompetence of Journalists on Mass Media Speech and the System of Language. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 124–131 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-124-131.

УДК 81'373.46.34

СОЦИОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГО И ИДЕОЭТНИЧЕСКОГО В ПРАВОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И В ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

С. П. Хижняк

Хижняк Сергей Петрович, доктор филологических наук, заведующий кафедрой английского языка, Саратовская государственная юридическая академия, khizhnyaksp@inbox.ru

В статье рассматривается проблема влияния социогенного фактора на формирование языковых картин мира в историческом аспекте на материале картин мира права и правоведения в разноструктурных языках. Особое внимание уделяется одному из спорных вопросов терминоведения – проявлению национально-культурной специфики термина.

Ключевые слова: правовая картина мира, юридическая терминология, язык и культура, термин.

Sociogenic Factors of Generation of the Universal and the Ethnic in Legal Picture of the World and in Legal Terminology

S. P. Khizhnyak

Sergey P. Khizhnyak, ORCID 0000-0001-6456-6175, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, khizhnyaksp@inbox.ru

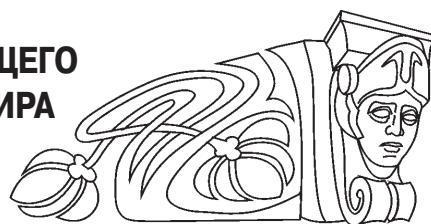
The article deals with the problem of sociogenic factors' influence on shaping of linguistic pictures of the world from the historical point of view with the example of the pictures of the world of law and jurisprudence in languages possessing different structural properties. Special attention is paid to one of the disputable issues of terminological studies – manifestation of cultural identity of terms.

Key words: legal picture of the world, legal terminology, language and culture, term.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-132-137

Проблема термина и формирования научных картин мира в антропологической лингвистике занимает центральное место, так как дает возможность представить ступенчатый характер человеческого познания от наивных представлений о явлениях действительности до объективного их осмысления в практической деятельности и формирования научных концептосфер, ограниченных определенной сферой знания, постоянно меняющихся и взаимодействующих в соответствии с преобразованиями в обществе, подходами к научному осмыслению явлений действительности, что неизбежно находит отражение в лексической системе языка и его подсистемах.

В современном терминоведении и когнитивной лингвистике прочно укоренилось мнение о том, что все научные картины мира и системы терминов научного этапа развития знания лишены содержательной национально-культурной специ-

фики в силу универсальности научных понятий и концептов, однако могут проявлять такую специфику в формальной оболочке терминов¹. Цель данной статьи – рассмотреть общее и различное (идеоэтническое) в формировании правовых картин мира и юридической терминологии в истории развития языков и обществ в соответствии с выделяемыми тремя этапами эволюции знаний: донаучного, протонаучного и собственно научного.

Осмысление специфики указанных периодов в отношении развития различных отраслей знания, видимо, должно быть дифференцированным, учитывающим конкретную научную или практическую сферу человеческой деятельности, функции отрасли знания и ее роль в жизни общества, соотношение эмпирического и теоретического в структуре знания, поскольку его различные области развиваются в соответствии с особыми периодами внутри каждого этапа развития общества и познания. Так, в истории первобытной эры выделяют *три периода («эпохи») развития врачевания в соответствии с тремя этапами развития примитивного общества*: 1) врачевание эпохи праобщины, связанное с первоначальным накоплением и обобщением эмпирических знаний о приемах и природных средствах врачевания; 2) врачевание эпохи первобытной общины – период, когда происходило развитие и формировалось целенаправленное применение накопленного эмпирического опыта лечения людей; 3) врачевание эпохи классового общества, связанное с формированием культовой практики врачевания и индивидуальной деятельностью лекарей как особой профессиональной группы².

Иное положение отмечается для правовой сферы, которую для **донаучного периода** можно именовать так лишь условно. А. А. Шепталин пишет: «Учитывая с позиций антропо- и социогенеза тот факт, что формирование человека современного вида и раннеродовой общины проходило в рамках эпох среднего и верхнего палеолита... следует признать, что подавляющую часть своей истории человечество регулировалось отношениями, к которым термины “право” и “правоотношение” практически не применимы. Тем не менее регуляторы, регламентировавшие и упорядочивавшие поведение отдельных индивидуумов, групп и коллективов людей в самых разнообразных аспектах жизнедеятельности, активно функционировали, регулярно обновлялись и эволюционировали в соответствии с характером общественных отношений в тот или иной исторический период»³. Таким

образом, институт социального регулирования считается ровесником человеческого общества. В работах по социальной антропологии также отмечалось, что и в первобытных, и в цивилизованных обществах любая деятельность человека предполагает формирование организованного поведения⁴. Правила поведения в первобытном обществе называют мононормами, подчеркивая недифференцированное объединение в них зачатков права, религии и морали⁵. На основе таких правил поведения еще до образования государства формировалось обычное право – система сложившихся правовых обычаев.

В списке общеиндоевропейских семантем, составленном Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым⁶, можно выявить довольно значительный их корпус, который мог относиться к нормам обычного права. Правовые общеиндоевропейские семантемы в соответствии с их содержанием можно распределить по концептосферам: 1) имущество и связанные с ним отношения (*богатство, имущество, движимое имущество, лишенный имущества, хозяин, состояние, собственность*); 2) товарообмен и торговля (*обмениваться, платить цену, торговать, торговая стоимость, цена, продавать, подарок*); 3) виновность (*вор, воровать, виновный, насиловать, похищать невесту, сознавать вину (грехи), убивать, уволить силой*); 4) наказания (*мицение, мстить, наказывать, принуждение*); 5) организация общества (*божественный, власть, община, повелитель, царь, предводитель, рука как символ власти, предначертание, чужестранец, старший, свободный земледелец, господин, госпожа*); 6) общественные регуляторы (*указывающий закон, предписания, соглашение, соответствовать установлению, требовать, обряд*), обязанности (*давать обязательство, почитать*); 7) объективные факты (*жить, умереть своей смертью*), 8) состояние общественной жизни (*мир, иго*); 9) родство и родовая иерархия (*мать жены, мать матери, мать мужа, мать отца, дочь брата, дочь дочери, дочь сестры, дочь сына, своя жена, супруга, глава семьи* и мн. др.). Эта система семантем сформировала специфическую концептосферу и наивно-правовую картину мира, которая впоследствии стала основой формирования разновидностей правовой картины мира, развития правовой мысли как практической (законодательной), так и научной.

В период разложения родоплеменного строя из первобытных мононорм выделились предправо и мораль. «Термин “предправо” характеризует нормы общества, которое еще не достигло уровня государственности, но уже далеко ушло от первобытности»⁷. Для обозначения существования догосударственных норм и «подчеркивания большого значения обычая в условиях отсутствия законодательства используется термин “обычное право”; однако появление права традиционно связывается с появлением государства»⁸. Обычай

подкреплялись особенностями этнокультуры, и после возникновения государства многие из них сохранили свое общественное значение, став правовыми обычаями⁹. Они были санкционированы государственной властью и закреплены в древних писаных законах разных народов (Законы Хаммурапи, Законы Ману, Законы XII таблиц, Англосаксонские законы, Русская Правда и др.).

Протоэтнонаучный период развития юридической терминологии и правовой картины мира, таким образом, связан с возникновением государства и писаных законов, в которых формулируются нормы права. В современном понимании норма права состоит из трех элементов – гипотезы, диспозиции и санкции. Эта структура репрезентуется логико-языковой формулой: «Если ... то ... а иначе», использовавшейся с древнейших времен до настоящего времени, обуславливая преемственность логики правового мышления на разных этапах развития общества. К. Г. Красухин отмечает, что «древнейшие законодательные акты представляют собой условные предложения, протасис которых содержит антецедент импликаций, а аподосис – ее дебетивный консеквент. Такая логическая однотипность сочетается с лингвистической»¹⁰ и заметна уже в древних законах разных народов. Ср. транскрипцию и перевод статей Законов Хаммурапи, написанных на ассиро-вавилонском языке (приблизительно в 1750-х гг. до н.э.; нумерация параграфов и строк внесена в текст современными учеными и в разных изданиях может различаться), где *šum-ma* – союз «если»:

§ 1. – V, 26–32. 26 *šum-ma a-wi-lum ba-wi-lam* 27 *u-ub-bi-ir-ma* 28 *ne-ir-tam e-li-šu* 29 *id-di-ma* 30 *la uk-ti-in-šu* 31 *tu-ub-bi-ir-šu* 32 *id-da-ak*¹¹ (Если человек клятвенно обвинил человека, бросив на него обвинение в убийстве, но не доказал его, то обвинитель его должен быть убит¹²);

§ 3. – V, 57–67. 57 *šum-ma a-wi-lum* 58 *i-na di-nim* 59 *a-na ši-bu-ut* 60 *ša-ar-ra-tim* 61 *u-zi-am-ma* 62 *a-wa-at iḫ-bu-u* 63 *la uk-ti-in* 64 *šum-ma di-nu-um bšu-u* 65 *di-in na-bi-iš-tim* 66 *a-wi-lum šu-u* 67 *id-da-ak*¹³ (Если человек выступил в суде для свидетельства о преступлении, и слово, которое он сказал, не доказал, а это дело – дело о жизни, то человек этот должен быть убит¹⁴).

Сходную структуру норм права можно обнаружить и в древних законах, написанных на разных индоевропейских языках, например в законах англосаксонских королей:

*Gif man mannan ofslæhð, medume leodgeld scillinga gebete*¹⁵ (Если человек убьет кого-либо, он заплатит обычную цену за человека в 100 шиллингов) (перевод наш. – С. X.)

Как видим, логическое отношение протасиса и аподосиса, выражаемое в языковой форме условными предложениями, – универсальная характеристика когнитивно-дискурсивной деятельности человека в сфере нормативно-правового регулирования жизни общества, а также средство формирования правовой концептуаль-

ной и языковой картин мира, которые не только включают в себя концепты, понятия и термины, но и формируются с учетом особой логики. Такая структура законодательного текста, как уже было отмечено, пронизывает всю историю развития права и способствует юридизации обыденных понятий и слов в разных языках до настоящего времени. Ср.:

§ 351 (d) *If two or more persons conspire to kill or kidnap any individual designated in subsection (a) of this section and one or more of such persons do any act to effect the object of the conspiracy, each shall be punished (1) by imprisonment for any term of years or for life, or (2) by death or imprisonment for any term of years or for life, if death results to such individual*¹⁶;

3. *Verantwortlichkeit. Ein Jugendlicher ist strafrechtlich verantwortlich, wenn er zu Zeit der Tat nach seiner sittlichen und geistigen Entwicklung reif genug ist, das Unrecht der Tat einzusehen und nach dieser Einsicht zu handeln*¹⁷;

Статья 217. Нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах. 1. *Нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах или во взрывоопасных цехах, если это могло повлечь смерть человека или иные тяжкие последствия, – наказывается штрафом в размере от ста до двухсот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного до двух месяцев, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового*¹⁸.

Со временем формировались и другие способы выражения гипотез, диспозиций и санкций, но и такие формулировки с легкостью могут быть трансформированы в условные предложения, поскольку логическая структура нормы остается прежней. Ср.:

§ 351 (b) *Whoever kidnaps any individual designated in subsection (a) of this section shall be punished (1) by imprisonment for any term of years or for life, or (2) by death or imprisonment for any term of years or for life, if death results to such individual*¹⁹.
→ **If anybody kidnaps... he/she will be punished...*;

Статья 223. Незаконное изготовление оружия. 1. *Незаконное изготовление или ремонт огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, а равно незаконное изготовление боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств – наказываются лишением свободы на срок от двух до четырех лет*²⁰. → **Если кто-либо изготавливает... он наказывается...*

Не всякая норма содержит все три элемента. В ряде формулировок не только древних, но и современных норм, закрепленных в законах, можно выделить только гипотезу и диспозицию, в других – гипотезу и санкцию²¹, в дефинитивных нормах

эти элементы отсутствуют, но в рамках их логико-языковой структуры языковой знак приобретает более четкую терминологическую функцию, что способствует формированию правовой картины мира, отграниченной от ее обыденного варианта. Например, в ст. 28 Краткой редакции Русской Правды можно отметить гипотезу и диспозицию: *Аще же придет кровавь мужь любо синь, то не искати ему послуха*²². Слова *кровавь (синь) мужь, искати послуха* входят в логическую структуру нормы в качестве гипотезы и диспозиции, а потому выполняют терминологическую функцию. В ст. 23 Пространной редакции Русской Правды, представляющей собой аналог вышеуказанной статьи, можно выявить все три элемента нормы:

*Аже придет кровавь мужь на дворь, или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажу 3 гривны; аще ли не будеть на немь знаменья, то привести ему видокъ слово противу слова; а кто будеть почаль, тому плати 60 кунь; аче же и кровавь придет, или будеть самъ почаль, а вылезуть послуси, то ему за платежь, оже и били*²³. Кроме терминов, выражающих гипотезу и диспозицию, выделяются номинативные единицы для обозначения санкций – *платити продажу 3 гривны, плати 60 кунь*.

Таким образом, обычные слова общенародного языка, закрепляясь за определенной концептосферой, очерчиваемой письменным юридическим текстом и формируемой правовой логикой, отражавшей социальные потребности общества, уже в ранние периоды становились терминами в современном смысле этого слова, поскольку в таком тексте они подвергались специализации и приобретали дефиниции. Так, дискурсивно-когнитивный аспект правоупонимания (познания правовой реальности социальным субъектом) и формулировки норм права в законах способствовал классифицирующей деятельности законодателя, что особенно заметно в языковом выражении дефинитивных норм, присутствовавших еще в древних текстах:

102. *Холопство обелное трое: оже кто хотя купить до полу гривны, а послухи поставит, а ногату дать перед самемь холопомь.*

103. *А второе холопство: поиметь робу без ряду, поиметь ли с рядомь, то како ся будеть рядить, на том же стоить.*

104. *А се третье холопство: тивунство без ряду или привяжеть ключь к собе без рядомь, с рядомь ли, то како ся будеть рядить, на том же стоить*²⁴.

Таким образом, в рамках различных формулировок норм в древних законах правовая концептосфера и терминосистема не только приобретают более четкую специализацию, в них термины и выражаемые ими понятия формируют относительно четкие классификационные признаки.

Система понятий протонаучного периода развития права усложняется и специализируется.

Так, в разных редакциях Русской Правды можно выделить группы номинативных единиц, обозначающих: 1) административных лиц (*вирникъ, волостель, гридь, тивунъ, судия, куномеча, сельский староста, ротаиньи староста*); 2) участников судебного процесса (*видокъ, послухъ, истецъ*); 3) представителей социально-экономических групп (*господинъ, княжь моужь, купецъ, тивунъ боярескъ, мечникъ, изгой, челядинъ, закоупъ, боляринъ, купчина, холопъ, холопъ обельный, смердь*); 4) преступных лиц (*головникъ, любодей, убища, тать, клетный тать*); 5) виды преступных действий (*грехы, обида, головничьство, убити, ударити, татьба, разбои без всякоя свады*); 6) правомерные действия, включая наказания (*потокъ, разграбление, рота, купити, платити, продажа, волостельская казнь*); 7) имущество (*оружие, скот, задница, поклажа*); 8) налоги и специальные сборы (*оуроци ротниш, вира, наклады, свадебное, сгородное*); 9) органы государства (*судъ*); 10) термины родства (*мать, отць, дочь, жена, дети, братучадо*); 11) события, влекущие имущественные правовые последствия (*умерети*).

Общеиндоевропейская система понятий стала основой формирования правовых картин мира в различных европейских государствах, обрастая этнокультурными особенностями. Например, по сравнению с системой древнерусской правовой терминологии культурно-исторические особенности возникновения англосаксонского государства в Британии, процесс феодализации англосаксонского общества, его социальная дифференциация предопределили особый состав терминологической правовой лексики, сходный, тем не менее, по своей организации с терминосистемами других языков. Так, в начальные периоды развития англосаксонского права в его терминологии можно выявить единицы со значением: 1) административных лиц (*ealdorman, cyninges discōen, scyrtman*); 2) недолжностных лиц-участников судебного процесса (*gewitnes, onsprecend*); 3) представителей различных социальных групп (*ceorl, hyrigrmann, eorl*); 4) преступников (*bana, þeof, utlah, flyma*); 5) преступных действий (*cwalu, hearm, husbruce, leather, man-sleahht*); 6) правомерных действий (*mund, seht, ðrifeald ordale, dom*); 7) собственности (*agenys, æht, irfeland, bocland*); 8) налогов (*gild, gafol, gafolbere, gafolpenig, portgeriht*); 9) органов государства (*gemot, hundreds gemot, scirgemot*); 10) терминов родства (*wif, cwen, husbonda, sunu*); 11) событий, влекущих имущественные правовые последствия (*dead*).

Универсальность понятийных категорий обусловлена сущностью права – быть регулятором всех общественных отношений и средством оценивания их с позиции правомерности/неправомерности обязанностей и ответственности, характеристики социального состава общества. Однако этнокультурная семантика также отчетливо проявляется, например, в составе терминов, обозначающих представителей социальных

групп, органов государства, должностных лиц.

Протоэтнонаучный период продолжался до возникновения юриспруденции – науки о праве. Это был длительный период, в течение которого правовая мысль развивалась в тесной связи с законодательной практикой. Появлялись новые законы, пополнялся состав терминов, что было обусловлено вовлечением в сферу правового регулирования все новых объектов. Несмотря на то, что первые теоретические трактаты, посвященные государству и праву, принадлежат философам Древнего Рима Платону и Цицерону²⁵, **научный период** развития права связывают с более поздними этапами общественного развития. В различных странах правовая наука начала развиваться в разное время (в Западной Европе – в XI–XIII вв., в России – в XVIII в.).

Научный подход к осмыслению правовой действительности требовал построения теоретических конструктов, способных объяснить специфику регулятивного характера права как общественного явления, систематизировать объективные знания и определить тенденции его дальнейшего развития. Появление науки о праве привело к формированию теоретического понятийного аппарата, сыгравшего роль «надстройки» по отношению к базовым терминам юридической практики. Несмотря на определенную универсальность некоторых теоретических построений, в правовых науках разных стран сохраняются определенные различия, обусловленные некоторыми расхождениями правовых культур. Так, в праве Великобритании не существует принятого в разных правовых системах, в том числе российской, противопоставления таких юридических норм, как нормы *публичного* и *частного права*. Эти теоретические конструкты возникли в результате рационального анализа норм права. Различение норм в английском прецедентном праве возникло эволюционным путем. В нем исторически сложилось подразделение на *common law* – систему прецедентов, основанную на местных обычаях и практике королевских судов (Court of King's Bench) и судов общих тяжб (Courts of Common Pleas) – с XI в., и *law of equity* – систему решений Суда канцлера (Court of Chancery) – с XIV в. Несмотря на законодательное объединение этих двух систем в XIX в., отличия между ними сохраняются по сей день, обуславливая специфику правовой картины мира и содержательную сторону многих терминов.

Современные процессы глобализации, конечно, способствуют формированию большего сходства правовых картин мира и систем терминов, но даже интернациональные термины приобретают особое содержание в национальных правовых культурах. Например, юридический термин *сервитут*, возникший еще в римском праве, в разных правовых культурах образует несхожие классификационные ряды со специфическим юридическим содержанием. В современном российском праве

выделяют *частные и публичные, водные и лесные* сервитуты. В праве США сервитуты представлены иными бинарными оппозициями терминов: *urban – rural, positive – negative*.

В соответствии с рассмотренными историческими этапами изменялся и характер терминологичности языкового знака. С учетом генетической связи лексики общего употребления с юридической терминологией, характера исследованных процессов терминологизации можно выделить следующие типы и подтипы юридической терминологической лексики: 1) прототермины права; 2) прототермины юриспруденции; 3) термины права и юриспруденции; 4) термины юриспруденции. Объединение в пункте 3 терминов права и науки о праве обусловлено тем, что все термины законодательства используются в юриспруденции, но не наоборот.

С учетом генезиса терминологических единиц во всех современных терминосистемах выделяются термины законодательства (права), которые бытовали до возникновения науки о праве и могут рассматриваться как прототермины юриспруденции. Прототермины права включают три типа единиц: 1) лексические единицы исторически отдаленного периода, обозначавшие понятия обычного права, тесно связанного с моралью общества (народная терминология); 2) термины правоведения, которые не закреплены в текстах законов, а являются порождением движения научной мысли, направленной на усовершенствование норм права; некоторые из таких терминов могут быть восприняты терминологией права при возникновении для этого определенных внешних условий (например, термины *лжепредпринимательство, заведомо ложная реклама*, которые прошли прототерминологическую стадию до принятия нового Уголовного кодекса в 1997 г.); 3) слова или словосочетания, функционирующие сначала в составе общественно-политической лексики. В последнем случае номинативные единицы обозначают явления, которые часто становятся предметом обсуждения в силу их актуальности для определенного этапа развития общества. В настоящее время прототерминологическую стадию для российской правовой науки, по всей вероятности, проходят словосочетания *активная эвтаназия, клонирование человека*.

Прототермины правоведения представлены двумя видами: 1) единицами периода возникновения юриспруденции; 2) номинантами, возникающими в системе общественно-политической лексики, становящимися актуальными для конкретного этапа общественного развития. Например, термин российской юридической науки *правовой вакуум* появился в общественно-политической лексике и лишь затем перешел в терминологию правоведения, но не в терминологию права.

Таким образом, история формирования права, его письменных источников и терминологии свидетельствует о том, что когнитивный процесс

в этой сфере жизни общества, а также процессы законо- и терминотворчества обусловлены социогенным фактором, который предопределил как универсальные процессы формирования картин мира, систем понятий и терминов, логико-языковые способы выражения правовых предписаний, так и национально-культурные особенности этой сферы (состав и семантику терминов, их таксономию). Характерно, что национально-культурные особенности маркируют системы понятий и терминов не только разных этапов развития права как практической сферы деятельности, но и собственно научного этапа развития правосознания, даже в эпоху активных глобализационных процессов в разных сферах жизни обществ.

Примечания

- 1 См.: Корнилов О. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003. С. 43.
- 2 См.: Сорокина Т. История медицины. М., 2009. С. 14.
- 3 Шепталин А. Истоки и становление института соционормативного регулирования в первобытном обществе // Вестн. Удмурт. ун-та. 2013. Вып. 4. С. 197.
- 4 См.: Malinowski B. A Scientific Theory of Culture. N.Y., 1960. P. 51.
- 5 См.: Сафронова Е. Становление обычного права // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. Т. 14, № 37. С. 174.
- 6 См.: Гамкрелидзе Т., Иванов Вяч. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры : в 2 ч. Благовещенск, 1998. Ч. 2. С. 1128–1136.
- 7 Рубаник В. О своеобразии процессов и этапах формирования системы социального (правового) регулирования общественных отношений и суда в Древней Руси // Вектор науки ТГУ. Сер. Юридические науки. 2011. № 1 (4). С. 104.
- 8 Там же.
- 9 См.: Венгеров А. Теория государства и права. М., 2009. С. 293–294.
- 10 Красухин К. Грамматическое выражение долженствования в древнейших индоевропейских законодательных текстах // Логический анализ языка науки. Языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2000. С. 263.
- 11 The Code of Hammurabi. URL: <http://oll.libertyfund> (дата обращения: 20.10.2017).
- 12 Законы вавилонского царя Хаммурапи. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm> (дата обращения: 20.10.2017).
- 13 The Code of Hammurabi.
- 14 Законы вавилонского царя Хаммурапи.
- 15 Ancient Laws and Institutes of England. L., 1840. P. 7.
- 16 Crimes and Criminal Procedure 2009. United States Code, 2009. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/USCODE-2009-title18/html/USCODE-2009-title18.htm> (дата обращения: 20.10.2017).
- 17 Jugendstrafrecht. Berlin, 1996. S. 2.
- 18 Уголовный кодекс Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- ¹⁹ Crimes and Criminal Procedure 2009. United States Code, 2009.
- ²⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации.
- ²¹ См.: *Алексеев С.* Государство и право : Начальный курс. М., 1993. С. 81.
- ²² Краткая Русская Правда (по Академическому списку XV в.). URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/krp.htm> (дата обращения: 20.10.2017).
- ²³ Пространная редакция Русской Правды (по Троицкому списку второй половины XIV в.). URL: www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/prp.htm (дата обращения: 20.10.2017).
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См.: *Платон.* Государство. Законы. Политик. М., 1998 ; *Цицерон М. Т.* О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. М., 1999.

Образец для цитирования:

Хижняк С. П. Социогенные факторы формирования общего и идеоэтнического в правовой картине мира и в юридической терминологии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 132–137. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-132-137.

Cite this article as:

Khizhnyak S. P. Sociogenic Factors of Generation of the Universal and the Ethnic in Legal Picture of the World and in Legal Terminology. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 132–137 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-132-137.

УДК 811.133.1'27

ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В. Т. Клоков

Клоков Василий Тихонович, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и переводоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kvassili@mail.ru

Глобализационные процессы широко отражаются на особенностях функционирования и развития многих языков в современном мире. На основе собственных наблюдений и работ зарубежных языковедов автор статьи анализирует отдельные аспекты существования и ожидаемые перспективы развития французского языка под влиянием экономического фактора.

Ключевые слова: мировая экономика, французский язык, англоязычная глобализация, языки на промышленных предприятиях.

Language Aspects of Economic Globalization

V. T. Klokov

Vasily T. Klokov, ORCID 0000-0001-6648-8385, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, kvassili@mail.ru

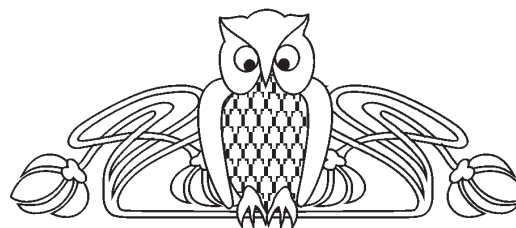
Globalization processes are widely reflected in the way many languages function and develop in the modern world. Based on his own observations and the works of foreign linguists the author of the article analyzes separate aspects of existence and the anticipated prospects of development of the French language under the influence of the economic factor.

Key words: world economy, French language, English language globalization, languages at industries.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-138-140

В 2015 г. известный французский языковед И. Монтене обратился к руководителям промышленных предприятий Франции со следующим вопросом: «А правда ли, что с французским языком уже все кончено?» и получил от них следующий ответ: «Откройте глаза и вы увидите, что мы с вами находимся в самом разгаре процесса глобализации, когда все делается на английском языке. Спросите у мелкого парижского коммерсанта, у которого вся или часть витрины и вывески имеют надписи на английском языке, и он скажет вам: «Конечно, надо же быть современным»»¹.

Действительно, глобализационные процессы в начале XXI в. значительно активизировались не только на рынке знаний в области науки и образования, но и в экономике, о чем сегодня особенно часто говорят и пишут в контексте отставания французского языка от английского. При этом многие отмечают, что на предприятиях Франции работники, не владеющие французским языком,

выполняют свои задания менее эффективно, чем те, кто пользуется им как родным или освоенным в качестве второго. В то же время больше шансов в продвижении по карьерной лестнице имеют те, кто умеет пользоваться английским языком, пусть даже в меньшей степени, чем французским. В условиях открытого рынка труда и свободного передвижения товаров руководители предприятий все больше понимают, что организация труда хотя бы частично на английском языке становится для них менее затратной, чем только на французском.

Как отмечает А. Сваан, с экономической точки зрения язык всегда является замечательным инструментом в том смысле, что никто не может помешать изучать его и пользоваться им. Более того, никто не в состоянии самостоятельно уничтожить его или вывести из обращения. Наконец, при увеличении числа пользователей ценность языка не только не снижается, а, напротив, увеличивается. Примечательно также, что язык обладает не просто коллективной, а «гиперколлективной» ценностью².

Так или иначе, руководители современных предприятий во Франции находятся в такой ситуации, когда специфика многих производств обязывает их говорить по-английски, что заставляет англоязычить целые отрасли и соответствующие им предприятия, не взвешивая особо все «за» и «против» такого выбора.

Между тем еще в 80-е гг. прошлого столетия французские предприниматели считали, что наступление английского языка на французский не станет мощным и что англоязычье в состоянии затронуть лишь отдельные филиалы американских производств во Франции. И все же довольно быстро английский язык стал захватывать не только иностранные, но и собственно французские предприятия, причем как во Франции, так и за ее пределами (как правило, с французским капиталом и с французским руководством).

Отметим при этом, что в 1994 г. в отношении языков на промышленных предприятиях Франции был принят известный закон Тубона, который, в частности, предписывает обязательное использование французского языка в документах, относящихся к области прав и обязанностей работников предприятий, а также к сфере знаний, необходимых им для выполнения своих производственных заданий. Судебные власти во Франции внимательно следят за соблюдением этого закона. Однако в случаях слияния или объединения производств, на которых заняты работники разных на-

циональностей, нередко наблюдается обращение к третьему, а именно к английскому языку.

Результаты исследований, проведенных К. Трюшо в области использования французского языка на промышленных предприятиях, уточнили во многом уровень интернационализации французских предприятий и интенсивность использования на них различных языков. Автором было установлено, что в период с 2005 по 2010 г. на крупных объектах Франции французский язык доминировал, причем, главным образом, благодаря тому, что в 1950–1970-х гг. большую часть экономики страны контролировало само государство. Но начиная с 80-х гг. в результате приватизации и слияния с иностранными производствами многие французские предприятия стали интегрироваться в мировой рынок. Именно они в первую очередь оказались объектами интернационализации. Размещаясь как во Франции, так и за ее пределами, они в то же время оставались в большинстве случаев французскими, потому что французским сохранялось их управление. Примечательно также то, что за рубежом небольшие французские объекты поначалу закреплялись не так прочно, как это происходило, например, с германскими и итальянскими предприятиями в мире. В то же время на территории самой Франции часто появлялись новые иностранные производства³.

В настоящее время при размещении французских объектов за рубежом и при их интернационализации на территории самой Франции руководителям предприятий нередко приходится делать важный выбор между организацией производства на французском или на иных языках. При этом во Франции имеются как ярые защитники французского языка на производстве, так и сторонники англоязычия. К первым относятся, с одной стороны, немногочисленные группы лиц, принадлежащих к экономическим и политическим кругам Франции, а с другой, многочисленные и не обладающие достаточными аргументами против введения иностранных языков, свою поддержку французскому языку выражают исключительно на эмоциональном уровне. При этом обыкновенно утверждается, что потеря родного языка может разрушить французскую культуру, а вместе с ней и саму французскую идентичность. Со своей стороны, имеются группы исследователей и журналистов, которые считают, что вопрос об идентичности в условиях состоявшейся глобализации как для Франции, так и для ее языка уже устарел и дискутировать на этот счет больше не имеет смысла. Что же касается парламентских дебатов, время от времени разгорающихся по данному поводу во Франции, то они показывают, что к группе заботящихся о будущем французского языка сегодня принадлежат представители самых разных идеологий и политических взглядов.

В то же время реально думающие социологи и руководители производств считают, что

о будущем французского языка сегодня можно рассуждать только как о втором и даже третьем международном языке и что в таком качестве стоит всемерно поддерживать его использование в мировой экономике.

Примечательно, что на фоне распространения английского языка в экономике сегодняшней Франции реально создается социальный разрыв между теми, кто в молодости сумел освоить английский язык в школе, и теми, кто не имел такой возможности. В связи с этим при приеме на работу для французов, не знающих английского языка, выстраивается языковой заслон, хотя официально требования владеть тем или иным иностранным языком во Франции не существует.

Тем не менее, если отдельные предприятия во Франции и расширяют в настоящее время свои международные связи, то их руководители стараются поддерживать на них французский язык, и их работники продолжают переводить на французский язык зарубежную технологическую документацию и адаптировать к своим условиям имеющееся у них зарубежное информационное обеспечение. Непосредственное же обращение к английскому языку на таких предприятиях связано лишь с необходимостью собирать информацию о зарубежных партнерах и клиентах, а распространение своей продукции, как и прежде, здесь продолжается внутри страны на французском языке, где он таким образом является языком местных производителей и покупателей.

Однако за рубежом французские предприятия предпочитают работать на языке местных клиентов или, что является более типичным – пользоваться международным английским языком, причем практика применения английского языка в таких условиях постоянно расширяется. Важным фактором перехода французских предприятий на английский язык выступает необходимость повышения производительности труда, которая становится более высокой в условиях использования единой международной стандартизации документов, применения единых правил международной информатизации и единой компьютерной техники. Обращение к единому языку в таких условиях становится эффективным средством совершенствования контактов не только между штаб-квартирой предприятия и его филиалами за рубежом, но и между филиалами, пользующимися разными языками⁴.

Под влиянием таких факторов внутренняя коммуникация крупных французских предприятий стала значительно расширяться на английском языке, и уже целые области экономической деятельности на территории самой Франции развиваются с использованием не только французского, но и английского языка⁵.

Что же касается малых французских промышленных предприятий, занимающихся экспортом и импортом товаров, то их зарубежные контакты затрагивают лишь сектора, в большей степени связанные с обменами продуктов производства

и в меньшей степени с проблемами внутренней организации, так что языковые вопросы для них являются малозначимыми. Тем не менее, в 2006 г. 26% работников французских предприятий, имеющих в своем составе 20 работников и больше, выполняли работу, требующую от них говорить и писать не только на французском, но и на том или ином иностранном языке. В то же время читать иностранные документы должны были уметь 32% всех работников в стране. Сегодня количество сотрудников, пользующихся иностранными языками, постоянно увеличивается, а использование этих языков на предприятиях интенсифицируется.

При этом почти во всех случаях слияния или объединения производств, имеющих в своем составе работников разных национальностей, происходит обращение к английскому языку как к языку-посреднику, причем отмечается, что использование его значительно облегчает связи между производствами. Так, во Франции, Германии и Испании около 2000 предприятий, занятых в области авиации и космоса, стали пользоваться единым английским языком, что создало ситуацию языкового нейтралитета между этими странами, тем более что английский язык исторически является языком авиации и космического строительства. И если даже в этом производственном пространстве продолжает применяться местный национальный язык, то в случае взаимодействия различных национальных секторов к общему использованию всегда привлекается английский, что, естественно, приводит к нарастанию общего уровня его применения.

Широкое присутствие английского языка в производственной сфере нередко связывается с идеологическими мотивами, с распространением таких понятий, как «национальный язык», «родной язык» и проч., так как производственное использование английского языка во многих странах часто осуществляется при одновременном присутствии на них национальных языков. Отмечается, в частности, что пользуясь родными языками, работники лучше справляются со своими заданиями, чем при общении на чужом для них языке, и что если руководитель производства работает с компьютерной техникой на иностранном языке, то его предприятие отличается меньшей эффективностью в управлении.

Проблема англоизации касается также производств, располагающихся в бывших слаборазви-

тых странах Азии и Африки. При этом отмечается особая агрессивность, с которой ведут себя американские компании, стремящиеся к распространению на этих территориях не только английского языка, но и американского образа жизни. Причем с их стороны постоянно пропагандируется мысль о том, что американским должен стать не только бизнес, но и весь мир должен думать и делать все так, как думают и делают американцы⁶.

Впрочем, по различным обстоятельствам (производственным, семейным или учебным) на европейских, азиатских и африканских предприятиях работники говорят на самых разных языках: немецком, испанском, итальянском, французском и др. При этом европейцы со своими главными партнерами стараются контактировать также на арабском и китайском языках. В промышленном секторе разных стран имеется много французов, которые не умеют хорошо говорить на местных языках. Но японцу и французу лучше общаться друг с другом на одном из их родных языков, а не на третьем, чужом для них языке, так как если двумя языками пользоваться трудно, то на трех языках – французском, английском и на языке клиента – общаться становится еще труднее: исчезают важные нюансы беседы, а между собеседниками накапливается недопонимание, способное привести к конфликтам. Обращение же к услугам переводчика сказывается на повышении стоимости производства, и возникает необходимость найма таких работников, которые умели бы пользоваться языком деловых партнеров и клиентов.

Примечания

- ¹ Montenay Y. Le français est-il vraiment foutu? URL: <http://valeursactuelles.com> (дата обращения: 02.12.2015).
- ² См.: Swaan A. L'anglais et les autres langues de communication dans les sciences sociales // Terminogramme. № 89–90. Langues en contact : enjeux locaux et planétaires. Tendances dégagées à partir de quelques colloques récents. Québec, 1999. P. 22.
- ³ См.: Truchot Cl. Internationalisation et choix linguistiques dans les entreprises françaises : entre «tout anglais» et pratiques plurilingues // Synergies Italie. 2013. № 9. P. 81–82.
- ⁴ См.: Montenay Y. Op. cit.
- ⁵ См.: Frath P. Disparition des langues : le français subira-t-il le sort de l'alsacien? // Parole (s) et langue (s), espace et temps. Strasbourg, 2010.
- ⁶ См.: Truchot Cl. Op. cit. P. 84.

Образец для цитирования:

Клоков В. Т. Языковые аспекты экономической глобализации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 138–140. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-138-140.

Cite this article as:

Klokov V. T. Language Aspects of Economic Globalization. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 138–140 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-138-140.

УДК 811.112.2*282.4(470.44)

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ НЕМЕЦКО-ПОВОЛЖСКОГО ДИАЛЕКТА КОЛОНИИ ПРАЙС

А. Я. Минор

Минор Александр Яковлевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, a-minor27@yandex.ru

Целью статьи является аналитическое описание диалекта немецкой колонии Прайс, сформировавшегося в результате смешения языковых вариантов первых поселенцев, происходивших из 129 населенных пунктов Германии и Европы.

Ключевые слова: лингвогеографическая характеристика носителей диалекта, звуковой состав одного из поволжских немецких диалектов.

The Sound Scope of the Volga Region German Dialect of the Price Colony

A. Ya. Minor

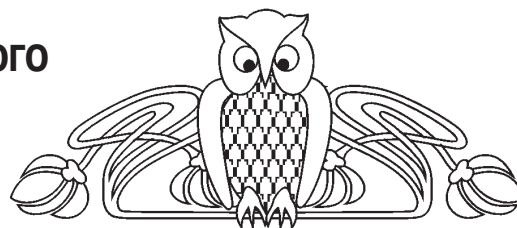
Alexandr Ya. Minor, ORCID 0000-0001-5611-9383, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, a-minor27@yandex.ru

The goal of the article is the analytical description of the dialect of the German colony Price formed as a result of the mixture of language varieties of the first settlers who came from 129 localities of Germany and Europe.

Key words: linguistic and geographic characterization of the colony dwellers, sound scope of one of the German colonial Volga region dialects.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-141-144

В истории исследования проблем языковых контактов в условиях иноязычного окружения («языковой остров») лингвисты уделяют особое внимание вопросам функционирования и эволюции языковых вариантов, которые переселенцы (колонисты) принесли на новую родину. Прежде всего, ученых интересуют вопросы формирования и развития локальных языковых вариантов, а также те условия, в которых аллохтонное меньшинство, говорящее в начале совместного проживания в одной колонии на различных, принесенных с исторической родины диалектах, постепенно формирует единый общеупотребительный локальный язык, который становится универсальным средством коммуникации. Особый интерес вызывают результаты смешения и выравнивания диалектных признаков на разных уровнях языковой системы, в частности в системе гласных и согласных звуков нового языкового варианта.

Лингвогеографический состав основателей села

Диалекты российских немцев в настоящее время стремительно исчезают из системы коммуникативных средств данного этноса. Утрата коммуникативного статуса диалектов зависит от нескольких причин. Во-первых, основные активные носители данных языковых вариантов эмигрировали в Германию. За короткий период 90-х гг. XX в. на историческую родину выехала основная масса российских немцев самого активного среднего возраста. Массовая эмиграция немцев с территории бывшего СССР в Германию началась с 1987 г. В общей сложности, по данным Министерства внутренних дел ФРГ, в Германию с 1990 по 2012 г. переселились 2 509 770 российских немцев и членов их семей¹. Во-вторых, российские немцы, не имея своей государственности и всей образовательной и культурной инфраструктур, необходимых для сохранения родного языка, в основном утратили свой родной язык². Между тем исследование и документация языковых вариантов российских немцев, оформившихся в процессе смешения диалектов и выравнивания их различий в условиях иноязычного окружения, представляет определенный научный интерес. Диалекты российских немцев в силу их развития в условиях языкового острова и достаточно большой степени изоляции от материкового немецкого языка в одних случаях сохранили реликтовые формы, типичные только для диалектов российских немцев, в других случаях создали свои новые, именно островные формы или восприняли в свою систему формы языка окружения.

Интересный материал в данном плане можно найти в диалекте одной из немецких колоний в Поволжье, Прайсе, основанной в 1767 г. представителями 129 населенных пунктов Германии, Австрии, Лотарингии, Люксембурга³. Среди первых поселенцев примерно четверть составляли выходцы из Гессена. Однако, несмотря на сравнительно низкий удельный вес гессенцев в структуре населения данной колонии, сформировавшийся к середине XIX в. диалект данной колонии имел ярко выраженные черты гессенского диалекта с небольшими отклонениями и элементами других диалектов.

Рассмотрим основные характеристики гласных и согласных звуков, встречающихся в данном колониальном диалекте, основываясь на данных Атласа диалектов поволжских немцев⁴ и материалах анкетирования, проведенного в мае 1928 г. А. П. Дульзоном⁵.

Система гласных звуков

В современной немецкой диалектологии систему фонем диалекта принято сравнивать с системой фонем средненемецкого языка. В диалекте села Прайс каждой фонеме средненемецкого, как правило, соответствует несколько аллофонов в зависимости от позиции звука в диалектном слове.

1. Средненемецкому краткому **a** в ударной позиции соответствуют следующие фонемы:

– краткое **a** в закрытых слогах: *gardə* – Garten (сад);

– краткое **a** в открытом слоге перед суффиксами *-er, -el*: *fladere* – flattern (развевать), *hawr* – Hafer (овес), *gawl* – Gabel (вилка);

– краткое **o** в некоторых случаях: *schworm* – Schwarm (рой), видимо, как результат выравнивания таких словоформ, как *tsarn* – *tsorn* – Zorn (гнев), *marjə* – *morjə* – Morgen (утро), которые первоначально присутствовали в диалекте данного села;

– долгое **a** в первоначально открытом слоге: *krāwə* – graben (копать);

– долгое **a** в слогах, которые заканчиваются на *-r* или *-r* + **согласный**: *harts* – Harz (смола), *warts* – Warze (бородавка);

– долгое **ā** в некоторых других случаях: *plāt* – Blatt (лист), *rāt* – Rad (колесо). Форма множественного числа соответственно: *plēdər* (лучты), *rēdər* (колеса).

2. Средненемецкому **a**, находящемуся под ударением, в диалекте соответствуют:

– в большинстве случаев **ou** (закрытое **o** с явным призвуком **u**): *trout* – Draht (провод), *klouwə* – Klawe (когти);

– в некоторых случаях долгое **ū**: *wū* – wo (где), *kfür* – Gefahr (опасность);

– в некоторых случаях долгое – **â**: *gâbə* – Gaben (дары).

3. Средненемецкому ударному **e** в диалекте соответствуют:

– в закрытом слоге краткое открытое **e**: *schwestr* – Schwester (сестра), *gestr* – gestern (вчера);

– в открытом слоге перед *-er, -el* краткое **e**: *fedr* – Feder (перья);

– краткое закрытое **e** перед исчезнувшим **r**: *enst* – Ernst (серьезно), *gen* – gern (охотно);

– долгое закрытое **ê** с явным призвуком **i** (ei): в первоначально открытом слоге: *kreips* – Krebs (рак), *schweir* – schwer (тяжелый);

– краткое максимально открытое **e** (ä) в закрытом слоге перед **r**: *wärwə* – werfen (бросать);

– краткое максимально открытое **e** (ä) перед конечным **r** или **r** + **согласный**: *bär* – Bär (медведь).

4. Средненемецкому долгому **ê** в диалекте соответствует чаще всего долгое **î**: *schni* – Schnee (снег), *stîn* – stehen (стоять). Однако в речи в данном случае заметны колебания.

5. Средненемецкому краткому **i** в диалекте соответствует чаще всего краткое **i**:

giwl – Giebel (конек крыши), *klit* – Glied (член). В отдельных случаях в открытом слоге появляется долгое **î**: *frîde* – Frieden (мир) (но: *loss mich in frit* – lass mich in Frieden (оставь меня в покое)).

Вместо средненемецкого **î** в диалекте, кроме того, встречаются:

– краткое **ï** перед *-r*: *ärdum* – Irrtum (заблуждение) или **ei** при усилении ударения: *meir* – mir (мне);

– краткое открытое **e** (в отдельных случаях) в реликтовых формах: *prenge* – bringen (принести), *met* – mit (с);

– краткое закрытое **e** перед исчезнувшим **r**: *tswen* – Zwirn (нить), *sten* – Stirn (лоб), *hen* – Hirn (мозг).

6. Средненемецкому долгому **î** соответствует **ai**: *plaiwə* – bleiben (оставаться).

Кроме того, в определенных случаях соответствует **ai** или **â**: *schlâi* – Schlei (Fisch) (рыба угорь), *schrâi* – Schrei (крик), *naijə* – neigen (склоняться), *schtrâje* – streichen (гладить).

7. Средненемецкому краткому **o** в диалекте соответствует:

– в закрытом слоге краткое открытое **o**: *dorf* – Dorf (деревня), *hon* – Horn (рог);

– закрытое долгое **ô**, в котором отчетливо слышится **u** в первоначально открытом слоге: *ouwə* – Ofen (печь), aber: *dodr* – Dotter (желток), *odr* – oder (или), *krot* – Kröte (жаба) и т. п.

8. Средненемецкому краткому **u** в диалекте соответствует:

– краткое **u** в закрытом слоге: *pusch* – Busch (куст), *klumpə* – Klumbe (комочек земли). Часто также в открытом слоге, особенно перед *-er, -el*: *sudlə* – sudeln (пачкать), *sumr* – Sommer (лето);

– краткое **o** перед *-r*: *worm* – Wurm (червь), *doscht* – Durst (жажда).

9. Средненемецкому долгому **û** (*hus*) соответствует почти всегда **au**: *haus* – Haus (дом).

10. Средненемецкому **iu** соответствует, как правило, **ai**: *hait* – heute (сегодня), *nai* – neu (новый).

Следует также обратить внимание на сохранившиеся в диалекте отдельные реликтовые элементы, такие как: *schprau* – Spreu (мякина), *plaul* – Bleuel (колотушка, валец), *frschaije* – verscheuchen (прогнать).

11. Средненемецкому **ei** в диалекте соответствуют два варианта:

– долгое **a** перед следующим за ним носовым звуком: *flâsch* – Fleisch (мясо), *bâ* – Bein (нога);

– краткое **a** в некоторых случаях: *ham* – heim (дома), *ladr* – Leiter (лестница).

Особенно бросается в глаза реликтовая форма слова „*preit*“ – Breite (ширина);

– в некоторых случаях под влиянием литературного языка произносится **ai**: *leiste* – leisten (делать, оказывать).

12. Средненемецкому **ie** в диалекте соответствует долгое **i**: *lip* – lieb (милый). Но: *freire* – frieren (мерзнуть), *reime* – Riemen (ремень).

13. Средневерхненемецкому долготу **o** в некоторых случаях соответствует **ou**: *prout* – Brot (хлеб), в других случаях – долгое **û**: *rût* – ruht (покоится).

14. Средневерхненемецкому **ou** во всех случаях соответствует долгое **â**: *âch* – auch (тоже) (но: *goutâ* – Gaumen! (небо)).

15. Средневерхненемецкому **üe** соответствует **î**: *frî* – früh (рано).

Звук **ü** произносится перед **r** как **i**: *iwr* – über (предлог о). Иногда этот звук произносится как **ä**: *därwä* – dürfen (позволять).

16. Средневерхненемецкому **uo** соответствует долгое **û**: *prüdr* – Bruder (брат); в некоторых случаях – также краткое **u**: *kuḡä* – Kuchen (пирог), очень редко – **o**: *modr* – Mutter (мать).

Звуки **ü, ö, eu (äu)** в диалекте не встречаются.

Перед следующими за гласными носовыми звуками все гласные приобретают назальную окраску, исключение составляют те случаи, когда перед ними произошла редукция **r**: *hon* – Horn (рог).

Система согласных фонем диалекта

1. Второе (верхненемецкое) передвижение согласных реализовалось в таких случаях, как *Dorf* (деревня) (в конце слова), *helfen* – *helwä* (помогать) (между звонким сонорным, например, **l** и гласным), *Zeit* – *tsait* (время) (в начале слова), *Wasser* – *wazr* (вода) (перед гласным в середине слова), *was* – *was* (что) (в конце слова), *machen* – *machen* (делать), *ich* – *ich* (я) (чередование **k** → **ch** проведено везде).

Передвижение согласных **p** → **pf**, **k** → **kh** в диалекте не проведено в следующих случаях: *pewr* – *Pfeffer* (перец), *eb1* – *Äpfel* (яблоки), *knop* – *Knopf* (пуговица), *khind* – *Kind* (ребенок).

2. В конце слова после **-r** вместо средневерхненемецкого **w** (*farwe* – краска) произносится **p**: *farp* – Farbe (краска), *mägr* – *mürbe* (рыхлый).

Кроме того, средневерхненемецкому **w** соответствует в некоторых случаях также **p**: *leip* – *Löwe* (лев).

3. Средневерхненемецкому **s** в диалекте соответствуют четыре варианта фонемы:

– звук **ʃ** (**sch**) в сочетаниях звуков **sk, sm, sn, sl, sw, sp, st** в начале слова: *ʃmegä* – *schmecken* (пробовать на вкус);

– звук **ʃ** (**sch**) в сочетаниях звуков **rs, rst**: *woscht* – *Wurst* (колбаса), *dr erst* – *zuerst* (сначала), *käsch* – *Kirsche* (вишня), *wasch* – *war es* (было), *iwrsch* – *über es* (поверх), *urschl* – *Ursel* (Урсула) (в данном случае **sch** озвончается до русского **ж**);

– в редких случаях **ʃ** произносится в сочетаниях **sp** также в середине слова: *knoʃbä* – *Knospe* (почка), *raʃbl* – *Raspel* (рашпиль), *aʃbälâp* – *Espenlaub* (осиновая листва), *piʃberä* – *pispern* (пищать);

– в других случаях средневерхненемецкое **s** в диалекте также произносится как звонкое или

глухое **s**. Но в начале слова перед гласным оно всегда глухое.

4. Средневерхненемецким фонемам **g, ch** в позиции после **r** глухой (в конце слова или перед согласным) или звонкий (перед гласным) средне-небный звук **ch** [**x**]: *bärx* – Berg (гора), *arx* – arg (очень), *morje* – morgen (завтра).

5. Вместо средневерхненемецкого **-nde** в диалекте произносится **-n**:

hinr – hinter (позади), *finä* – finden (находить), *unä* – unten (снизу), *kinär* – Kinder (дети), *hun* – Hunde (собаки).

В некоторых других случаях звуки **d** (**t**) уподобляются предшествующему согласному, например, в словах *halä* – halten (держат), *wärä* или *wärn* – werden (становиться).

6. Все глухие согласные становятся в позиции между чистыми гласными звонкими, а звонкие смычные **b, g** становятся щелевыми (фрикативными) согласными:

– **ts** → **dz**: *kradzä* – kratzen (царапать), *schmeldzä* – schmelzen (таять), *schwardzä* – schwarze (черный);

– **s** → **z**: *wazr* – Wasser (вода), *baizä* – beißen (кусать), *bizä* – Bisse (куски);

– **t** → **d**: *düdə* – tote (мертвые), *windr* – Winter (зима), *wardä* – warten (ждать);

– **f** → **w**: *awä* – Affen (обезьяны), *helwä* – helfen (помогать), *schtärwä* – sterben (умирать);

– **ch** → **ɣ**: *maḡä* – machen (делать);

– **k** → **g**: *trugä* – trocken (сухой), *tringä* – trinken (пить), *ʃtargä* – starke (сильный);

– **ch** → **j**: *stejä* – stechen (колоть), *manjä* – manche (некоторые);

– **ʃ** → **ž**: *wežä* – waschen (стирать), *fałžä* – falsche (фальшивые), *menžä* – Menschen (люди).

7. Глухие смычные согласные **p** и **t** произносятся в начале слова перед гласным в определенных случаях с придыханием, в других случаях – без придыхания:

– *thei* – Tee (чай), *phost* – Post (почта).

Однако: *das* – Tasse (чашка), *belts* – Peltz (шуба, тулуп, мех).

8. Глухой смычный согласный **k** в начале слова перед гласным произносится всегда с придыханием: *khind* – Kind (ребенок).

9. Смычные согласные **b, d, g** в начале слова произносятся, как правило, глухо (глухие смычные или Lenis). В конце слова в таких случаях звук **e** всегда редуцируется.

Классификация диалекта

В результате анализа звуковой системы диалекта села Прайс было установлено, что в нем осуществились все основные процессы второго передвижения согласных. Данный признак характеризует диалект как верхненемецкий. Ср.:

– *lawä* – laufen (бежать) (нижненем. *lopon*),

– *ezä* – essen (есть) (нижненем. *eten*),

– *maḡä* – machen (делать) (нижненем. *maken*),

– *tsait* – *Zeit* (время) (нижненем. *tid*).

Отсутствие передвижения *p* → *pf* характеризует данный диалект как средненемецкий (в верхненемецких диалектах этот процесс передвижения завершился полностью). Непередвинутое *p* → *pf* в начале слова свидетельствует о том, что данный говор не относится к восточно-средненемецкому, в котором в таком случае произносится *f*.

Наличие передвижения в словах *das* (это), *was* (что), *alles* (все), *dorf* (деревня) позволяет исключить данный говор из средне-франкской группы диалектов, в которой вместо них употребляются формы *dat*, *wat*, *alet*, *dorp*, и отнести его к рейнско-франкским диалектам.

Говор села Прайс не относится ни к нижне-саксонскому, который сохранил в своей фонетической системе средневерхненемецкие звуки *i*, *û*, *ê*, *ô* (*wîb* – *Weib* (женщина), *hûs* – *Haus* (дом), *schne* – *Schnee* (снег), *grôß* – *groß* (большой)), ни к гессенскому, который вместо средневерхненемецких звуков *ie*, *ou* обнаруживает звуки *äi*, *ou*: *läip* – *lieb* (милый), *gout* – *gut* (хороший), а также вместо интервокального *d* или *t* обнаруживает *r*: *forə* – *Vater* (отец).

Диалект села Прайс отличается также от пфальцского диалекта произношением звука *ʃ* вместо *s*: *Last* – *lascht* (груз), *Nest* – *nescht* (гнездо). Кроме того, разницу можно обнаружить также в формах причастий: *gbrochə*, (сломанный), *gefrezə* (съеденный) (в диалекте села Прайс) и *gbroch*, *gfres* (в пфальцском диалекте).

Таким образом, учитывая все фонетические характеристики, можно отнести диалект села Прайс к группе южно-гессенских диалектов. Данная группа диалектов относится к западно-средненемецким диалектам. Она была представлена одной четвертью колонистов, поселившихся в Прайсе в 1767 г. Несмотря на то, что гессенцы составляли лишь одну четверть населения колонии, их влияние на формирование единого коло-

ниального диалекта села Прайс, а именно южно-гессенского, оказалось довольно сильным, так как они представляли собой гомогенную группу и говорили на западном варианте средненемецкого, довольно близком по своей фонетической характеристике к восточно-средненемецкому, сложившемуся в большой мере в ходе смешения диалектов, принесенных немецкими рыцарями в ходе колонизации западнославянских территорий. Как известно, при переводе Библии и других религиозных текстов Мартин Лютер (1519) воспользовался именно своим родным восточно-средненемецким вариантом немецкого языка, и таким образом данный территориальный вариант немецкого языка проник в другие варианты немецкого языка и сыграл консолидирующую роль в процессе формирования немецкого национального языка.

Примечания

- 1 См.: Migrationsbericht des Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge im Auftrag der Bundesregierung 2013. URL: https://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/Migrationsberichte/migrationsbericht-2013.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 07.06.2017).
- 2 См.: Минор А. Формирование основных типов языковой личности немцев Поволжья // Тенденции развития языковых вариантов поволжских немцев в первой половине XX века / под ред. А. Минора, Л. Тетюева. Саратов, 2015. С. 92–102.
- 3 См.: Дульзон А. Проблема скрещения диалектов по материалам языка немцев Поволжья // Изв. АН СССР. Отд-ние литературы и языка. 1941. № 3. С. 82–96.
- 4 См.: Wolgadeutscher Sprachatlas : (WDSA) / aufgrund der von Georg Dinges 1925–1929 gesammelten Materialien. Bear. und hrsg. von N. Berend, unter Mitarbeit von R. Post. Tübingen ; Basel, 1997.
- 5 См.: Государственный исторический архив немцев Поволжья. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 26.

Образец для цитирования:

Минор А. Я. Звуковой состав немецко-поволжского диалекта колонии Прайс // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 141–144. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-141-144.

Cite this article as:

Minor A. Ya. The Sound Scope of the Volga Region German Dialect of the Price Colony. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 141–144 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-141-144.

УДК 811.111'282.4'245

СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АФРОАМЕРИКАНСКОГО СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОГО ДИАЛЕКТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Т. А. Александрова

Александрова Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, tal Alexandrova503@yandex.ru

Статья посвящена исследованию особенностей речевого поведения афроамериканского населения США. Автор рассматривает как модели вербального поведения афроамериканцев (языковая игра, сигнификация), так и невербальные формы, выступающие своеобразным источником пополнения словаря афроамериканского социально-этнического диалекта.

Ключевые слова: афроамериканский, социально-этнический диалект, речевое поведение, вербальная и невербальная коммуникация, речевой акт, социально-коммуникативная система, языковая игра, хип-хоп культура.

English Language of African-American Social and Ethnic Dialect: Specificity of Speech Behaviour of its Representatives

Т. А. Alexandrova

Tatiana A. Alexandrova, ORCID 0000-0002-4216-5546, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, tal Alexandrova503@yandex.ru

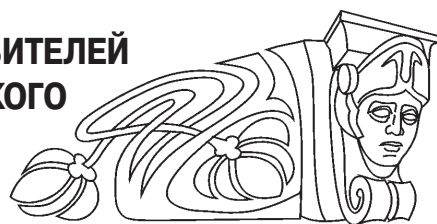
Article is dedicated to the issues of speech behavior of African-American population of the United States. The author considers both models of verbal behavior of African Americans (language game, signification) and non-verbal forms which serve as a source of replenishment of the dictionary of African-American social and ethnic dialect.

Key words: African-American, social and ethnic dialect, speech behavior, verbal and nonverbal communication, speech act, social and communicative system, language game, hip-hop culture.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-145-148

Как следствие международного распространения английского языка и его усиливающегося влияния на деловую, культурную и научную жизнь целого ряда стран особую актуальность в последние десятилетия приобрели работы, связанные с изучением не только особенностей национальных вариантов английского языка, но и специфики его говоров, социальных и территориальных диалектов, а также региональных и местных вариантов.

Так, среди зарубежных и отечественных ученых нет единства мнений как в отношении происхождения афроамериканского английского, так и по поводу его статуса. В одних источниках он именуется как самостоятельный полноправный язык, адекватно обеспечивающий все коммуникативные потребности афроамериканского

населения, в других – ассоциируется с жаргоном и сленгом. Большинство ученых относят его к разряду социально-этнических диалектов, функционирующих в социально-коммуникативной системе США. Афроамериканский английский язык обладает комплексом отличительных социальных, функциональных и структурных признаков. Считается, что под воздействием ряда экстралингвистических факторов (насильственное перемещение на южные территории США в период работорговли и изолированное проживание африканских рабов, массовая миграция и урбанизация негритянского населения, сопровождавшаяся впоследствии борьбой за гражданские права, и др.) он утратил свою территориальную специфику, сохранив совокупность социальных и этнических признаков¹.

Для описания социолингвистического и лингвокультурологического состояний коммуникативной среды принципиально важным представляется выяснение специфики речевого поведения ее субъектов. Выяснение особенностей речевого поведения имеет целью определение общей модели национального поведения общественных групп в речевом акте и отношении их к языку и культуре в целом. Необходимость такого рода исследований в свое время подчеркивал Э. Сепир, когда говорил, что «чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют – и обвиняют справедливо – в отказе выйти за пределы своего исследования, наконец, поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще. Нравится им или нет, но они должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в область языка»².

Связь языка и национального характера формируется в речевом мышлении, а затем закрепляется в речевом поведении, исследование которого является исключительно важным для понимания своеобразия культуры и языка определенного этноса. Так, Т. В. Ларина отмечает, что «национальные особенности коммуникативного поведения представляют собой закрепленные традицией коллективные привычки народа, проявляющиеся в выборе и предпочтительности употребления в процессе межличностного взаимодействия тех или иных коммуникативных стратегий и средств коммуникации (как вербальных, так и невербальных), в результате чего вырабатывается

национальный стиль коммуникации, или коммуникативный этностиль»³.

Таким образом, изучение особенностей речевого поведения представителей афроамериканского социально-этнического диалекта весьма перспективно в плане взаимодействия таких направлений современной науки о языке, как лингвокультурология, социолингвистика, этнопсихолингвистика.

Цель данного исследования – выявление специфики речевого поведения афроамериканского населения США с точки зрения исторического опыта, этнокультурных традиций и психологии народа. В работе широко применялись описательный и сравнительно-сопоставительный метод, метод лексикографического отбора, используемый при анализе письменных источников. Дополнительно привлекался материал, полученный из текстов современных музыкальных альбомов рэп-лирики.

При рассмотрении речевого поведения представителей афроамериканского английского следует отметить тот факт, что оно проявляется, прежде всего, в конкретных формах вербальной и невербальной коммуникации.

Вербальная коммуникация характеризуется наличием «специфических признаков, которые могут отражать (эксплицитно или имплицитно) как интралингвистические (фонетические, лексические, грамматические, стилистические), так и экстралингвистические (в первую очередь, социальные, исторические, культурные, психологические, этнические) факты»⁴. Правила современного речевого поведения африканского населения США вырабатываются в условиях синтеза системы общих правил поведения, которые в определенной степени отличаются как от традиционно африканских, так и от американских правил поведения. С самого появления в Новом Свете африканских рабов происходило взаимодействие различных африканских культур, породившее новую языковую, культурную и религиозную общность на основе африканского опыта, и взаимопроникновение африканской и западной культур. Именно афроамериканский фольклор (The Oral Tradition) является одним из основных источников специфического языка черных американцев. Благодаря фольклору лексический состав афроамериканского социально-этнического диалекта представляет собой особую коммуникативную систему, состоящую из разных видов моделей вербального поведения. Такие, например, лингвокультурные приемы, как семантическая инверсия, техника кодирования, легли в основу многочисленных языковых игр (*the Dozens, Snappin, Double Dutch, prison 'jail house' rhymes*).

Например, игра под названием *The Dozens*, иногда *playing the dozens, doin' the dozens, dirty dozens*, представляет собой вербальный ритуал некоего «оскорбления». *The Dozens* – это состязание в остроте ума, словесных и умственных способ-

ностях с целью разрядить обстановку, рассмешить компанию, тактично указать на какие-либо недостатки. Суть данной игры заключается в следующем: игроки ходят друг за другом и по очереди наносят оскорбления в адрес матери или другой представительницы женского пола противника, используя каверзные вопросы, саркастические замечания, остроты, шутки, каламбуры, игру слов. *The Dozens* позволяет многим афроамериканцам именно таким образом доводить до совершенства свои вербальные навыки и умения, учиться словотворчеству и импровизации.

Наиболее популярными в этой игре являются юмористические фразы (*snaps*), начинающиеся со слов *yo mama /yo momma*, например: *Yo 'Momma's so fat... (...when she fell-over nobody was laughing, but the ground was cracking up; she uses a lawnmower to shave her legs); Yo 'Momma's so stupid... (...she stole free bread; ...she got locked out of motorcycle)*⁵.

В начале XX в. игра *The Dozens* нашла применение в новых жанрах афроамериканской музыки. Так, Джеймс «Кокомо» Арнольд, популярный блюзмен 1930-х, записал песню *Dirty Dozens*:

*I like yo 'momma – sister, too
I did like your poppa – but your poppa wouldn't do.
I met your poppa on the corner the other day
I soon found out he was funny that way*⁶.

Игра *The Dozens* является одним из ключевых элементов современной музыки, особенно практика использования *freestyle battling* в хип-хопе. Данный стиль основан исключительно на импровизации. В качестве ответа на вызов соперника нужно сочинить продолжение его текста. Так, у австралийской хип-хоп группы *Butterfingers* имеется песня под названием *Yo Momma*, припев которой включает строки *Yo Momma's on the top of my things-to-do list*⁷. Хип-хоп группа *The Pharcyde* включила в свой дебютный альбом *Bizarre Ride II* песню *Ya 'Mama*, полностью состоящую из забавных фраз: *Ya mama got a glass eye with the fish in it. Ya mama look like she's been in the dryer with some rocks. Ya mama got the wooden legs with real feet*⁸.

Следует отметить, что течение *battle* «батл», возникшее несколько десятилетий назад как молодежное течение среди афроамериканских рэперов, получило широкое распространение во всем мире. В настоящее время «батл» – это соревнование в каком-либо творческом направлении, проводимое с целью повысить свой рейтинг и продемонстрировать превосходство над соперниками. В зависимости от жанра искусства участники «батла» доказывают, кто из них лучше танцует, читает рэп, поет, рисует граффити и т. д. С появлением Всемирной сети «батлы» стали устраивать среди интернет-пользователей. «Батл» стал очень популярным сегодня способом «выяснения отношений» между политиками, возможностью сравнить ораторское мастерство во время «живого» взаимодействия.

Значимую роль среди моделей вербального поведения афроамериканского населения США играет сигнификация – способ языкового поведения, основанный на косвенной передаче смысла и включающий в себя пародию, передразнивание, иронию, повтор. Как коммуникативную стратегию сигнификацию часто используют в своих выступлениях религиозные и политические деятели, хип-хоп исполнители: *Brothers and sisters, friends and enemies: I just can't believe that everyone in here is a friend and I don't want to leave anybody out* (Malcolm X)⁹. Именно такие модели вербального поведения чернокожего населения США образуют языковую картину мира, определяющую восприятие представителями данного этноса.

Особенно наглядно этот аспект представлен идиомами, устойчивыми выражениями, фразеологическими оборотами. Так, большая часть идиом в лексике афроамериканского социально-этнического диалекта несет информацию о том, что это – чужое, не наше, не мое, а значит, плохое, тем самым передает отчуждение, отстраненность от предмета разговора: *white devil* ‘американец’ – *Damn cracker ass white-devil*¹⁰. Существуют также идиомы, отражающие положительную оценку тех или иных человеческих качеств белых американцев: *blue-eyed soul brotha, blue-eyed soul sista, white American, European American*, например, *I'm a blue-eyed soul sista / Get outta my way 'cause I'm here to stay*¹¹.

Большинство афроамериканских идиом отражают недостатки и формируют достоинства человека, которые ценятся или осуждаются среди африканского населения США. Так, в афроамериканской общине имеют положительную оценку и ценятся такие качества, как

– коммуникабельность: *Jaw jackin; He say, she say; Buy the woof ticket;*

– материальное благополучие: *To make a dolla outta fifteen cent, Living large, Keep plenty of bank;*

– черный цвет кожи: *Black and tan, Black thang.*

*I don't believe the hype or buy a Woof ticket, Nigger you make a gang of noise and never seem like a cricket*¹².

Невербальная коммуникация, в свою очередь, касается навыков, связанных с правилами внешнего проявления чувств и намерений. В широком смысле невербальная коммуникация определяется как «коммуникация без слов»¹³. Она выражается в основном в соматических формах жестикуляции и затрагивает область поступков, т. е. того, как надо ходить, садиться, ложиться, смотреть на людей, улыбаться, плакать и т. д. С помощью этих поступков, жестов и мимики человек утверждает себя в кругу людей, передает свое отношение, доброжелательность или враждебность, к другим людям. Движение человеческого тела (особенно лица и рук) так же, как и вербальный язык, пере-

дается и воспитывается традицией и составляет важный элемент соответствующей культуры.

В афроамериканской культуре имеются многочисленные жесты со своеобразной формой и специфическим содержанием. Так, распространенным среди африканского населения США является жест демонстрации ладоней. Он связан с африканской традицией именно таким образом клясться в своей правоте или невинности. Постукивание пальцем о палец либо ладонью о кулак не выражает ничего, разве что безразличие (мы с тем же смыслом, вернее, так же бессмысленно, барабаним пальцами по столу, просто проводя время).

По отношению к языковой стороне высказывания невербальные формы поведения афроамериканцев служат своеобразным источником пополнения словаря афроамериканского социально-этнического диалекта (в основном это устойчивые выражения и идиомы, обозначающие различные виды, формы и стиль рукопожатий):

– *five on the black-hand side = a five on the outer side of the hand rather than the palm side, that is on the darker side;*

– *five on the sly = a five with the hands behind the back, down low, done surreptitiously to assert camaraderie without the awareness of onlookers;*

– *leave somebody hangin = to ignore a hand extended for a handshake or a five*¹⁴.

В общении афроамериканцев можно также отметить использование специфических восклицаний и междометий, служащих формой выражения эмоциональных и волевых реакций участников беседы. Такого рода слова, будучи связанными с внутренним миром человека, в то же время отражают национально-культурные особенности реагирования на окружающие человека явления жизни. Специфика эта проявляется как в содержании, так и в форме восклицаний и междометий.

Среди эмоциональных междометий, встречающихся в лексике афроамериканского социально-этнического диалекта, отметим – *Sez who! (Says who!) – Izzatso (Is that so?)*, употребляемые для с выражением недоверия, семантически сопутствует ‘ну да!’, ‘иди ты!’. *Say what* – в устах чернокожего подростка означает ‘excuse me?’ – ‘извините’. Данную единицу употребляют в разговоре, когда не поймут или не расслышат собеседника.

Радостное восклицание *Bingo!* произошло от игры в Бинго и употребляется со смыслом ‘Да!’, ‘Есть!’, ‘Эврика!’, ‘В точку!’ – *Bingo! I've got the answer*¹⁵

Tsup? – как жизнь? Чего новенького? (сокращение от *what's up?*). Употребляется при встрече близких людей – *Tony: Tsup? Tiffany: Like, nothing*¹⁶.

Va-voom! – выражает восхищение противоположным полом – *Did you catch Liz at the party? Man...she was looking vavoom!*¹⁷

Man! – распространенное неформальное обращение друг к другу среди мужского афроамериканского населения – *Look, man, take it easy!*¹⁸

Восклицанием *Booyah!* выражают неодобрение, освистывание (часто используется на стадионах, концертных площадках) – *Booyah ski-daddy!*¹⁹

Афроамериканцы для придания своей речи экспрессивности часто имитируют отдельные звуки. Так, имитация звука фанфар – *dah (tah-dah, daaa)* – происходит при входе, например, важной особы.

Большое количество междометий и восклицаний можно услышать в лирике хип-хоп культуры, а именно в рэпе (форме танцевальной музыки, где на предварительно записанные музыкальные треки накладывается речь или речитатив) – *Uh-oh, the roll below the level*²⁰; *I go eh, they go eh, if I go yeh, they go yeh. Yeh yeh yeh yeh*²¹; *We are hip-hop! Me, you... everybody! We are hip-hop! Hip-hop is goin where we goin*²². Здесь не обязательна связь между словами, четкий и осознанный выбор слов и выражений. Черные рэперы пытаются привлечь внимание общественности к наиболее острым социально-политическим и межэтническим проблемам через смысл, эмоции и чувства.

В наши дни, когда в основном завершилась борьба за гражданские права афроамериканцев, язык чернокожего населения США продолжает эволюционировать. Так, культура афроамериканцев не только повлияла на американскую и мировую культуру в целом, но и создала новый языковой пласт, отражающий реальность черных кварталов больших городов. Увлечение хип-хоп культурой, ее философией и стилем жизни транслировалось сначала в американскую культуру, а затем и в общеевропейскую, в частности, в новые направления музыки (*hip-hop, rap, freestyle battling*). В стандартном английском языке появились новые слова и словосочетания для выражения заимствованных понятий и ценностей (*yo mama, Bingo!, Man!*). Более того, сформировалась определенная субкультура со своей системой ценностей, отличной от окружающего мира, и языком, отражающим эти отличия.

Таким образом, можно говорить о том, что английский язык афроамериканского социально-этнического диалекта представляет собой некую этно-лингво-социо-культурную карту, где значения слов и поступков отображают обиход-

но-эмпирический, культурно-исторический опыт афроамериканцев. Изучение фактов использования в среде афроамериканцев вербальных и невербальных форм поведения свидетельствует о существовании их широкого специфического спектра. Именно из таких моделей поведения афроамериканцев и складывается языковая картина мира, определяющая его восприятие носителями афроамериканского социально-этнического диалекта.

Примечания

- 1 См.: *Александрова Т.* Специфика выражения оценочных значений в афро-американском социально-этническом диалекте : на материале субстандартной лексики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. С. 12.
- 2 *Сенур Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 2002. С. 47.
- 3 *Ларина Т.* Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009. С. 32.
- 4 *Фирсова Н.* Испанский речевой этикет. М., 1991. С. 93.
- 5 Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 28.09.2017).
- 6 Hip Hop/Rap Music Lyrics. URL: <http://www.songlyrics.com/hip-hop-rap-lyrics.php> (дата обращения: 24.09.2017).
- 7 Ibid.
- 8 Ibid.
- 9 Malcolm X quote. URL: www.azquotes.com/quote/649541 (дата обращения: 11.10.2017).
- 10 Urban Dictionary.
- 11 Hip Hop/Rap Music Lyrics.
- 12 Ibid.
- 13 *De Vito J.* Human communications : The basic course. Boston ; L., 2005. P. 105.
- 14 Hip Hop/Rap Music Lyrics.
- 15 *Spears R.* NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions. URL: gimnasio-altair.com/exe/idioms/ntc.pdf (дата обращения: 22.10.2017).
- 16 Ibid.
- 17 Urban Dictionary.
- 18 *Spears R.* Op. cit.
- 19 Urban Dictionary.
- 20 Ibid.
- 21 Hip Hop/Rap Music Lyrics.
- 22 Ibid.

Образец для цитирования:

Александрова Т. А. Специфика речевого поведения представителей афроамериканского социально-этнического диалекта английского языка // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 145–148. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-145-148.

Cite this article as:

Alexandrova T. A. English Language of African-American Social and Ethnic Dialect: Specificity of Speech Behaviour of its Representatives. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 145–148 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-145-148.

УДК 811.133.1'276.6'373.612.2

ФУНКЦИИ МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Е. А. Соловьева

Соловьева Евгения Анатольевна, аспирант кафедры романской филологии, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, e_rossignol@mail.ru

Обращаясь к произведениям мемуарно-документального характера французских военнослужащих, проходивших службу в составе французских экспедиционных подразделений в период с 2001 по 2012 г., автор выявляет и анализирует функции метафоры. С учетом результатов данного анализа определяется роль метафоры в современной речи французских военнослужащих.

Ключевые слова: военная лексика, метафора, функции метафоры, формализованный слой, когнитивная лингвистика.

The Functions of Metaphor in the Modern Speech of French Military Servicemen

E. A. Solovyova

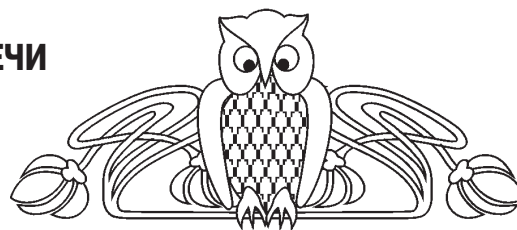
Evgeniya A. Solovyova, ORCID 0000-0001-8796-6059, Southern Federal University, 33, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia, e_rossignol@mail.ru

Using the examples from the non-fiction and memoir works by the French military servicemen on active duty in the French expeditionary forces from 2001 to 2012, the author identifies and analyzes the functions of metaphor. The author determines the role of metaphor in the contemporary speech of French servicemen based on the results of the present research.

Key words: military-specific language, metaphor, metaphor functions, formalized layer, cognitive linguistics.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-149-152

В течение длительного времени метафора понималась исключительно как риторический прием, служащий для украшения речи. Однако в работах выдающихся исследователей минувшего столетия метафора связывается не только с языком, но и с мышлением, что предопределило дальнейшее интенсивное изучение данного феномена. В частности концептуальный подход, предложенный Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, является важным этапом в развитии когнитивной парадигмы и служит основой для последующих исследований. Языковым проявлением «концептуальной метафоры» Дж. Лакофф и М. Джонсон считают преимущественно «конвенциональные» («узуальные», «стертые», «лексикализованные») метафоры, которые выступают привычным языковым отражением взаимоотношений между ментальными структурами (концептами), содержащими элементы знания о мире и являющимися

типичными для сознания носителей того или иного языка и культуры¹.

Однако в неменьшей степени, чем узуальные, окказиональные метафоры способны категоризировать реальность, что делает возможным их активное использование в различных лексических системах. Ввиду своей практической направленности специальная лексика может содержать значительное количество окказиональных метафор, служащих для номинации конкретных профессиональных реалий. Некоторые зарубежные исследователи полагают, что терминологические окказиональные метафоры (чаще именуемые ими изолированными катахрезами) возникают из концептуального взаимодействия с привычной для носителя языка сферой-источником. При этом, в отличие от «метафор, организованных в сети», катахрезы носят спорадический характер и не порождают серии терминов в какой-либо одной или нескольких областях знания². Среди функций терминологической метафоры западные лингвисты обычно выделяют номинативную, эвристическую, герменевтическую, объяснительную и дидактическую функции³.

Несмотря на то, что метафора в речи военнослужащих уже служила объектом изучения, ее функционирование в формализованной речи современного французского военнослужащего еще ни разу не становилась предметом подробного анализа, что и определяет новизну и актуальность нашего исследования.

К сожалению, в настоящее время в лингвистике отсутствуют как общепринятая концепция профессиональной речи, так и определение самого понятия «термин». Как отмечает Е. И. Голованова, развитие когнитивной науки привело к отказу от рационально-логической трактовки термина как языковой единицы, призванной номинировать и определять какое-либо научное понятие, и позволило сосредоточиться на его внутренней семиотической природе, тесно связанной с профессиональным знанием и коммуникацией⁴. Исследователь М. Т. Кабре Кастелви (M. T. Cabré Castellví) тоже обращает особое внимание на наличие у термина коммуникативного аспекта и полагает, что в основе любого термина лежит концепт, который имеет когнитивную, лингвистическую и коммуникативную составляющие⁵. По данной причине мы сформировали рабочее определение *специальной лексической единицы военного дела* (далее – СЛЕВД), под которой понимаем лексическую единицу простой или сложной

структуры, включенную в специализированные военные словари и номинирующую реалию военного дела⁶. Говоря о формализованных СЛЕВД, мы подразумеваем лексические единицы, фиксирующиеся в современных специализированных словарях без пометки их принадлежности к разговорному или жаргонному слою лексики.

Кроме того, мы не разделяем метафорический перенос на основании формальных лингвистических критериев, которые, например, позволяют выделить субстантивную и глагольную метафору, представленную простым словом или лексикализованной синтагмой. Вслед за А. П. Чудиновым мы полагаем, что метафору следует рассматривать достаточно широко, так как семантическое уподобление является более важным, нежели формальные языковые различия⁷. Мы также полностью согласны с тем, что между концептом, имеющим ментальную природу, и единицами языка «складываются не отношения тождества, а отношения “вербализуемое – вербализатор”»⁸.

Основной сложностью изучения языковых явлений в любой военной среде является герметичность этой профессиональной области. Поэтому мы разделяем точку зрения А. Сабера (A. Saber), который считает возможным использование в качестве источников практического материала литературных произведений, отражающих профессиональные реалии с высокой степенью достоверности⁹.

Целью настоящего исследования стало изучение функций метафоры, репрезентирующей реалии военной сферы в современной речи французских военнослужащих. Источником текстового материала послужили произведения мемуарно-документального характера французских военнослужащих, проходивших службу в составе французских экспедиционных подразделений в период с 2001 по 2012 г.: полковника Николя Ле Нена (Nicolas Le Nen)¹⁰ и сержанта Йоана Дуади (Yohann Douady)¹¹, а также официальный сайт Министерства обороны Франции¹². Использованный метод лингвистического наблюдения позволил проанализировать эмпирический корпус в функциональном аспекте.

Проведенный анализ практического материала показывает, что ведущей функцией метафоры в формализованном языковом слое является **номинативная функция**, которая проявляется в репрезентации различных реалий, связанных с профессиональной деятельностью военнослужащих. Например: *...puis il monta sur la tourelle et s'adressa à tous les hommes, par la voix et par le réseau radio de la section, afin que toute la section puisse entendre*¹³ – «... затем он поднялся на башню и обратился ко всем присутствующим, вживую и по радиосвязи, чтобы весь взвод мог слышать» (здесь и далее перевод наш. – Е. С.). СЛЕВД *tourelle* (досл. *башенка*) обозначает башню бронированной боевой машины. Метафорическое переосмысление основано на отдаленном сходстве формы и функций небольших башен, располагавшихся на

стенах средневековых замков, и бронебашни военно-технического средства. Источник метафоры представляет привычную для носителей языка историческую реалию. Однако сфера-реципиент не отличается значительной вариативностью, поскольку переосмысление является стереотипным и относится к военно-техническим средствам (бронетранспортерам, танкам, САУ, кораблям), имеющим орудийные башни. С этой точки зрения метафора может рассматриваться скорее как окказиональная. С другой стороны, все метафорические переосмысления, закрепившиеся в формализованном слое специальной лексики, носят привычный характер и частично утрачивают свою первичную семантическую мотивацию.

*Nous devenons la tête de pont du RICM pour rejoindre les abords d'Abidjan au plus vite*¹⁴ – «Мы становились исходным плацдармом для бронетанкового полка морской пехоты, чтобы как можно быстрее выйти к рубежам Абиджана». СЛЕВД *tête de pont* (досл. *мостовая голова*) служит для номинации тактического плацдарма, на котором располагается передовой отряд первого эшелона. Актуализация передней (головной, ведущей) части какого-либо объекта как головы (части тела человека или животного) носит выраженный узуальный характер и распространена в современном формализованном военном вокабуляре. В качестве примеров можно привести такие метафоризированные СЛЕВД, как: *tête chercheuse* (головка самонаведения), *tête de fusée* (головка взрывателя), *tête de gâchette* (головка шептала), *tête de (la) colonne* (голова колонны).

*La puissance de feu de nos armes a raison des positions retranchées de l'ennemi*¹⁵ – «Огневая мощь нашего оружия восторжествовала над укрепленными позициями противника». СЛЕВД *puissance de feu* (досл. *огневая мощь*) репрезентирует возможности оружия по нанесению урона противнику. Метафора связывает сферу реалий военной сферы со сферой ощущений человека путем обращения к кинестатической модальности восприятия. По нашим наблюдениям, привлечение сферы-источника «Ощущения» для метафорически переосмысленной характеристики реалий военной сферы является достаточно привычным для формализованного слоя военно-профессионального языка. Например: *tir tendu* (досл. *натянутая/напряженная стрельба, стрельба по отлогой траектории*), *puissance de perforation* (досл. *пробивная мощь, бронепробиваемость*), *conflit ouvert* (досл. *открытый конфликт*).

Поскольку военное дело всегда связано с активными действиями, то метафорические переосмысления могут быть представлены девербативами, глаголами, а также принимать вид глагольных синтагм. При этом метафора обычно актуализирует только те сходства, которые наиболее удачно представляют одну реалию посредством другой, тогда как остальные значения «затушевываются». Например: *Enfin, les soldats afghans entament un lent*

*décrochage vers l'ouest*¹⁶ – «Наконец, афганские солдаты начинают медленно *выходить из боя*, оттягиваясь к западу». Метафоризированное отглагольное существительное *décrochage* (досл. *расцепка; снятие с крюка*) актуализирует в данном случае выход из боя, отрыв от противника. Ведущей выступает сема «action de décrocher, de détacher» («действие по расцеплению, отделению»)¹⁷. Само боестолкновение может переосмыслиться как *accrochage* (досл. *прикрепление, сцепление с чем-либо*). СЛЕВД *accrochage* в значении «короткий бой, стычка», несомненно, имеет своим происхождением разговорный слой общегражданской лексики. Однако, активно функционируя в современной военно-профессиональной речи, она приобретает гораздо более формализованный статус, что может служить примером постепенной терминологизации лексической единицы.

*Cette opération, intitulée Puebla 2, permettrait de prendre en tenaille la Zone verte...*¹⁸ – «Эта операция, названная Пуэбла 2, позволила бы *взять в клещи* Зеленую зону...». СЛЕВД *prendre en tenaille* представлена метафоризированным идиоматическим выражением и имеет в военном контексте значение «окружать с трех сторон». С точки зрения продуктивности ее употребление носит окказиональный характер.

Метафорическое переосмысление иногда может лежать в основе формирования имен различных военно-технических средств, вооружений и даже военных операций. Наиболее часто для этих целей привлекаются антропонимы, имеющие реальные или мифологические прототипы, а также зоонимы и лексические единицы, обозначающие некоторые явления и объекты природного мира. Например: *Le groupe aéronaval, constitué autour du porte-avions Charles de Gaulle, a été engagé à plusieurs reprises en soutien des opérations terrestres en Afghanistan (missions Héraclès et Agapanthe)*¹⁹ – «Авианосная группа, ядром которой является авианосец «Шарль де Голль», неоднократно оказывала поддержку наземным операциям в Афганистане (миссии *Геракл* и *Агапантус*)». Наименование *Геракл* метафорически связывает два разнородных концепта: масштабную военную операцию и героя древнегреческих мифов, знаменитого своей силой и подвигами. С точки зрения когнитивной лингвистики прототип может быть рассмотрен как концепт с выраженным культурно-историческим слоем, свойства которого оказываются спроецированными на явление военной реальности. Что же касается миссии *Агапантус* (совместные учения с индийскими военными и морское присутствие в Индийском океане), то ее наименование связано с регионом проведения операции, так как данное растение является типичным для этой части береговой зоны Индии и Африки.

Благодаря своей образности метафора расширяет смысловую составляющую вербализатора, а также позволяет репрезентировать сложные явления сквозь призму более простых. В этом прояв-

ляется **когнитивная функция**, благодаря которой расширяется познавательный потенциал вербализатора. *Dès leur arrivée au-dessus de nos positions, les deux hélicoptères kiowa réduisent au silence un nid de mitrailleuse ennemi...*²⁰ – «С момента появления над нашими позициями, два вертолета «Кайова» заставили замолчать *пулеметное гнездо* противника...». Лексическая единица *nid* (досл. *гнездо*), входящая в состав СЛЕВД *nid de mitrailleuse* (досл. *пулеметное гнездо*), актуализирует фортификационное сооружение, предназначенное для защиты пулеметной позиции. Метафорическое переосмысление основано на сходстве формы и отчасти функции пулеметного окопа и птичьего гнезда и носит окказиональный характер.

Поскольку акт познания невозможен без понимания и верной интерпретации реалий, мы не выделяем отдельно герменевтическую функцию, так как считаем ее неотъемлемой частью когнитивной. Облегчая восприятие сложного сквозь призму более простого, метафора способствует реализации всей совокупности когнитивных процессов, таких как восприятие, категоризация и мышление. Вместе с тем мы разделяем мнение о наличии у метафоры **дидактической функции**, ибо благодаря своей образности метафорические переосмысления позволяют не только лучше понять, но и запомнить актуализируемые реалии. С другой стороны, когнитивная функция метафоры не только самым тесным образом связывается с номинативной, но и активно способствует реализации **функции экономии речи**. Например: *...l'infiltration implique généralement plusieurs heures de marche sur des terrains surélevés et difficiles d'accès...*²¹ – «*Проникновение в расположение противника* обычно предполагает многочасовой переход по возвышенной и труднопроходимой местности». В зависимости от контекста СЛЕВД *infiltration* (досл. *просачивание*) может репрезентировать как проникновение в расположение противника или переход через линию фронта, так и включение в его боевые порядки. Однако во всех случаях переосмысление основано на функциональной аналогии со способностью жидкостей, особенно воды, просачиваться в труднодоступные места. Во французском языке обращение к объектам водного мира для переосмысления реалий военной сферы не отличается продуктивностью и может рассматриваться как окказиональное.

В ряде случаев СЛЕВД, образованные путем метафорического переноса, могут выполнять **эвфемизирующую и обобщающую (генерализующую) функцию**. «*Nous ne l'avions peut-être pas neutralisé, mais nous avions en tout cas fait cesser ses tirs*»²² – «Возможно, мы его и не *обезвредили*, но заставили во всяком случае прекратить стрельбу». СЛЕВД *neutraliser* (досл. *объявлять нейтральным*) играет роль эвфемизма и способствует экономии речи.

Retirer mon dispositif le 17 mars comme je l'avais envisagé dans notre planification initiale risquerait de provoquer un retour des insurgés dans la

*vallée*²³ – «Вывод моей группировки 17 марта, как я это изначально планировал, создал бы риск возвращения повстанцев в долину». В военном контексте метафорическое переосмысление лексической единицы *dispositif* (досл. приспособление, устройство) может служить для актуализации как боевого порядка, так и группировки войск. Переосмысление носит обобщающий и обезличивающий характер, позволяя переосмыслить военные подразделения как единый механизм.

Благодаря совокупности всех вышеперечисленных функций реализуется **коммуникативная функция**, которая способствует активному обмену информацией между участниками профессионального общения. При этом создание при помощи метафоры того или иного языкового образа может предопределять восприятие вербализуемой метафорой реалии. Кроме того, метафора является отражением ментальности и упорядочивает знания о профессиональном мире согласно представлениям, свойственным носителям языка. В этом проявляется ее **структурирующая функция**.

Таким образом, в современной речи французских военнослужащих отмечается многофункциональный характер метафорической номинации. Проведенный анализ наглядно показывает, что метафора оказывается необходимым компонентом профессиональной речи, который не только служит для номинации специфических реалий, но и способствует их категоризации. Кроме того, обладая мощным когнитивным потенциалом, метафора облегчает процесс познания, понимания и коммуникации. Наиболее значимыми следует считать номинативную, когнитивную и коммуникативную функции метафоры, без реализации которых невозможно адекватное функционирование любой профессиональной лексики. Однако и остальные вышеперечисленные функции являются важными, поскольку дают возможность военному формализованному вокабуляру наиболее полно отвечать потребностям профессионального общения. Активная реализация всех названных функций позволяет считать их основными и в значительной степени обеспечивающими разнообразие исследуемого вида речи.

Примечания

¹ См.: Lakoff G., Jonson M. *Metaphors we live by*. Chicago, 1980.

- ² См.: Giaufret A., Rossi M. *Métaphores terminologiques, circulation des savoirs et contact entre langues // Signes, Discours et Sociétés*. 2013. № 10. URL: <http://www.revuesignes.info/document.php?id=3170> (дата обращения: 26.05.2017).
- ³ См.: Rossi M. *Métaphores terminologiques : fonctions et statut dans les langues de spécialité // SHS Web of Conferences*. EDP Sciences. 2014. № 8. P. 714.
- ⁴ См.: Голованова Е. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. Изд. 2-е. М., 2014. С. 15.
- ⁵ См.: Cabré Castellvi M. T. *Theories of terminology : Their description, prescription and explanation // Terminology*. 2003. Vol. 9, № 2. P. 163–199.
- ⁶ См.: Соловьева Е. Метафора как средство реализации юмора в субстандартной военной лексике (на материале французского языка) // Изв. ЮФУ. Филологические науки. 2017. № 3. С. 122.
- ⁷ См.: Чудинов А. *Очерки по современной политической метафорологии*. Екатеринбург, 2013. С. 13.
- ⁸ Saber A. *Métaphore et culture professionnelle chez les militaires américains // Cahiers du CIEL*. 2000–2003. P. 189. URL: <http://www.eila.univ-paris-diderot.fr/recherche/clillac/ciel/cahiers/2000-2003> (дата обращения: 27.10.2016).
- ⁹ См.: Крайцов С. *Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «Поведение человека»)*. Ростов н/Д, 2008. С. 108.
- ¹⁰ См.: Le Nen N. *Task Force Tiger – Journal de marche d'un chef de corps français en Afghanistan*. Paris, 2010.
- ¹¹ См.: Douady Y. *D'une guerre à l'autre. De la Côte d'Ivoire à l'Afghanistan avec le 2e RIMA*. Paris, 2012.
- ¹² См.: Министерство обороны Франции : [сайт]. URL: <http://www.defense.gouv.fr> (дата обращения: 17.07.2017).
- ¹³ Douady Y. *Op. cit.* P. 71.
- ¹⁴ Ibid. P. 73.
- ¹⁵ Le Nen N. *Op. cit.* P. 84.
- ¹⁶ Ibid. P. 71.
- ¹⁷ *Dictionnaire Larousse Maxipoche Plus*. Paris, 2009. P. 363.
- ¹⁸ Douady Y. *Op. cit.* P. 254.
- ¹⁹ Dossier de presse : 13 ans d'intervention militaire française en Afghanistan. URL: http://www.defense.gouv.fr/content/download/334266/4644903/file/DOSSIER%20DE%20PRESSE_%20Afghanistan.pdf (дата обращения: 17.07.2017).
- ²⁰ Le Nen N. *Op. cit.* P. 106.
- ²¹ Douady Y. *Op. cit.* P. 138.
- ²² Ibid. P. 188.
- ²³ Le Nen N. *Op. cit.* P. 93.

Образец для цитирования:

Соловьева Е. А. Функции метафоры в современной речи французских военнослужащих // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 149–152. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-149-152.

Cite this article as:

Solovyova E. A. The Functions of Metaphor in the Modern Speech of French Military Servicemen. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 149–152 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-149-152.

УДК 811.161.1'42

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В РЕЧИ СТУДЕНТОВ КАК СИМВОЛОВ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ И ПРЕЦЕДЕНТНЫХ СИТУАЦИЙ

О. С. Незнаева

Незнаева Ольга Сергеевна, аспирант кафедры русского языка и речевой коммуникации, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, osneznaeva@gmail.com

В статье рассматриваются случаи употребления прецедентных феноменов в речи студентов. Особое внимание уделяется анализу коммуникативных ситуаций, в которых прецедентное имя является способом вербализации прецедентного текста и прецедентной ситуации. Сделана попытка выявить механизм актуализации прецедентных знаний, хранящихся в когнитивной базе представителей одного лингвокультурного сообщества.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентное имя, прецедентная ситуация, прецедентный текст, студенческое общение.

Peculiarities of Precedent Names Functioning in Student Speech as Symbols of the Precedent Texts and Precedent Situations

O. S. Neznayeva

Olga S. Neznayeva, ORCID 0000-0003-4281-3969, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, osneznaeva@gmail.com

The article considers instances of precedent phenomena in students' speech. There is a special focus on the analysis of communicative situations in which the precedent name is a means of verbalization of the precedent text and precedent situation. It is attempted to elicit the mechanism of actualizing precedent knowledge stored in the cognitive database of the representatives of one linguistic and cultural society.

Key words: precedent phenomenon, precedent name, precedent situation, precedent text, student communication.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-153-157

Язык и культура тесно связаны между собой. Через язык мы раскрываем свои знания о мире, оцениваем явления жизни и выражаем определенную точку зрения. При этом в речи мы нередко обращаемся не к обычным лексемам, а к известным цитатам, ситуациям из кинофильмов и рекламы, именам знаменитых исторических деятелей и персонажей. Такие единицы, хранящие в себе культурную память, значимые для представителей одного лингвокультурного сообщества, принято называть прецедентными феноменами (далее ПФ)¹. Они делают нашу речь ярче, образней, часто с помощью них автор сообщения пытается наиболее емко выразить свою мысль, быть понятым. В своей работе мы в основном опираемся

на концепцию, представленную в исследованиях Д. В. Багаевой, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, В. В. Красных и Ю. Н. Караулова, посвященных функционированию прецедентных феноменов.

Знания о ПФ содержатся в нашем сознании. Д. Б. Гудков и В. В. Красных полагают, что у представителей одного национально-культурного сообщества есть общая структурированная совокупность знаний, называемая когнитивной базой. Когнитивная база формирует инварианты восприятия определенных культурно значимых феноменов. Для каждого человека такая структура индивидуальна. Д. Б. Гудков и В. В. Красных предлагают называть ее индивидуальным когнитивным пространством, состоящим из инварианта и из собственного представления человека о данной реалии².

Рассматривая процесс восприятия и понимания текста, следует отметить, что в нашем сознании существуют когнитивные структуры, которые содержат в себе сведения о языке (лингвистические когнитивные структуры) и знания об окружающем мире (феноменологические когнитивные структуры)³. Лингвистические когнитивные структуры отвечают за формирование представлений о законах языка, о его фонологическом и синтаксическом строе, лексическом запасе, о законах построения высказываний. Феноменологические когнитивные структуры призваны формировать знания об исторических событиях, произведениях искусства, реальных личностей, т. е. об экстралингвистических явлениях⁴. Когда человек воспринимает текст, основную работу выполняют лингвистические когнитивные структуры, которые расшифровывают входящую информацию и декодируют поступающие коды. В процессе понимания, интерпретации входящего текста в человеческом сознании активизируются феноменологические когнитивные структуры, которые призваны раскрыть глубинный смысл сообщения⁵.

Таким образом, в сознании происходит актуализация прецедентных знаний, важных для личности в эмоциональном и познавательном плане и хранящихся в когнитивной базе. Гудков понимает под ними «совокупность знаний и представлений, общих практически для всех членов лингвокультурного сообщества»⁶. Для успешной коммуникации каждый участник общения должен обладать знаниями инварианта когнитивной базы того национально-лингвокультурного сообщества,

на языке которого происходит коммуникация⁷.

Прецедентные феномены неоднородны по своей природе. Большинство ученых выделяют четыре вида ПФ: прецедентный текст (далее ПТ), прецедентное высказывание (далее ПВ), прецедентную ситуацию (далее ПС) и прецедентное имя (далее ПИ).

Разные виды прецедентных феноменов имеют различные по своей природе формы существования в когнитивном пространстве. Условно их можно разделить на две группы. В первую входят прецедентное имя и прецедентное высказывание. Эти феномены хранятся в сознании в виде вербальных инвариантов восприятия, имеют четко фиксированную форму. Прецедентную ситуацию и прецедентный текст можно отнести ко второй группе феноменов. Они являются «вербализуемыми», т. е. феноменами, которые поддаются вербализации в процессе коммуникации⁸. Обращение к ним может возобновляться посредством связанных с ними прецедентных высказываний и прецедентных имен. Это могут быть цитаты, заглавия, имена персонажей и т. д. – все, с помощью чего произойдет актуализация у собеседника определенного ПТ или ПС⁹.

Таким образом, в любой ситуации общения непосредственно могут участвовать только прецедентное имя и прецедентное высказывание, в то время как прецедентная ситуация и прецедентный текст используются опосредованно, актуализируясь посредством вербальных прецедентных феноменов. Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко и В. В. Красных, говоря об этом, доказывают, что ПИ и ПВ в определенных коммуникативных условиях могут выступать в качестве символов ПС и ПТ.

В статье на материале разговорной речи студентов СГУ имени Н. Г. Чернышевского рассмотрим особенности употребления прецедентных имен и попытаемся выяснить, в каких случаях можно говорить об их символической природе.

Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, относящимся чаще всего к числу прецедентных (*Тарас Бульба*, *Обломов*), или с ситуацией, известной носителям языка (например, *Иван Сусанин*, *Колумб*)¹⁰. ПИ – это своеобразный символ, который, как правило, употребляется для апелляции не ко всей личности, а только к определенному набору его признаков. В качестве примеров могут быть названы известные имена собственные, названия произведений, географические названия, наименование исторических событий и т. д. Прецедентное имя, согласно исследованиям, имеет определенную структуру, состоящую из ядра (дифференциальных признаков) и периферии (атрибутов). Дифференциальные признаки – основные характеристики, отличающие одно ПИ от другого. Они могут представлять собой разные характеристики ПИ: черты характера (например, *Тарас Бульба – патриот, храбрый казак*),

атрибуты, признаки, тесно связанные с ПИ, но не являющиеся обязательными (*кепка Ленина*, *маленький рост Наполеона*), прецедентные ситуации (например, ПИ *Сусанин* в сознании носителей языка больше всего связано с ситуацией, когда он, рискуя собственной жизнью, показал польским интервентам неверный путь)¹¹.

Согласно исследованиям, ПИ может восходить к ПТ, ПС или представлять собой имя, не связанное онтологически с другими вербализуемыми видами прецедентных феноменов¹². Рассмотрим такие случаи на материале разговорной студенческой речи.

Говоря о том, что прецедентное имя восходит к прецедентному тексту, имеется в виду, что ПИ представляет собой заглавие произведения, имя персонажа, наименование географического объекта, характерного для произведения, и т. д.

ПИ, пришедшее из ПТ, может употребляться в речи в качестве характеристики имени. В этом случае инвариант восприятия прецедентного имени, хранящийся в нашей когнитивной базе, содержит определенные дифференциальные признаки и атрибуты, которые актуализируются в речевой ситуации, апеллируя к ПТ-источнику. Например, студенты разговаривают о директорах школ, в которых они учились.

– У нас директор тоже с секретаршей не говорил// Его так никто и не видел//
– Гудвин/ великий и ужасный//

Одним из признаков ПИ *Гудвин*, хранящимся в нашей когнитивной базе, является то, что он никогда не появлялся перед жителями Изумрудного города в своем настоящем облике, мог предстать перед ними в облике огромной головы, парящей в небе, или в виде пылающего огненного шара. Фраза *его так никто и не видел* вызвала в сознании адресата сообщения ассоциативную реакцию в виде ПИ *Гудвин*. Так как каждый инвариант восприятия ПИ представляет собой набор дифференциальных признаков, то в сознании говорящего возникла еще одна характеристика данного персонажа: *великий и ужасный*. Видим, что ПИ в данном случае актуализирует набор дифференциальных признаков, понятных реципиенту, т. е. ПИ является символом этих характеристик.

Рассмотрим другой пример. Девушка рассказывает, как, когда она жила в неблагополучном районе города, один мужчина всегда помогал ей беспрепятственно попасть домой: *Он/ как Харон/ перевозил нас через эти ужасные улицы//*

В приведенном примере происходит апелляция к одному из признаков ПИ *Харон*, известного носителю нашей лингвокультуры как перевозчика душ в стране мертвых в подземном царстве Аида через реку Стикс. Стикс воспринимается как нечто ужасное, вызывающее страх, Харон же в данном случае представляет собой человека, который может беспрепятственно переправить через ужасное место. Говорящий использует только ПИ, но оно

является символом характеристики, известной для адресата.

Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко и В. В. Красных в своем исследовании приходят к выводу, что ПИ, связанное с ПТ, может также быть символом определенной ПС. В этом случае ПИ в сознании языка будет связано с инвариантом восприятия ПС¹³. В ходе анализа было замечено, что в разговорной речи такие случаи самые частотные. Говорящий или слушающий сравнивают себя с известным персонажем, попадающим в определенную ситуацию.

Рассмотрим пример. Студентка рассказывает подруге о том, как она попала под сильный дождь, а зонт оставила дома:

– Я иду под дождем// как в душе//

– Как *Инполит*?//

– Ага//

В сознании собеседника существует инвариант восприятия ПС, в которой персонаж кинофильма «Ирония судьбы, или С легким паром» стоит под включенным душем в одежде. Услышав от подруги фразу *Я иду под дождем// как в душе*, девушка ассоциативно сближает эту ситуацию с ПИ *Инполит*. То есть в данном случае можно говорить о том, что имя-символ связано с хранящимся в когнитивной базе инвариантом восприятия ПС.

Рассмотрим другой пример. Девушка разговаривает с подругой о тех проблемах, которые возникли в жизни их общей знакомой, и сетует на то, что она больше не хочет принимать участие в их решении:

– Мне все больше хочется поступить как

Понтий Пилат//

– Умыть руки?//

– Да//

Говорящий, высказывая свою мысль о том, что он больше не хочет выслушивать приятельницу и решать ее проблемы, употребляет ПИ *Понтий Пилат*, восходящее к библейскому тексту. В лингвокультурном сообществе это ПИ связано с ПС, когда прокуратор Иудеи трижды отказывался признавать виновным Иисуса Христа, но в итоге отдал его под суд синедриону. По преданию, после этого действия Понтий Пилат прилюдно «умыл» руки, показывая свою невинность в пролитии крови. В данном случае употребление ПИ вызвало в сознании собеседника ассоциацию, связанную с этой ПС. При этом ответ содержит ПВ *Умыть руки*, которое также входит в инвариант восприятия рассматриваемой ПС. Можно предположить, что употребление данного ПВ могло быть вызвано разными причинами. С одной стороны, собеседник мог не до конца понять, что имеет в виду говорящий, употребляя ПИ *Понтий Пилат*. Поэтому, используя ПВ с вопросительной интонацией, девушка пытается узнать, правильно ли она поняла полное значение реплики подруги. С другой стороны, употребление ПВ могло быть, напротив, знаком того, что девушка верно декодировала услышанную фразу. Поэтому она,

акцентируя на этом внимание, употребляет ПВ, относящееся к той же ПС, что и ПИ. В любом случае употребление ПИ в данном случае является символом ПС.

Во всех описанных ситуациях ПИ онтологически восходили к ПТ. Однако существуют ПИ, восходящие к ПС, известной носителям лингвокультурного сообщества. При этом ПИ, как и в случаях с ПТ, может употребляться в качестве характеристики внешности, особенностей характера или указания на определенную ситуацию. Например, студентка уговаривает своего друга пойти на улицу скорее, потому их уже ждет общий знакомый. Адресат сообщения иронично реагирует на это:

– Пошли/ нас *Трофимов* ждет!//

– Как *Хатико* на остановке?//

Общий смысл первой фразы о том, что друг ждет на улице, является для слушающего стимулом для последующей реакции в виде ПИ. При этом ПИ *Хатико* в сознании адресата сообщения связано с ПС, инвариант которой содержит представление о том, как в Японии пес по имени Хатико несколько лет приходил на железнодорожную станцию и ждал своего хозяина, несмотря на то, что тот давно умер. Таким образом, ПИ *Хатико* является символом преданности и верности. В данном случае адресат сообщения употребляет ПИ иронически, сравнивая ожидание друга с подвигом собаки.

Интересно, что почти во всех приведенных примерах ПИ появляется в качестве реакции на определенный стимул. Возможно, это связано с тем, что в нашем сознании хранится разветвленная сеть различных характеристик и признаков. Именно через них практически любая фраза собеседника может соединиться с определенным ПФ.

В нашей когнитивной базе есть также ПИ, которые не связаны с какими-либо ПТ или ПС. Они, как правило, восходят к определенному инварианту восприятия прецедентного имени, которое обладает набором дифференциальных признаков.

Например, студент рассказывает другу, как он общался со школьниками во время педагогической практики перед контрольной работой: *Дал им задания и говорю// Представьте/ что вы евреи/ а я Геринг*//

Прецедентное имя *Геринг* в нашем сознании связано с личностью известного военного деятеля нацистской Германии. При этом мы не можем точно выделить одну ситуацию или один дифференциальный признак в нашей когнитивной базе, с которыми он связан. Это целый пучок ассоциаций, связанных с разными качествами его характера, поступками и решениями. В процессе коммуникации становится ясно, какой именно признак или ситуация ложится в основу этого сообщения. В данном случае в разговоре реализуется представление о Геринге как об одном из тех, кто развивал во время Второй мировой войны идею геноцида евреев. Студент, употребивший это

прецедентное имя, на наш взгляд, хотел показать другу свою власть над детьми в классе. Мы не узнаем, реально ли он произнес эту фразу перед школьниками, а если произнес, то хотел ли, чтобы они его поняли, но студент явно рассчитывал, что его друг поймет и оценит его реплику.

Рассмотрим другой пример. Парень смеется над тем, что девушка хочет сделать фотографию, не сняв крышку с объектива: *Открой объектив/ не будь Малевичем//*. В сознании автора сообщения хранится инвариант восприятия ПИ *Малевич*. Одним из его атрибутов, значимых для представителей нашей лингвокультуры, является картина «Черный квадрат». В рассматриваемой ситуации общения молодой человек замечает, что девушка забыла открыть объектив, а значит, если она сделает фотографию, то у нее получится просто черный кадр. Этот стимул рождает в сознании говорящего ассоциацию, связанную с черным квадратом, поэтому он сравнивает девушку с Малевичем.

Все рассмотренные примеры были связаны с ситуациями, когда ПИ употреблялось только один раз. Проанализировав собранный материал, приходим к выводу, что в разговорной речи очень часто можно наблюдать употребление нескольких ПИ в одном контексте. Они могут быть произнесены как одним говорящим, так и несколькими участниками ситуации. При этом наблюдается «нанизывание» ПИ друг на друга, что помогает при создании более яркого образа.

Рассмотрим пример: девушка рассказывает подруге историю о том, как она пришла на вечеринку в неподходящей одежде, и весь ее вечер был из-за этого испорчен: *И я пришла туда/ в платье/ как Бриджит Джонс// Но где тогда мой Дарси?// Костюм кролика прилагается//*. В данном примере видим, что девушка, рассказывая о своей неудавшейся вечеринке, сравнивает себя с героиней фильма «Дневник Бриджит Джонс». В фильме Бриджит Джонс, думая, что ее пригласили на маскарад, надевает костюм кролика. Однако когда она приходит на вечеринку, оказывается, что только она и один молодой человек, Марк Дарси, пришли в костюмах. Естественно, они чувствуют себя неудобно в этом вечер, но знакомство друг с другом и ощущение, что они оба ошиблись, помогает им хорошо провести время. Участница диалога в рассматриваемом примере не только говорит, что она похожа в данной ситуации на Бриджит Джонс, но и сетует на то, что не встретила Дарси, хотя костюм кролика у нее с собой. В противном случае ее вечер прошел бы лучше. Таким образом, в данном примере можно говорить об употреблении нескольких ПИ, актуализирующих в сознании слушающего одну ПС, восходящую к ПТ. Употребление двух имен и атрибута, относящегося к внешнему облику героини, усиливает аллюзию, добавляет эмоциональность и дополнительные смыслы.

Обратимся к примеру, когда оба собеседника употребляют разные ПИ в одном контексте. Студентки делятся впечатлениями после просмотра

студенческой постановки пьесы А. П. Чехова «Чайка». В частности, они обсуждают, как актер, играющий Треплева, выходит на сцену с картонной коробкой, в которой якобы лежит убитая им чайка, чтобы показать ее Нине Заречной:

– *Мне понравилось// Особенно чайка Шредингера//*

– *Ага// Чайка-барашек//*

У каждой студентки есть свои впечатления от просмотренного спектакля. Вынесенная на сцену коробка с чайкой вызвала у обеих ассоциации, однако они оказались разными. Для одной из них – чайка, как кот Шредингера, не ясно есть она или нет, для другой чайка связана с произведением А. Экзюпери «Маленький принц», в котором главный герой просил летчика нарисовать ему барашка, а потом сделать для него ящик, чтобы барашек не съел его розу. Видим, что для обеих студенток ассоциация носит прецедентный характер, при этом обе они хотят высказать свое мнение друг другу, поэтому в результате получаем два ПИ, один из которых связан с ПТ, а другой с ПС.

При анализе собранного материала было выявлено, что все ПИ, которые студенты употребляют в речи, могут иметь три типа источника: прецедентный текст, прецедентную ситуацию или само прецедентное имя. Употребляя ПИ, говорящие способны вызвать в сознании собеседника целый пучок дифференциальных признаков и атрибутов, отсылающих к соответствующей ситуации, тексту или личности, что помогает лучше понять полный смысл сказанного. Стоит отметить, что полное понимание возможно только в том случае, если в сознании собеседника хранятся инварианты восприятия ПФ. Однако в статье рассмотрены только случаи, когда коммуникация прошла успешно, и не учитываются коммуникативные риски. Довольно часто в разговорной речи студентов можно наблюдать случаи употребления нескольких ПИ. Это помогает сделать образ более ярким и точным. В заключение можно сделать вывод о том, что ПИ в разных контекстах может служить способом вербализации ПТ и ПС в речи. В этом случае ПИ выступает в качестве символов ПС и ПТ.

Примечания

- 1 См.: *Караулов Ю.* Русский язык и языковая личность. 6-е изд. М., 2007. С. 216.
- 2 См.: *Гудков Д.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999. С. 96.
- 3 См.: *Кушнерук С.* Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. С. 115.
- 4 См.: *Багаева Д., Гудков Д., Захаренко И., Красных В.* Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // *Язык.*

- Сознание. Коммуникация : сб. ст. / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 1997. Вып. 1. С. 84.
- ⁵ См.: Олизько Н. Когнитивный аспект интертекстуальности // Когнитивная парадигма : Фреймовая семантика и номинация : межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. Л. В. Правикова. Пятигорск, 2002. Вып. I. С. 130–132.
- ⁶ Гудков Д. Указ. соч. С. 130.
- ⁷ См.: Красных В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998.
- ⁸ См.: Багаева Д., Гудков Д., Захаренко И., Красных В. Указ. соч. С. 83.
- ⁹ См.: Попадинец Р. Прецедентное имя в сознании носителя русского языка : опыт психолингвистического исследования. Курск, 2010.
- ¹⁰ См.: Красных В. Указ. соч.
- ¹¹ См.: Багаева Д., Гудков Д., Захаренко И., Красных В. Указ. соч. С. 86.
- ¹² Там же. С. 84.
- ¹³ Там же. С. 86.

Образец для цитирования:

Незнаева О. С. Особенности функционирования прецедентных имен в речи студентов как символов прецедентных текстов и прецедентных ситуаций // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 153–157. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-153-157.

Cite this article as:

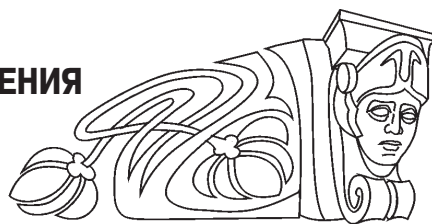
Neznayeva O. S. Peculiarities of Precedent Names Functioning in Student Speech as Symbols of the Precedent Texts and Precedent Situations. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 153–157 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-153-157.

УДК 811.161.1'01'367.625'37

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО КАК СПОСОБ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА ДВИЖЕНИЯ (на материале древнерусских гнезд с корнями -ид-, -ход-, -шед-)

О. И. Янковский

Янковский Олег Игоревич, ассистент кафедры русской филологии и медиаобразования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, yankovskoi@mail.ru

Статья посвящена семантическому анализу дериватов древнерусских корневых гнезд глаголов движения. В соответствии с различными обстоятельствами движения – направлением, способом, целью, средой распространения – выделяются группы лексем с корнями -ид-, -ход- и -шед-, составляющие ядро русского концепта движения в XI–XIV вв.

Ключевые слова: глаголы движения, динамика корневых гнезд, концепт движения.

Word-formation Family as a Means of Actualizing the Concept of Movement (on the Material of the Old Russian Families with the Roots -id-, -khod-, -shed-)

O. I. Yankovsky

Oleg I. Yankovsky, ORCID 0000-0001-7108-7770, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, yankovskoi@mail.ru

The article presents semantic analysis of the derivatives of Old Russian root families of the movement verbs. Groups of words with the roots -id-, -khod-, -shed-, which constituted the core of the Russian concept of movement in the XI–XIVth centuries, are singled out according to different aspects of movement – direction, way, goal, environment.

Key words: verbs of movement, dynamics of the root families, concept of movement.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-158-164

Когнитивный аспект в словообразовании вызывает все больший интерес исследователей, о чем свидетельствует появление ряда трудов, посвященных теоретическим и прикладным вопросам когнитивного анализа семантико-словообразовательных подсистем¹.

Е. С. Кубрякова отмечает, что номинативная функция словообразования является собственно когнитивной, поскольку она связана с «выделением и фиксацией средствами словообразования новых структур знания, закреплением и объективацией неких концептуальных объединений, рождаемых в актах познания и оценки мира»².

Наиболее интересной и значимой в ментальном плане макроединицей словообразовательной системы является словообразовательное гнездо,

поскольку именно гнездо однокоренных слов является «деятельностно-динамическим образованием, организованным по принципам и закономерностям естественной деятельности – в форме фрейма (системы фреймов)»³.

И. В. Евсеева интерпретирует лексико-словообразовательные гнезда как фрагменты языковой картины мира и в соответствии с этим выделяет у словообразовательной единицы две основные функции: 1) единица, содержащая информацию в систематизированном виде и объективирующая данные о мире; 2) единица, включающая знания, порождающая концептуальный и языковой мир⁴. Такой подход определяет возможность когнитивного моделирования словообразовательного гнезда, т. е. интерпретации лексико-словообразовательного гнезда как единицы воспроизведения информации, ее хранения и упорядочения в моделях, связанных с познавательной деятельностью человека⁵. Однако такая интерпретация вряд ли может быть исчерпывающей без исследования гнезда в его исторической динамике. Для когнитивного анализа языковых (и в том числе словообразовательных) единиц «диахронический аспект описания языка становится едва ли не более важным, чем синхронный аспект: во многом возвращаясь к принципам лингвистики XIX в., это направление провозглашает, что для понимания того, как устроен язык, и для объяснения языковых явлений апелляция к происхождению этих фактов становится одним из основных исследовательских приемов»⁶.

В системе описания ключевых концептов русской культуры концепт движения, один из наиболее значимых, не занял должного места: «...ничто не знакомо и не присуще нам в такой степени, как *движение*, являющееся основным свойством, основным признаком жизни, – и в философском, семиотическом, историческом и т. п., и во вполне обыденном, “переживаемом” человеком смысле»⁷. Вместе с тем следует отметить, что способы вербализации этого концепта становились объектом диахронического анализа⁸. В ходе анализа было показано, что представления о движении у средневекового русского человека и у носителя современного языка существенно различаются. Поэтому основной нашей задачей является исследование динамики «тематически единого фрагмента языковой картины мира»⁹, связанного с концептосферой «перемещение по поверхности».

В своей монографии «Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм)» Т. И. Вендина так обосновывает возможность изучения картины мира через факты словообразования: «Словообразование открывает возможности для концептуальной интерпретации действительности. Оно позволяет понять *какие* элементы внеязыковой действительности и *как* словообразовательно маркируются, *почему* они удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка»¹⁰. Процесс образования новых слов напрямую связан с представлениями человека о мире, с его ассоциациями, с отношением человека к той вещи, которую он называет. Если структурно-семантический подход в изучении семантико-словообразовательных подсистем помогает лишь ответить на вопрос *как это устроено*, то обращение к когнитивной стороне номинации, к экстралингвистическим факторам, к аксиологии русского человека позволяет объяснить, *почему это устроено так*. Поэтому, по мнению Т. И. Вендиной, «изучение производных имен позволяет не только определить сферу действия словообразовательных процессов (т. е. установить область словообразовательной детерминации), но и выявить, *что* в этом мире означает, *что* привлекает внимание носителей языка (и соответственно исследовать принципы номинации основных понятий русской языковой картины мира и «погрузиться» в ее глубины)»¹¹.

Мысли о том, что словообразовательное гнездо является одним из основных способов вербализации концепта, в последнее время встречаются все чаще¹². Исследователи делают выводы о наполнении концепта на основе семантики производных слов гнезда и способов их деривации.

Глагольное гнездо особенно точно отражает фрагмент языковой картины мира человека, так как «глагол, в отличие от имени, хорошо описывает человека и как тварное существо», дает возможность увидеть человека во всех проявлениях его личности и духа¹³. Движение и действие в целом занимают в сознании средневекового человека особое место: «Язык в разнообразии своих форм отражает самые разные способы развития понятий о мире. Определенные признаки предметного мира раньше всего выявляются в действии, в столкновении человека с предметом, на котором останавливается его внимание ... Диалектическое восприятие жизни выступает в нескольких ипостасях, но главное, в признании: весь мир – состязание, борьба, спор, все находится в движении, в действии»¹⁴.

Понятие «перемещаться пешком», выражаемое глаголами *ходить*, *идти*, *шестьствовать*, входит в ядро концепта движения. На основе динамического анализа словообразовательных гнезд глаголов движения можно проследить

эволюцию фрагмента языковой картины мира русского народа.

Вершины гнезд, глаголы *ити*, *ходить*, *шестьствовать*, обладают максимально обобщенным и стилистически нейтральным номинативным значением ‘передвигаться, ступая ногами’. Существительные *ходъ*, *хоженник*, *шестьвик*, образованные от вершинных глаголов, имеют первичное значение ‘движение’.

Семантика движения конкретизируется с помощью различных формантов, взаимодействующих с производящей основой:

– пространственная конкретизация в префиксальных производных: *вънити* ‘войти’, *възйти* ‘подняться, взойти’, *отъходити* ‘уходить, удаляться’, *подъйти* ‘подойти подо что-л.’, *заходити* ‘заходить, подходить со стороны’, *мимоходити* ‘проходить мимо’, *пришьствовать* ‘прийти, явиться’, *низъйти* ‘сойти вниз, спуститься’ и под.;

– фазовая конкретизация: *зайти* ‘зайти, дойти куда-л.’, *доходити* ‘доходить’, *пойти* ‘пойти (идти)’, *изйти*₂ ‘направиться, пойти куда-л.’ и т. д.;

– обстоятельственная конкретизация в сложных производных и полиплексах: *пѣшьшьствовать* ‘идти пешком’, *прежеизйти* ‘выйти заранее’, *новоприходити* ‘вновь приходить’, *превънити* ‘тайно прийти, проникнуть куда-л.’, *прежепришьдъшиши* ‘пришедший прежде, ранее’ и проч.;

– значение направленности перемещения в пространстве в префиксальных и конфиксальных производных: *сънитис*_А ‘собраться, сойтись’, *сънитис*_Б ‘соединиться’, *снитик*₃ ‘соединение, схождение’, *сходъ*₂ ‘соединение, сочетание’, *сойтис*_А₇ ‘прийти к единому мнению, оказаться единомышленным’, *сънитис*_А₅ ‘прийти к соглашению’, *сънитис*_А ‘вступить в союз’; префикс раз-/рас-, напротив, указывал на отдаление людей друг от друга или распад прежде единых частиц: *разходитис*_А ‘расходиться, разлучаться’, *разитис*_А₂ ‘уйти (откуда-л.)’, *расстаться* с кем-л., *разитис*_А₄ ‘разделиться, расстаться’, *распасться*, *разложиться*, *разитис*_А₆ ‘рассыпаться (тж. перен.)’, *расходитис*_А₄ ‘быть в несогласии, в раздоре’;

– у движения человека могут быть различные цели, и одна из них – завоевание – отражена в следующих лексемах: *ити* ‘выступать против кого-л., нападать’, *пойти*₃ ‘выступить (походом) против кого-л.’, *находити*₄ ‘ходить войной, нападать’, *прийти*₂ ‘напасть, прийти войной’ (отметим также фразеологизм *прийти въ (на) миръ* ‘собраться для заключения мирного договора’), *въйти* ‘пойти на войну’, *въходити* ‘делать вылазку’, *зайти* ‘заслонить, отрезать (о войске)’, *нахоженник* ‘нашествие, вторжение’, *пришьствик*₄ ‘нашествие, нападение’, *наитик*₂ ‘нашествие, нападение’, *выходъ* ‘выступление в военный поход’, *походъ*₂ ‘передвижение войск’ и многих других.

Однако собственно перемещением человека семантика глаголов не исчерпывается, некоторые глаголы обозначают движение неодушевленных объектов, например: *предити* ‘распространяться,

разноситься на далекое расстояние (о звуке), *изходити*₄ 'вырасти, появиться', *въходити* 'втекать, впадать', *приити* 'подступить, надвинуться, налететь', *приходити* 'достигать, доходить (о запахе)', *заити* 'запасть (о глазах)', *ити*₂ 'падать (об осадках)' и 'о летающих, падающих объектах': «И стрѣлющи (м) межи собою. идѣху стрѣлы акы дождь», – Лаврентьевская летопись, 1377 г. (СДРЯ XI–XIV вв., т. IV, с. 179)¹⁵. Отдельно скажем о движении небесных тел, так как эта семантика довольно часто встречается в словах с изучаемыми корнями: *ити*₂ 'двигаться (о небесных светилах)', *възйти* 'появиться над горизонтом (о солнце и светилах)', *заходити*₂ 'закатываться, гаснуть (о небесных светилах)', *входъ*₄ 'восход', *възшьствикъ*₂ 'восход', *прѣходница* 'вечерняя звезда' и др. Одним из предметов, движению которого человек уделяет особое внимание, оказываются деньги, поэтому некоторые слова содержат эту семантику: *поити*₆ 'войти в счет', *приходъ*₃ 'доход, прибыль', *доходъ* 'доход'. Заметим, что слово *расходъ* в древнерусском языке еще не связано с понятием «деньги».

Локализация движения в пространстве предполагает номинацию места, через которое или по которому движение осуществляется (или на которое направлено) – так в изучаемых гнездах появляются существительные *възходъ*₃ 'лестница', *възходьница* 'верхнее помещение, горница', *въходъ*₃ 'вход (место)', *переходъ*₂ 'крытый ход, соединяющий здания, помещения', *прѣходъ* 'переход, место переправы', *изходище* 'исток', 'распутье, перекресток'.

«Обилие глаголов движения в старославянском языке является яркой иллюстрацией выводов историков о том, что "средневековый мир был подвижным: по дорогам передвигались войска, с места на место перебирались артели строителей, крестьяне уходили из дома, спасаясь от податного гнета и жестоких господ"»¹⁶. Данный факт применим и к древнерусскому языку, что подтверждается большим количеством слов с общим значением перемещения с места на место, переселения. Мы рассмотрим их в порядке убывания семантики реального, видимого движения: *переити* 'перебраться, переправиться', *преити*₂ 'переместиться, перейти (откуда-л. куда-л.)', *преходити*₂ 'переходить (с места на место), перемещаться', *объхоженикъ*₂ 'переселение', *прехожденикъ* 'перемещение, переход', *преходьникъ* 'пришелец, переселенец', *прехоженникъ*₂ 'хождение, переход с места на место', *прехоженникъ* 'движение, передвижение, перемещение', *пришьльство*₂ 'переселение, приход, путешествие (образн.)', *перейти*₂ 'перейти; покинув кого-л., что-л., примкнуть к кому-л. другому', *превъзйти*₃ 'выйти за пределы, перейти границы чего-л.'. Подлинную глубину мысли древнерусского человека демонстрируют однокоренные лексемы *преходити* 'переселяться (о душах)', *преходъ* 'переход, переселение в мир иной (о душе)', *прехоженникъ* 'переселение душ',

переносящие движение в иной, потусторонний мир. Также стоит упомянуть одно из значений слова *преити*₆ 'перейти (к чему-л.), приступить (к чему-л. другому)', где движение заключено в перемещении внимания с одной деятельности на другую.

Отметим, что в древнерусском языке выделена большая группа производных, обозначающих движение по кругу: *обиходити*₃ 'совершать круговорот', *обихоженькъ* 'обход, хождение вокруг чего-л.', *обиходъ*₂ 'круговорот, круговращение', *объхоженикъ* 'движение, ход по кругу', *объходити*₂ 'посетить (посещать), обойти (обходить)', *объходъ*₁ 'шествие, обход', *охоженикъ* 'обход', *объходити*₄ 'оказывать, располагаться вокруг'. Вероятно, этому способствовало значение круга как символа цельности, гармонии. Круг олицетворяет саму жизнь: вращение светил, смена дня и ночи, времен года, жизненный цикл растений и животных – все это способствовало развитию особого отношения древнерусского человека к кругу. Пространственное движение по кругу, по дуге было переосмыслено с разной коннотацией: *проходити*₉ 'находить подход; обходиться, обращаться с кем-л. каким-л. образом', *обшьствикъ* 'обращение, обхождение с кем-л.', *преходъ*₇ 'обход, уловка, ухищрение', *снитикъ*₄ 'мн. подходы, уловки, искушения', *объходити*₄ 'перен. обольщать', *преити*₁₃ 'обойти, обмануть': «... яко нѣкто доброразумьнь, предьяня црства и чьстьньня и сановитыя коварьстьньнѣ тако и льстьньнѣ прешьдъ и вся къ собѣ яко же хотяшъ приведеъ, тогда вънутрьнее злообычье износити абие показа», – Выг. сб., 273. XII в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 18, с. 243).

Суровые условия жизни вынуждали средневекового человека отрекаться от скудных земных благ и скитаться в поисках Земли обетованной, искать Господа¹⁷, что нашло отражение в таких словах, как *поутьшьствикъ* 'путешествие, странствие', *поутьшьствовати* 'предпринимать путешествие', *преходъ*₃ 'хождение, странствование', *ошьствикъ* 'уход, удаление (тж. перен.)', *отъхоженикъ* 'уход, удаление', *ошьльць*₁ 'отшельник', *вьити* 'удалиться', *отъходити*₂ 'отказываться от чего-л., оставлять что-л., кого-л.', *ошьствикъ*₂ 'отшельничество', *отъходьникъ* 'отшельник', *отшьльникъ* 'отшельник', *ошьльць*₂ 'тот, кто уходит, отправляется в странствие', *мимоходъ* 'странник, прохожий', *отъходьный* 'отшельнический', *отъходьничьскы* 'как отшельник', *пришьльствовати*₂ 'странствовать (перен.)', *пришьльць* 'странник, скиталец, человек, временно пребывающий на земле (образн.)' и под. В. В. Колесов так комментирует эту особенность сознания средневекового человека: «Уйти, убежать, отстраниться от неприемлемого духовно, выпасть из времени своего с тем, чтобы ощутить другую форму переживания – не во времени, а в пространстве, в движении, которое может хоть отчасти заменить косную материю быта. <...> Странник живет в разлуках, а идею разлуки пред-

ставляют как одну “из самых освоенных в русской культуре эмоциональных областей”, ведь “это идея независимости от человеческой воли. Это весьма характерная русская идея”»¹⁸.

Для того чтобы выполнить какую-либо работу или поручение, человеку необходимо преодолеть определенное расстояние – видимо, эта связь работы с дорогой определила появление таких значений, как *ити*₅ ‘поступать куда-л., приступать к какой-л. деятельности’, *отъходити*² ‘отработать (условный срок)’, *прийти*₈ ‘приступить к чему-л., заняться чем-л.’, *доходити годъ* – отработать срок, *приходити* ‘приходить с подношением, данью, доставлять подать’, *прехоженик* ‘смена места пребывания, службы’, *преходъникъ*₂ ‘периодвт, священнослужитель, посылаемый епископом для обхода сельских церковных округов’, *обиходъникъ* ‘должностное лицо, наблюдающее за церковным округом’.

Зачастую перемещение человека в пространстве было сопряжено с определенной опасностью, поскольку «со словом *путь* связано обозначение не просто пространства, но еще и некоего труда, необходимого преодоления такого пространства, и опасности движения по нему. Переход через враждебную местность и связанное с этим преодоление, а не простое шествие по дороге: путешестве. Выйдя за пределы родного племени, путник встречал всевозможные лишения и беды»¹⁹. Представляется, что в общем понятие движения можно включать и отсутствие потенциального движения, и его невозможность.

В изучаемых гнездах встречается немало дериватов, выражающих семантику неподвижности или труднопроходимости: *невъзхоженък* ‘невозможность прохождения, переправы’, *непошестик* ‘неподвижность’, *неоудобъпроходимыи* ‘труднопроходимый’, *невъходимыи* ‘такой, в который невозможно войти’, *непроходимыи* ‘непроходимый, труднодоступный’, *нешествованыи* ‘труднопроходимый’ и т. п. Выделим лексему *невъзходимыи*, которая выражает переносное значение ‘священный, заповедный’, образованное путем метафоризации семантики труднодоступности. Слово *непреходъныи* ‘непроходимый, непреодолимый’ употребляется и в прямом, и в переносном значении: «*и придетъ на вы кже непреходнокъ паденью*», – ФСт, XIV в. (СДРЯ XI–XIV вв., т. V, с. 339). «Движение рассматривалось и в нравственной плоскости, и в этом смысле оно оказывалось связанным с душой человека. Возможно, что именно поэтому медлительность человека расценивалась как леность и равнодушные»²⁰. Сказанное о носителях старославянского языка справедливо и для жителей Древней Руси, поскольку в гнездо -шед- в период XI–XIV вв. входят слова *непошествовънъ* ‘не имеющий стремления к чему-л.’ и *нешествовънныи* ‘не имеющий свойства двигаться, развиваться в сторону чего-л.’, в которых отсутствие физических движений осмысливается как духовная неготовность к ним.

Видимое, реальное движение, скорее всего, в праславянском языке было метафорически переосмыслено, поэтому уже в древнерусском языке одной из самых частотных и устойчивых становится семантика движения времени. В каждом изучаемом гнезде отмечены слова с подобной семантикой: *ити* ‘начинаться (о времени)’, *въходити*₄ ‘приходить, наступать (о времени)’, *выити*₄ ‘пройти, истечь (о времени)’, *переходити*₂ ‘превысить временной предел, пробыть большее количество времени’, *мимошествовати* ‘миновать, проходить (о времени)’, *изити*₇ ‘пройти, истечь (о времени)’, *преити*₁₁ ‘пройти, миновать, закончиться’, *прешествикъ*₄ ‘прошествие, истечение (о времени)’, *мимоходство* ‘то, что является преходящим, временным’, *преходъ*₆ ‘прохождение, истечение (времени)’ и многие другие. Семантика неподвижности, рассмотренная ранее, соединяется с движением времени в лексемах *незаходимыи* ‘немеркнувший, постоянный’, *непреходимыи* ‘непреходящий, вечный’ и *непреходящии* с аналогичным значением. Они отражают вечность и незабываемость символов христианской веры (к примеру, небесного царства).

«Путь – это ход, движение и, следовательно, не обязательно по реальной дороге»²¹.

В ход времени включена и человеческая жизнь, поэтому онтологические понятия реализуются в большом количестве дериватов с изучаемыми корнями, имеющих значение начала, течения и окончания земной жизни, ее быстротечности: *отъходити* ‘умирать’, *отъити*₂ ‘умереть’, *доити*₃ ‘дожить до чего-л., приблизиться к чему-л.’, *походити* ‘совершить жизненный путь’, *произыти* ‘произойти, родиться’, *преходити*₇ ‘проводить, проживать (какое-л. время, жизнь)’, *проити*₁₅ ‘появиться, родиться’, *походити*₃ ‘пребывать, находиться’, *прежеотъшьдьшии* ‘ранее, прежде умерший’, *прешествикъ* ‘уход (из земной жизни)’, *изходъ*₂ ‘кончина, смерть’, *пришьльствикъ* ‘бренное существование, временная жизнь на земле’, *преходънъ* ‘перешедший зрелый возраст, старый’.

Также можно отметить большое количество устойчивых словосочетаний с подобной семантикой, например, *ошьствие къ господоу* – смерть, *приходити въ миръ* – родиться, *изходити отъ телесе* – умирать, *соудъ отъ бога пришьль* – о наступлении кончины, смерти, *изити изъ (отъ) житица (мира, свѣта) сего* – умереть, *отъходити живота сего* – умирать, *поити въ землю* – стать прахом, *сънити въ гробъ* – умереть. Некоторые лексемы обозначают тот или иной этап «жизни» предмета, явления, события, процесса: *приити*₃ ‘возникнуть, появиться’ (букв. прийти из небытия), *мимоити*₃ ‘пройти, исчезнуть, прекратить существование’, *произыти*₂ ‘возникнуть, образоваться из чего-л.’, *проити*₁₄ ‘исчезнуть, прекратиться, перестать существовать’, *подъити*₃ ‘совершиться, произойти’, *поити*₈ ‘произойти, начаться’, *отъити*₅ ‘исчезнуть, кончиться’, *разитисъ*₇ ‘прекратиться’, *пришьствикъ*₇ ‘присутствие,

наличие', *ошьствиѣ*₃ 'отсутствие', *прошьлок* (прил. в знач. сущ.) 'то, что прошло', *изходити* 'возникать, происходить, проистекать': «*о (т) печали бо исходити смръть*», – Пр. 1383 г. (СДРЯ XI–XIV вв., т. IV, с. 121). Уместно в рамках данной группы проанализировать глагол *поити* в седьмом значении '(безл.) быть в обычае, повестись' и его производные. Буквально значение глагола можно истолковать как 'то, что пошло, повелось' (семантика движения во времени довольно отчетлива). От данного глагола образовалось прилагательное *пошьльи* 'издавна принадлежащий', далее прилагательное породило субстантив *пошьлина*₁ 'исконный обычай, правило'. Указанные процессы протекали с середины XIII в. – именно тогда глагол *поити* впервые появился в письменном памятнике в значении '(безл.) быть в обычае, повестись', все производные внутри его парадигмы отмечаются в более поздних памятниках. А в XIV в. слово *пошьлина* приобретает значение 'налог, пошлина', и от этой лексемы образуется лексема *пошьлиньникъ* 'сборщик подати, пошлины', т. е. семантическая связь с движением в этой группе дериватов была утрачена уже на древнерусском этапе.

Еще один крупный семантический пласт в изучаемых гнездах связан с «движением» человека или предмета от одного собственника к другому, в том числе под влиянием силы. Эта семантика отражена в словах *поити*₅ 'отойти, перейти в чье-л. владение', *вънити*₃ 'войти в состав, быть причисленным', *переити*₄ 'поступить в собственность кого-л. другого', *отъходити*₃ 'переходить, передаваться', *заити*₅ 'остаться во владении', *преити*₅ 'перейти (к кому-л. другому), достаться (кому-л. от кого-л.)', *отъити*₃ 'перейти во владение, отойти', *заити*₃ 'перейти во владение', *приходити*₈ 'принадлежать, причитаться', *приходъ*₄ 'доступ, право доступа, использования', *преходити*₄ 'переходить, передаваться от кого-л. к кому-л., становиться достоянием кого-л.', *приходьныи*₂ 'принадлежащий', *приходьныи*₄ 'прилегающий, относящийся к какому-л. месту', *непошьльи* 'не принадлежащий издавна', *поити въ воли* – повиноваться кому-л. В данное понятие входят действия (закономерно сопряженные с движением) самого экспроприатора: *заити*₄ 'завладеть', *наити*₅ 'завоевать что-л., добыть', *нахожениѣ*₂ 'отнятие, присвоение' и т. д.

Особый интерес вызывает следующая группа слов: *доходити*₂ 'простирается, достигать', *преходити*₉ 'превышать, превосходить', *пришьствовати*₃ 'доходить (до каких-л. пределов), простирается', *преходити*₇ 'располагаться, находиться'. Данные лексемы обозначают неподвижные неодушевленные объекты. Однако эти объекты обладают такими габаритами, словно идут из одного места в другое. В рамках данной группы мы хотели бы рассмотреть ЛСВ *превъзходити*₁ 'превышать в количественном отношении, выходить за пределы (чего-л.)' и *превъзходити*₂ 'увеличиваться, расширяться' ввиду их семан-

тики, которая на древнерусском этапе развития языка еще привязана к физическим характеристикам предметов, что подтверждает перфектив *превъзити*₁ 'оказаться выше (чего-л.)', *превысити* (что-л.): «*не можетъ прѣвъзити вышнѣааго нѣа ни началъ ни власти прѣвити*», – КЕ XII в., 253б (СДРЯ XI–XIV вв., т. VIII, с. 41). Несмотря на символический, иносказательный контекст, действие является вполне реальным. Отдельного слова заслуживает прилагательное *преходьнии* 'находящийся по ту сторону (моря), такой, к которому надо ехать' – буквально это слово означает значительную удаленность места и необходимость долгого пути к нему.

Движение мысли, мыслительные процессы представлены в семантике следующих слов и устойчивых выражений: *доити* 'постигнуть, устоять до смысла', *изшьствовати* 'прийти к чему-л., понять, осознать', *заходити* 'склоняться к чему-л.', *преходити*₅ 'оставив что-л. одно, переходить к чему-л. другому (перен.)', *проити*₇ 'воспринять, проникнуться', *проходити*₆ 'постигать, изучать', *внити в сѧ* – вдуматься, поразмыслить, *отъходити оумѧ* – становиться безумным, *приити в оумѧ (разоумѧ, чоувство)* – образумиться, опомниться, *расходити сѧ*₈ 'пребывать в смятении, колебаниях': «*Съмятесе сердце мое и мысль моя въ мнѣ расхожашесе*», – (Откр. Авр.) П. отреч. I, 34, XIV в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 22, с. 104).

Близка ментальному движению и тема изменения состояний человека, общего духовного настроения, подвижного, непостоянного: *доходити*₃ 'приходить в какое-л. состояние', *заити* 'впасть в какое-л. состояние', *наити*₆ 'охватить кого-л., овладеть кем-л. (перен.)', *обиити*₃ 'объять, охватить', *преходити*₆ 'переходить в какое-л. состояние', *прехоженниѣ*₃ 'переход в какое-л. состояние', *приити*₉ 'достигнуть какого-л. состояния', *приходити* 'настигать, поражать (перен.)', *пришьствиѣ*₆ 'вступление (в какое-л. состояние)', *преходъ*₅ 'переход в какое-л. состояние', *приити въ (что-л.)* – прийти в какое-л. состояние, проникнуться каким-л. чувством и др. Смена внутренних состояний переосмысливается как трансформация качеств, как в семантике слова *преходити* 'изменяться, превращаться': «*Бѣ подобень псоу и вслати лоукавыи мижь, аще и бгатъ ксть, лоукавство бо кго на немощь преходитъ, аще и пицею росѧдеть сѧ*», – Пч. Н. XV в. (1), 4 (СДРЯ XI–XIV вв., т. VIII, с. 328).

Движение святой силы – тема, которая сформировалась и прочно закрепилась в XI–XIV вв. Семантику перемещения Бога, Святого Духа в древнерусском языке выражают девять лексем с корнями -ид-, -ход- и -шед-: *сходъ*₂ 'сошествие, нисхождение (о Боге)', *пришьствиѣ*₃ 'сошествие, наитие (о Св. Духе)', *снитикъ* 'схождение, сошествие', *прихожениѣ* 'пришествие, явление', *приходъ* 'пришествие, явление', *отъходъ*₂ 'излияние, истечение (перен.)', *изхожениѣ* 'исторжение, излучение, эманирование', *приходити* 'быть нис-

посланным свыше', *пришьствиѣ*₂ 'пришествие, явление (о Христе)'. Также можно отметить сохранившийся до наших дней фразеологизм *въторокъ пришьствиѣ* – Страшный суд.

Другая интересная метафора движения представляет нам человека как социальное существо, поскольку отражает изменение его социального статуса, т. е. вертикальную мобильность: *възходити*₆ 'вступать в должность, сан', *приити* 'вступить куда-л., в число кого-л.', *выити* 'уйти, удалиться, отказавшись от княжения, места', *приити въ мнѣшиѣскыи (причьтъскыи) чинъ* – стать монахом (причетником), *поити въ чърницѣ* – принять монашество, стать монахиней, *сънити съ царствія* – оставить престол, *поити на столъ* – занять престол. Положительную коннотацию принятия духовного сана можно отметить в слове *възходити*₆, если учитывать номинативное значение этого глагола и значение приставки *въз-*. Здесь же уместно вспомнить и о другом важном факторе, влияющем на статус человека, – браке. Лексемы подобной тематики с изучаемыми корнями соотносятся с концептом 'движение', так как молодожены сближаются в пространстве, невеста перемещается в дом жениха, а в случае беды может в прямом и переносном смысле пойти за мужа, укрыться за ним или последовать за ним в другие края. Данная сторона жизни древнерусского человека отражена в словах *поити за* (кого-л.), *приити за* (кого-л.) – 'выйти замуж за кого-л.', *отъити*₄ 'расторгнуть брак', *сънитисѣ*₇ 'вступить в брачные отношения', *сойтисѣ*₅ 'сочетаться браком, вступить в половые отношения', *разитисѣ*₈ 'о прекращении совместной жизни супругов'.

Просьба – выражение воли человека, своеобразное движение его души, направленное на других людей. Жители Древней Руси обращались с просьбами друг к другу, к Богу, к правителю, к обидчику, обращались сами и через посредников, поэтому можно выделить немало слов с изучаемыми корнями, содержащих семантику просьбы или заступничества: *ходатаиствова-ти*₁ 'просить, испрашивать'; 'посредствовать', *ходатаи* 'проситель, молитвенник'; 'посредник'; 'пособник'; 'помощник'; 'посол', *ходатаица* 'содействующая, способствующая', *изходатаити* 'исходатаивать, способствовать (своим посредством) получению чего-л.', *находити*₅ 'требовать, обращаться с претензией', *пришьствиѣ* 'передача греч. прошение, петиция', *преизходьникъ* 'то же, что *изходатаи*' и т. д. Примечательно, что вторичное значение глагола *изходатити*₂ 'навлечь на себя': «*ω (т) далечнаго въврати (т) тѣ затыченья, еже самъ себѣ изходатаилъ еси*», – ЖВИ XIV–XV вв., 88а (СДРЯ XI–XIV вв., т. 4, с. 119). То есть просьбы человек не выражает, но своими словами и делами заслуживает наказания, словно просит о нем.

Говоря о поведении, достойном небесной кары, не можем не упомянуть о движении чело-

века к добродетели, о его желании вести праведную, угодную Богу жизнь. Подобная семантика отражена в словах *правоходити* 'следовать путем, ведущим к истине', *высокоходити* 'придерживаться высоких нравов', *предити* 'перен. совершенствоваться', *снити*₂ 'снисхождение, милосердие' и т. д. Выбор формантов в приведенных глаголах неслучаен: слова с корнем *прав-*, *высок-*, *пред-* (вперед) традиционно содержат положительную коннотацию.

В результате проведенного исследования можно утверждать, что рассмотрение гнезд с корнями *-ид-*, *-ход-*, *-шед-* позволяет воссоздать кинетический фрагмент языковой картины мира, составить определенное представление о делах и мыслях, о ценностях и идеалах древнерусского человека.

Движение уже в древнерусском языке представляется не просто как перемещение по поверхности, но отражает всю сложность существования человека в окружающем мире. Это движение в пространстве, во времени, в социуме, движение мысли и духа.

Примечания

- 1 См.: Кубрякова Е. Начальные этапы становления когнитивизма : лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопр. языкознания. 1994. № 4. С. 3–15 ; *Ее же*. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004 ; *Ее же*. О когнитивных основаниях словообразования // Актуальные проблемы современного словообразования : материалы Междунар. науч. конф. / под общ. ред. Л. А. Араевой. Кемерово, 2009. С. 15–19 ; *Осадчий М.* Пропозиционально-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов : на материале русских народных говоров : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007 ; *Его же*. Гнездо однокоренных слов как динамический фрейм // Актуальные проблемы современного словообразования... Кемерово, 2009. С. 184–190 ; *Крючкова О.* Семантико-когнитивный анализ словообразовательных гнезд с этимологическим корнем **vold-* // Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка / под ред. О. Дмитриевой. Саратов, 2010. С. 64–86 ; *Евсеева И.* Фреймовая организация комплексных единиц словообразовательной системы // Вестн. ИГЛУ. 2011. № 4 (16). С. 163–172 ; *Образцова М.* Когнитивно-дискурсивное описание гнезда однокоренных слов (на материале пчеловодческой лексики русских народных говоров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013.
- 2 Кубрякова Е. Язык и знание : На пути получения знаний о языке... С. 407.
- 3 *Осадчий М.* Гнездо однокоренных слов как динамический фрейм. С. 186.
- 4 См.: *Евсеева И.* Фреймовая организация комплексных единиц словообразовательной системы.
- 5 См.: *Евсеева И.* Когнитивное моделирование словообразовательной системы русского языка (на материале

- комплексных единиц) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2011.
- ⁶ Плунгян В. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях (обзор) // Семантика и информатика : сб. науч. ст. М., 1998. Вып. 36. С. 355.
- ⁷ Концепт движения в языке и культуре / отв. ред. Т. Агапкина. М., 1996. С. 6.
- ⁸ См.: Вендина Т. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002; Никитина И. Способы репрезентации концепта «движение» в разноструктурных языках : дис. ... д-ра филол. наук. Чебоксары, 2010.
- ⁹ Пелихов Д. Эволюция корневых словообразовательных гнезд *vгас-, *les-, *sel- в истории русского языка в сопоставлении с украинским и белорусским : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009. С. 3.
- ¹⁰ Вендина Т. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998. С. 8–9.
- ¹¹ Там же. С. 12.
- ¹² См.: Власова К. Словообразовательные гнезда молодой – старый в русском языке : Опыт разноаспектного сопоставительного анализа : дис. ... канд. филол. наук. Арзамас, 2002; Пелихов Д. Указ. соч.; Байдак А. Анализ словообразовательного гнезда как один из приемов исследования концепта ‘смерть’ в селькупском языке // Вестн. ТГПУ. 2010. № 7 (97). С. 133–137; Евтушенко О. Художественная речь как инструмент познания. М., 2010; Кыртеле А. Макроединицы словообразования как формы языковой объективации концепта (на материале словообразовательных гнезд и словообразовательной категории со значением женскости в русском языке) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010; Климкова Л. Русское словообразовательное гнездо как система компонентов // Русский язык : система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы) : сб. материалов V Междунар. науч. конф. (Минск, 11–12 октября 2011 г.) / редкол. : И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2011. С. 213–216; Некрасова Д. Словообразовательное гнездо как средство вербализации концепта : лингводидактический и лингвокогнитивный аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (49) : в 2 ч. Ч. II. С. 121–124.
- ¹³ Вендина Т. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. С. 94.
- ¹⁴ Колесов В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2007. С. 64.
- ¹⁵ В статье используются данные следующих словарей с принятыми в них сокращениями названий памятников и их датировкой: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / гл. ред. Р. М. Аванесов. М., 1988–2000 – (СДРЯ XI–XIV вв.) ; Словарь русского языка (XI–XVII вв.) : в 29 т. / гл. ред. Р. М. Аванесов. М., 1975–2008 – (СлРЯ XI–XVII вв.); далее указываются том (выпуск) и страница цитаты памятника.
- ¹⁶ Вендина Т. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. С. 101.
- ¹⁷ Там же. С. 106–107.
- ¹⁸ Колесов В. Указ. соч. С. 198.
- ¹⁹ Там же. С. 265–266.
- ²⁰ Вендина Т. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. С. 101.
- ²¹ Колесов В. Указ. соч. С. 266.

Образец для цитирования:

Янковский О. И. Словообразовательное гнездо как способ вербализации концепта движения (на материале древнерусских гнезд с корнями -ид-, -ход-, -шед-) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 158–164. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-158-164.

Cite this article as:

Yankovsky O. I. Word-formation Family as a Means of Actualizing the Concept of Movement (on the Material of the Old Russian Families with the Roots -id-, -khod-, -shed-). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 158–164 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-158-164.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1'0.09-31

МОТИВ НЕБЕСНОГО ЗАСТУПНИЧЕСТВА В ДРЕВНЕРУССКИХ ВОИНСКИХ ПОВЕСТЯХ XV ВЕКА

С. С. Александров

Александров Сергей Сергеевич, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sereza-1988@mail.ru

В статье анализируются формы небесного заступничества, а также способы их введения в текст воинских повестей, указываются функции божественного вмешательства, как сюжетные, так и внесюжетные.

Ключевые слова: воинская повесть, мотив, небесное заступничество, божественное вмешательство, знамение, чудо от иконы.

The Motive of Divine Intercession in Old Russian Military Novels of the XVth Century

S. S. Aleksandrov

Sergey S. Aleksandrov, ORCID 0000-0001-7766-5447, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, sereza-1988@mail.ru

The article analyzes the forms of divine intercession as well as the means of their integration in the text of the military novels; the functions of divine intervention are indicated, both within and without the plot.

Key words: military novel, motive, divine intercession, divine intervention, precursor, miracle from an icon.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-165-169

Мотив небесного заступничества (помощи свыше, божественного вмешательства) является характерной особенностью поэтики древнерусских литературных памятников в целом и воинской повести в частности. Применительно к произведениям о победах и поражениях русских воинов на этот аспект указал А. С. Орлов, называя объекты своего рассмотрения произведениями «с элементом заступничества божественной силы»¹. Эти произведения ученый делит на два вида:

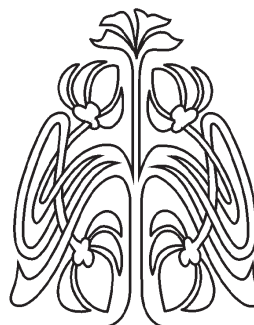
– сосредоточение повествования «вокруг истории той или другой святыни»;

– «собственно воинская повесть с одним чудесным эпизодом в рассказе»².

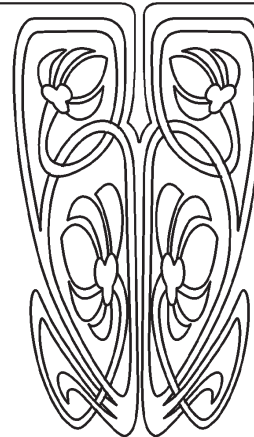
Следовательно, божественное вмешательство служит для исследователя основанием для деления повестей на группы.

Обратимся к двум произведениям: «Повести о нашествии Тохтамыша» и «Повести о Темир-Асаке». Они близки друг другу и хронологически (появились в начале XV столетия, а повествуют о недавнем прошлом), и тематически (рассказывают о вторжении на Русь иноземных захватчиков: Тохтамыша и Тамерлана).

Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву существует в двух вариантах: кратком («Повесть о московском взятии от царя Тохтамыша») и пространном («Повесть о московском взятии от царя Тохтамыша и о пленении русской земли»). Литературная история этого памятника представляет собою своего рода детектив без развязки. В трудах исследователей нет единой точки зрения относительно первоисточника данной повести. И все же с большой долей уверенности можно сказать, что

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

сначала был создан краткий вариант, затем пространственный. Возникает закономерный вопрос: является ли это произведение самостоятельным или входит в состав летописи? Большинство ученых (Д. С. Лихачев, Н. М. Тихомиров, М. А. Салмина, Б. Н. Путилов) придерживаются мнения, что если оно дошло до нас в составе летописей, значит, это произведение не обладает самостоятельностью. Например, Н. М. Тихомиров пишет: «...она [повесть] не является в полном смысле оригинальной, а представляет собою расширенный и дополненный свод двух более ранних повестей, в свою очередь, резко отличающихся друг от друга»³. Сходную мысль высказывает и Д. С. Лихачев: «...отдельной повести о нашествии Тохтамыша не существовало, и летописцы, описывавшие события 1382 г., не выходили за пределы обычных приемов своей работы, а отчасти и общей направленности изложения»⁴. Однако есть и иная точка зрения по этому вопросу. Л. А. Дмитриев предположил: «Хотя краткая и пространная редакции летописной повести о нашествии Тохтамыша на Москву дошла до нас только в составе летописей, возможно, что первоначально составлялась как самостоятельное произведение и в состав летописей была включена позже – в сокращенном виде в свод 1408 г. и в полном – в свод 1448 г.»⁵. Подобное предположение дает возможность рассмотреть этот памятник как самостоятельное художественное произведение, разумеется, принимая во внимание его летописные особенности.

Следует констатировать, что «Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву» не обошли вниманием авторы соответствующих глав и разделов академических «Историй русской литературы». С. К. Шамбинаго, Б. Н. Путилов и Л. А. Дмитриев, обобщая суждения и наблюдения своих предшественников над поэтикой этого произведения, сосредотачивают внимание на следующих вопросах: жанровое своеобразие, проблема героя, традиции и новаторство.

Относительно жанра Н. И. Тютубалин замечает: «Повесть выдержана в духе исторических сказаний. Она написана, очевидно, лицом духовного звания. Об этом свидетельствуют и прекрасные описания разорения церквей, подкрепленные библейским изречением, сетованием автора на то, что “святыя места погании оскверниша”»⁶. Есть у исследователя и второй аргумент в защиту своего предположения: «...выдвижение Остея героем повести дает основание предполагать, что эта ее редакция вышла из недр канцелярии митрополита Киприана, известного своей ориентацией на Литву»⁷. С. К. Шамбинаго указывает на оригинальность этого произведения: «Повесть о Тохтамыше уникальна в русской литературе, сама никому не подражала. Ее оригинальность подчеркивают два весьма показательных мотива»⁸. Эти мотивы таковы:

– выдвижение на первый план гостей-купцов: сурожан, суконников;

– искусный выстрел «суконника» Адама, позавивший татарского вельможу⁹.

Однако вывод, который делает С. К. Шамбинаго, противоположен выводу Н. И. Тютубалина в вопросе принадлежности автора к духовенству: «Эти особенности Повести о Тохтамыше вызывают предположения, что произведение вышло не из официальной или митрополичьей канцелярии, но появилось в среде торговой, понимавшей значение гибели городского богатства – “казны”»¹⁰. Противоречия эти до сих пор не сняты. Однозначно ответить на этот вопрос трудно, однако исследователи все же склоняются к тому, что более светский характер имеет краткая редакция, церковный – пространная.

Ценное наблюдение над проблемой героя делает Б. Н. Путилов. Он пишет: «В “Повести о Тохтамыше” нет индивидуального героя, который находился в центре повествования. Ее герои – простые люди, городские низы, “сурожане”, “суконники” и “прочие купцы”, которые должны были взять в свои руки оборону Москвы, после того как великий князь Дмитрий Иванович покинул город, не получив в своих попытках организовать отпор врагу поддержки от других князей: “они не хотяху помогати”, забыли, что надо жить “друг другу пособляя и брат брату помогая”»¹¹. Данное обстоятельство весьма необычно для воинских повестей в целом. В этом произведении, конечно, есть герои-князья, но великий князь Дмитрий Иванович – далеко не главное действующее лицо повествования, а эпизод с участием князя Владимира мы рассмотрим чуть ниже.

Подступы к осмыслению мотива божественного заступничества в воинской повести были обозначены С. К. Шамбинаго: «Вступлением к повести <...> служит указание на появление “хвостатой звезды” “аки копейным образом”, знаменующем “злое пришествие Тохтамышьево”»¹². Нам все же думается, что характеризовать описание знамения как «вступление» не совсем точно, поскольку перед нами не произведение ораторского красноречия, а памятник повествовательной природы. Следовательно, это описание можно соотнести с *завязкой*, содержащей в себе беллетристический элемент и задающей тон высокохудожественной изобразительности, которую отмечают все исследователи этого произведения. А его функция может быть определена как *предупреждение о грозящей опасности*. Приведем это описание целиком: «Бысть нѣкое проявление по многы нощи: являшеся таково знамение на небеси на Востоцѣ пред раннею зарею – звѣзда нѣкаа, аки хвоста и аки копейнымъ образомъ, овогда же въ вечерней зари овогда же утренней <...> Се же знамение проявляше злое пришествие Тохтамышьево на Рускую землю»¹³. В этом произведении мы встречаемся с такой формой проявления небесного заступничества, как *предзнаменование (предупреждение) беды*. Однако дальнейшие события трагичны: татары

добрались до Москвы и взяли город хитростью, хотя русские без боя не сдались: «...и идяху стрѣлы <...> аки дождева тучя» (196).

Есть и второй эпизод, связанный с небесным заступничеством. Князь Владимир Андреевич (брат Дмитрия Ивановича), как сказано в повести, «...стояще оплчився близъ Волока събравъ силу около себе. И неции от татаръ не вѣдуше его ни знающе его наехаша на нь. Он же о бозѣ укрѣпився и удари на нихъ и тако милостию божию овых уби, а иных живых пойма, а инии побѣгоша и прибѣжаша к царю, повѣдаша ему бывшее. Он же с того попудися и оттолѣ начать помалу поступати от града» (204). Судьба Олега Ивановича, князя Рязанского, «Иуды-предателя», сложилась печально. Он был вынужден бежать, а его землю Рязанскую захватили и разорили. В этом фрагменте для нас важно, что князь «о бозѣ укрепився». То есть оружием князя является не столько меч, сколько вера. Это особенно заметно, если принять во внимание, что в арсенале врага имеются меч и огонь, на что автор указывает неоднократно. Таким образом, боевой конфликт переводится в сферу трансцендентного. Победа и физическая, и моральная за тем, в чьем сердце Бог.

Несмотря на весь трагизм, в повести звучат нотки надежды: Тохтамыш отправляет в Москву посла по имени Карач, а Дмитрий Иванович велит ставить дворы и отстраивать город.

Интерес читателей и исследователей к «Повести о Темир-Асаке» объясняется, по мнению И. Д. Жучковой, ее жанровым своеобразием, ведь, с одной стороны, перед нами «воинская повесть (что и дает нам возможность обращения к этому произведению), рассказывающая о первой победе русских войск после страшного Тохтамышева разорения», и «сказание о чуде иконы Владимирской богоматери, спасшей столицу русского государства от нашествия жестокого азиатского завоевателя Тимура»¹⁴ – с другой.

«Повесть о Темир-Асаке» была создана в самом начале XV в., в 1402–1408 гг. Композиционно она членится на две части: «Первая часть – легендарная биография Темир-Асака и его завоевания; вторая часть – выступление в поход Василия Дмитриевича, перенесение иконы Владимирской богоматери, ее “сретение” и “чудо от иконы”»¹⁵.

Исследователи (С. К. Шамбинаго, Б. Н. Путилов, В. П. Гребенюк и др.) отмечали наличие «чуда от иконы» в памятнике, однако роль этого эпизода сводилась либо к проявлениям средневекового мировоззрения, либо к выражению идеи «патроната и богоизбранности русской земли»¹⁶ и легитимности власти московского князя. Например, Б. Н. Путилов отмечает: «...вторая часть повести, рассказывающая о неожиданном избавлении Руси от опустошительного нашествия, содержит важную и новую для того времени оценку московской великокняжеской

власти как освященной “свыше”, пользующейся божьим покровительством, и потому морально высокой, справедливой и законной. Эта власть воплощена в князе Василии Дмитриевиче, который противостоит Темир-Асаку как тип государственного деятеля. В связи с этим кругом идей в повесть включен рассказ о “чуде от иконы”. В момент прихода татар происходит перенесение из Владимира в Москву главной церковной святыни – иконы Богородицы. Тем самым еще более подчеркивается роль Москвы как нового политического и религиозного центра Руси»¹⁷.

Относительно провиденциализма Н. И. Тотубалин пишет: «После двухнедельной остановки из пределов Рязанского княжества он [Темир-Асак] неожиданно повернул обратно и ушел в приазовские степи. Это радостное для Руси событие, как раз совпавшее по времени с перенесением иконы из Владимира в Москву, и послужило основанием для создания повести о чудесном избавлении от нашествия Темир-Асака. Реальные причины, заставившие монгольского завоевателя отказаться от похода на Русь, в полной мере не выяснены до сих пор. Тем более они были непонятны автору повести. Поэтому в соответствии с религиозными воззрениями своего времени он связал их с вмешательством божественной силы»¹⁸.

Однако за пределами исследовательского внимания остается осмысление проявлений божественного вмешательства как «явлений художественного порядка»¹⁹, на чем мы и сосредоточимся. Прежде всего, нас интересуют два аспекта: сюжетные функции и способы введения небесного заступничества в текст повести. Способы «появления» чудес следующие: мотив действительности молитвы, авторский комментарий, констатация факта свершившегося и библейская аналогия.

Рассматривая их в сюжетной последовательности, отметим:

– *мотив действительности молитвы*: «Заступниче нашъ Господь, да не речеть: “Гдѣ есть Богъ ихъ?” – ты бо еси Богъ нашъ, иже гордымъ противляся! Стани, Господи, в помощь рабомъ твоимъ, на смиренныя своя рабы призри! Не попусти, Господи, сему оканному врагу поносити нас, твоя бо держава неприкладна и цесарство твое нерушимо! Слыши словеса варвара сего, избави насъ и град нашъ от аканнаго и безбожнаго цесаря Темиръ Аксака»²⁰ (234). На этот будто бы риторический вопрос взывающего к небу повествователя следует ответ: неприятель “убояся и устрашися, и ужашеся и смятеся”, и “нападе на нь страх и трепет”, и поворачивает назад»²¹;

– *авторская интерпретация описываемых событий, констатация факта свершившегося чуда*: «Тако Божию благодатию неизреченныя милости, молитвами святыя Богородица, град нашъ Москва цѣль и сохраненъ бысть, а Темиръ Аксакъ царь возвратися въспять, поиде въ свою землю. Оле преславное чудо! О превеликое удивление! О многое милосердие к роду кре-

стьяньскому! Въ который день принесена бысть икона пречистыя Богородица из Володимеря на Москву, и в той день Тимирь Аксакъ царь убоясь и устрашися, и ужасеся, и смятеся, и нападе на нь страх и трепеть, вниде страх въ сердце его и ужась в душу его, вниде трепеть в кости его, и скоро отвержеся и охаби воевати Руские земли, и въсхитишася быстрые путнаго шествия, и скорѣе *грядяху* к ордѣ, а к Руси тыль опоказующи, и *обратися* съ сродници своими въсвоися; *возвратишася* безо успѣха, възмятошася и въсколебашася, аки нѣкими гоними быша. Не мы бо их гонихомъ, но Богъ прогони изъ невидимую силою своею и пречистыя его Матери, скорыя заступници наша въ бѣдахъ <...>» (238). В этом эпизоде нам важно, что чудо предстает перед читателем не только как часть христианско-религиозного миропонимания, но и как «превеликое удивление», особенно если учесть, что сила Господа – это «невидимая сила», по выражению автора. Поскольку это центральный эпизод повести без сражения, выскажем предположение, что «чудо от иконы» проявляет себя в кульминационном моменте действия произведения;

– *библейская аналогия*: «Якоже древле при Езикѣиле цари и при Исаии пророцѣ Сенахиримъ, царь асурійский, прииде на Ерусалимъ ратью, зѣло похваляся в гордости велицѣ и на Бога вседержителя хулныя глаголы възмушася; царь же Езикѣиль тогда боляще, но аще боленъ бѣ, помолится къ Богу со слезами, *купно* съ пророкомъ Исаиемъ и со всѣми людми – услыша Богъ молитву ихъ, паче же Давыда ради угодника своего, посла Богъ ангела своего, мню великого архангела Михаила, абие в ту ночь ангель Господень уби от полка асурійска 100 и 80 и 5 тысяч; наутреи же въсташа, обрѣтоша мертва трупия лежаща; царь же асурійский Сенахиримъ убоясь зѣло и устрашися, со останочными своими вой скоро отбѣжа въ Ниневгию град и тамо от своихъ детей убьень бысть и умре» (238). Как пишет В. П. Гребенюк, «само нашествие Темир-Асака сравнивается с библейской историей о нашествии царя Ассирийского на Иерусалим, таким образом, борьба с Темир-Асаком получает вечный, вневременный смысл»²². Аналогия сопрягается с современностью: «...не наши воеводы прогнаша Темир Аксака, не наши воинства пострашили его, но силою невидимую нападе на нь страх и трепеть, страхомъ Божимъ устрашился гнѣвомъ Божимъ гонимъ бѣ, подшався и отиде от Руския земля, отступивъ поиде прочь отнюду же прииде, земли Русѣй отнюду же не прикоснуся, ни оскорби, ни остужи, ни вреди ея, не поиде безъ врата. Мы же въстахомъ и прости быхомъ, онъ же заиде исчезе; мы ожихомъ и прости быхомъ, помощь наша *от Господа*, сотворшаго небо и землю» (240). На наш взгляд, этот эпизод не является сюжетным витком, будучи своеобразным авторским «послесловием» к рассказанной

истории, которое позволяет повествователю еще раз высказать свое отношение к описываемому и дает возможность быть убедительнее в расстановке акцентов в произведении.

Таким образом, мотив небесного заступничества проявляет себя в сюжетном движении повествования: в первом случае («Повесть о нашествии Тохтамыша») эпизод, его содержащий, можно соотносить с завязкой, во втором – с кульминационным моментом действия («Повесть о Темир-Асаке»). Формы его реализации – знамение и «чудо от иконы». Нельзя не отметить, что этот мотив может служить средством выражения авторской позиции. В этом случае он включается в текст при помощи библейской аналогии.

Примечания

- ¹ Орлов А. Об особенностях формы русских воинских повестей М., 1902. С. 4.
- ² Там же. С. 5, 6.
- ³ Тихомиров М. Древняя Москва. М., 1947. С. 192.
- ⁴ Лихачев Д. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV века // Исследования и материалы по древнерусской литературе / отв. ред. В. Д. Кузьмина. М., 1961. [Вып. 2]. С. 15–16.
- ⁵ Дмитриев Л. Литература эпохи русского Предвозрождения XIV–XV веков // История русской литературы : в 4 т. Т. 1 : Древнерусская литература и литература XVIII века / редкол. тома : Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко. Л., 1980. С. 180.
- ⁶ Тотубалин Н. Повесть о нашествии Тохтамыша // Русские повести XV–XVI веков / сост. М. О. Скрипиль ; ред. Б. А. Ларин. Л., 1958. С. 369.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Шамбинаго С. Литература Московского княжества конца XIV и XV вв. // История русской литературы : в 10 т. Т. 2. Ч. 1. Литература 1220-х – 1580-х гг. / редкол. тома : А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. М. ; Л., 1945. С. 208.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Путилов Б. Литература конца XIV–XV веков. Развитие исторических жанров и зарождение бытовой повести // История русской литературы : в 3 т. Т. 1 : Литература X–XVIII веков / гл. ред. Д. Д. Благой. М. ; Л., 1958. С. 189.
- ¹² Шамбинаго С. Указ. соч. С. 206.
- ¹³ Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев). М., 1981. С. 190. Цит. по списку Карамзинской летописи. Далее цитируется это издание с указанием страниц в скобках.
- ¹⁴ Жучкова И. Повесть о Темир-Асаке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2 : Л–Я / АН СССР, ИРЛИ ; отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1989. С. 283.
- ¹⁵ Гребенюк В. «Повесть о Темир-Асаке» и ее литературная судьба в XVI–XVII веках // Русская литература

- на рубеже двух веков (XVII – начало XVIII в.) / отв. ред. А. Н. Робинсон. М., 1971. С. 190.
- ¹⁶ Там же. С. 200.
- ¹⁷ Путилов Б. Указ соч. С. 186.
- ¹⁸ Тотубалин Н. Повесть о Темир-Асаке // Русские повести XV–XVI веков / сост. М. О. Скрипиль; ред. Б. А. Ларин. Л., 1958. С. 371.
- ¹⁹ Лихачев Д. «Слово о полку Игореве» – героический пролог русской литературы. Л., 1967. С. 80.
- ²⁰ Цитируемый текст взят из рукописи Сборника XV века Государственной публичной библиотеки, Соловецкое собрание, № 914/804, л. 476–488 – здесь сохраняется ранний вариант, не включенный еще в текст летописи; текст сверен и исправлен по изданию: Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853. С. 124–128.
- ²¹ Путилов Б. Указ соч. С. 186.
- ²² Гребенюк В. Указ соч. С. 192.

Образец для цитирования:

Александров С. С. Мотив небесного заступничества в древнерусских воинских повестях XV века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 165–169. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-165-169.

Cite this article as:

Aleksandrov S. S. The Motive of Divine Intercession in Old Russian Military Novels of the XVth Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 165–169 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-165-169.

УДК 821.133.1.09-31+929[кардинал де Рец+Макиавелли]

КАРДИНАЛ ДЕ РЕЦ И ИДЕИ НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ (по материалам «Мемуаров»)

С. Ю. Павлова

Павлова Светлана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, pavlovasy@info.sgu.ru

Рассматривается влияние идей Никколо Макиавелли на кардинала де Реца как героя и создателя «Мемуаров» (опубл. в 1717). Раскрывается противоречие между провозглашенным антимакиавеллизмом мемуариста и усвоением идей трактата «Государь» (1532), проявившимся на уровне суждений и оценок повествователя, изобразительных средств, концепции автобиографического героя.

Ключевые слова: мемуары, французская литература XVII века, кардинал де Рец, Никколо Макиавелли.

Cardinal de Retz and Niccolo Machiavelli's Ideas (Based on *Memoir*)

S. Yu. Pavlova

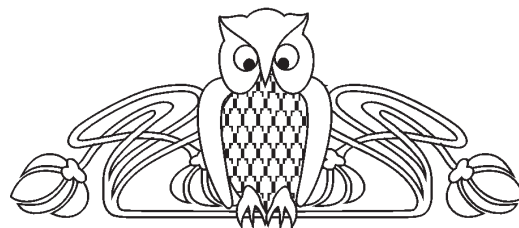
Svetlana Yu. Pavlova, ORCID 0000-0001-7870-2772, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, pavlovasy@info.sgu.ru

The author considers how Niccolo Machiavelli's ideas influenced Cardinal de Retz as the hero and the creator of the *Memoirs* (published in 1717). The author reveals the discrepancy between the memoir-writer's proclaimed anti-Machiavellianism and his adoption of the ideas of the treatise *Sovereign* (1532). This discrepancy manifests itself on the level of the judgments and evaluations of the narrator, figures of speech, concept of the autobiographic hero.

Key words: memoirs, French literature of the XVIIth century, Cardinal de Retz, Niccolo Machiavelli.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-170-174

Кардинал де Рец (1613–1679) вошел в историю литературы как автор знаменитых «Мемуаров» (опубл. в 1717), ставших одним из крупнейших произведений французской прозы XVII в. и выдающимся образцом мемуарного жанра. Центральное место в сочинении кардинала отводится его участию в событиях Фронды, когда он смог проявить себя не только как духовный пастырь, но и как глава партии, переговорщик, советчик, оратор, предводитель. Гражданское противостояние середины XVII в. показало, что и сторонники двора, и фрондеры нередко руководствовались в своих действиях не заботами о благе государства, а личными интересами и желанием сохранить власть. Политические интриги этого периода продемонстрировали сущность нового политического мышления, восходящего к трактату

ту Никколо Макиавелли «Государь» (Il Principe, 1532). Оно заключалось в стремлении «отделиться от спекулятивного мышления, этики и религии»¹. Уже в XVI в. трактат был переведен на французский язык четыре раза (Жаком де Вентимийем в 1546 г., Гийомом Капелем в 1553 г., Гаспаром д'Овернем в 1553 г., Жаком Гоори в 1571 г.)², что способствовало его распространению среди французских придворных. В статье будет рассмотрено влияние идей итальянского мыслителя на кардинала де Реца-героя и создателя мемуаров.

Понимание значимости трактата Макиавелли для государственных деятелей Франции подтолкнуло мемуариста к необходимости отчетливо обозначить свое отношение к его учению и к тем, кто руководствуется им в политике. По мнению Реца, «большая часть тех, кто его читает, не понимает, а другая воображает, будто он во всех случаях рассуждает умно, потому лишь, что он всегда рассуждает со злобой. Однако в рассуждениях своих Макиавелли был умен далеко не всегда, весьма часто он заблуждался <...>»³. В этих словах очевидна дистанция по отношению к автору знаменитого трактата. В своей критике макиавеллизма кардинал выражает характерную для французской знати позицию неприятия лукавства и хитрости в качестве политических инструментов как противоречащих национальному кодексу аристократического поведения, предполагавшему верность слову, стремление к славе и высокий героизм. Как пишет А. Бертьер, «сопротивление Макиавелли, по большей части моральное и религиозное, нашло во Франции дополнительную опору в старинной феодальной концепции государства, где отношения между различными носителями власти регулировались согласно кодексу чести, таким образом, во Франции оно наталкивается не только на инстинктивное неприятие, но на осмысленное несогласие, основанное на традиционных доводах»⁴.

В приведенной цитате из мемуаров Рец критикует последователей итальянца за то, что они, руководствуясь соображениями личной выгоды, всегда поддерживали начальствующего против подчиненного. Согласимся с А. Ф. Строевым, указывающим, что буквально такого высказывания в «Государе» нет⁵. Более того, там встречается совет иного рода: «Важно <...> не подвергать оскорблению окружающих тебя должностных лиц и людей, находящихся у тебя в услужении»⁶. Рец отсылает к мыслям Макиавелли и по-своему трактует их. С большей точностью он это делает в

других случаях, показывая себя знатоком трактата.

Первая скрытая аллюзия появляется в тексте в связи с кардиналом Мазарини, которого мемуарист называет итальянцем, учившимся политике по книгам (53). Предположение комментаторов о том, что имеется в виду «Государь», строится на высокой популярности трактата среди крупных европейских политиков, имевших его в качестве настольной книги. Именование Мазарини «итальянцем», содержащее намек на его общее с Макиавелли происхождение, также может служить дополнительным аргументом в пользу такой интерпретации. Впрочем, современники упрекали и самого Реца в иноземных корнях, хотя его семья уже давно проживала во Франции и в жилах кардинала текла лишь одна восьмая часть итальянской крови. Представляется, что более убедительным может быть другой довод, касающийся смыслового контекста анализируемой отсылки. Она возникает в связи с рассказом о том, что уже в молодые годы герой мемуаров «был слишком любим в Париже, чтобы долго оставаться любимцем двора» (52–53). В этом, по словам повествователя, и состояло его преступление в глазах Мазарини. Рец намекает на один из важных советов Макиавелли, касающийся умения государя ладить с народом и не быть ему ненавистным. Итальянский писатель возвращается к этой мысли несколько раз: «...государю надлежит быть в дружбе с народом, иначе в трудное время он будет свергнут» (33), «главное средство против них [заговоров] – не навлекать на себя ненависти и презрения подданных и быть угодным народу» (58), «...лучшая из всех крепостей – не быть ненавистным народу» (69).

Авторитет, завоеванный Рецем у простых парижан, мог расцениваться Мазарини как стремление к власти, а потому привел к возрастанию его антипатии в адрес молодого священника. Мемуарист напрямую не соотносит тактику своего поведения по отношению к народу с учением итальянца, поскольку позиционирует себя как антимаккиавеллист. У нее могли быть и иные причины, например, связанные с сугубо национальной моделью взаимоотношений аристократов и их подданных. И все же в период Фронды, равно как на протяжении всей политической карьеры, Рец придерживался советов Макиавелли на этот счет (устанавливал личные связи, имел своих людей в кварталах городской бедноты, раздавал щедрую милостыню) и в мемуарах неоднократно подчеркивал свой авторитет среди народа (26, 74, 112, 352 и т. д.).

Несколько косвенных указаний на кардинала как читателя «Государя» можно обнаружить в его размышлениях о власти и ее носителях. Так, они присутствуют в рассуждениях о мудрых королях, передававших часть своих полномочий парламентам, чтобы «отвести от себя зависть и ненависть, какую вызывает порой исполнение даже самых праведных и необходимых из них» (55). Мысль о

том, что залогом устойчивого правления является формула «разделяй и властвуй», дающая возможность властителю оставаться в глазах народа вершителем только благого, выражена Макиавелли в таких словах: «...дела, неугодные подданным, государи должны возлагать на других, а угодные – исполнять сами» (60).

Автор трактата неоднократно касается вопроса о том, какими качествами должен быть наделен правитель и в какой мере ему следует проявлять их на деле. В пятнадцатой главе «О том, за что людей, в особенности государей, восхваляют и порицают» он утверждает, что человек в силу своей природы не может иметь одни лишь добродетели, поэтому «благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же – воздерживаться по мере сил, но не более» (49). Та же мысль развивается в восемнадцатой главе «О том, как государь должен держать слово», где правитель уподобляется льву и лисе, т. е. наделяется силой, способной «отпугнуть волков», и хитростью, «чтобы уметь обойти капканы» (55). Необходимость сохранения власти и защиты интересов государства легитимирует его право «удаляться от добра, но при необходимости не чураться и зла» (56) и «пользоваться этим умением смотря по надобности» (48). Отсылка к этому комплексу идей эксплицирована у Реца лишь однажды: при передаче разговора с Лионном, предлагавшим убить принца де Конде. Мемуарист пишет, что его собеседник «раза два или три поминал слова Макиавелли о том, что люди большей частью погибают от того, что не отваживаются быть дурными до конца» (357). Эти слова не являются прямой цитатой, а скорее, логическим выводом, оправдывающим злодеяние во имя высшего блага.

В мемуарах также встречаются имплицитные переключки с обозначенными выше идеями Макиавелли о нравственности и поведении правителей. Примером может служить портретная характеристика кардинала де Ришелье. При общем враждебном к нему отношении, вызванном соображениями как семейного, так и личного порядка, Рец указывает на такие качества кардинала, которые необходимы крупному государственному деятелю. Выявляя его недостатки, он в пределах одной фразы компенсирует их другими чертами, свидетельствующими либо о положительной оценке, либо о признании незаурядности Ришелье. В результате отсутствие щедрости оборачивается умением давать более, нежели обещано, а избыток честолюбия оказывается соразмерным его дарованию. Благородное происхождение, блестящий ум и прозорливость делают министра ни много ни мало как человеком, который «своим могуществом и царственным величием <...> затмевал величие особы Короля, но при этом с таким достоинством исполнял королевские обязанности, что дюжинному уму не дано было провести здесь грань между добром и злом» (56).

Недостатки кардинала в конечном итоге выглядят в глазах Реца приемлемыми для государственного деятеля: «Словом, должно признать, что все пороки его принадлежали к числу тех, какие могут заслужить славу человеку высокого звания, ибо они из числа тех, чьим орудием могут быть лишь великие добродетели» (57). Оценивая кардинала де Ришелье как политика, мемуарист опирается на критерии, предложенные Макиавелли, и солидаризуется с его позицией в отношении моральных качеств правителей.

Уже современники обвиняли кардинала де Реца в том, что он руководствовался теорией итальянского мыслителя и в своем собственном поведении. Этому были посвящены мазарины, об этом же писала госпожа де Мотвиль, характеризуя его действия в период Фронды: «Впоследствии мы узнали, что в первые дни коадьютор часто предлагал герцогу Орлеанскому увести короля и отправить королеву в монастырь; его правило восходило к Макиавелли: нельзя быть тираном наполовину»⁷. Рец был известен как мастер ведения интриг, в которых проявлял себя по-макиавеллевски хитрой лисой, что в полной мере подтверждают его мемуары. Как пишет А. Бертьер, осуждая на словах учение Макиавелли, он понимал, что «если хочешь иметь шансы на успех, нужно позаимствовать оружие у противника». Макиавеллизм оказывается «заразен и он заражает всякого, кто с ним соприкасается»⁸.

Впечатление о политической изворотливости Реца усиливает позиция повествователя, который не прячет истинных намерений и мотивов поведения героя, а, напротив, посредством анализа вскрывает их. Мемуарист словно любит свое умение маневрировать, притворяться, вести «двойную игру», что отражают слова и словосочетания, передающие его действия: «сделал вид» (70), «виду не подал» (146), «прикинулся» (171), «не подавая по наружности повода» (344) и т. д. Характерным примером такой тактики может служить его поведение в период парламентской Фронды, когда после долгих размышлений и даже совета с отцом, он принял решение из разряда макиавеллевских: «...мне вдруг пришло в голову, что тайком я всеми силами должен содействовать миру для спасения государства, которое казалось мне на краю гибели, а по наружности миру противодействовать, дабы не потерять доверия народа и остаться по-прежнему во главе партии безоружной, – впоследствии, смотря по обстоятельствам, я могу решить, должно вооружить ее или нет» (197). Свой план Рец реализовывал согласно этим намерениям, словно следуя советам автора «Государя», обосновавшего право носителя власти «не стараться сдерживать данное слово», уметь «обвести вокруг пальца» и прикрыть «лисью натуру», одним словом, «быть изрядным обманщиком и лицемером» (55).

Рец-герой мемуаров примеряет на себя различные роли, а также демонстрирует, как их

исполняют другие. Отсылая к игре, автор имеет в виду не столько важную для театра идею актерского таланта и удовольствия, сколько ложного поведения, присущего человеку вообще. Слово-сочетание «играть/разыгрывать роль» встречается в тексте неоднократно (9, 73, 103, 188) и предполагает важный смысловой акцент, связанный с умением скрывать правду, изображая нечто иное с определенной целью, вплоть до такой изощренной формы, когда вся тонкость игры «в том и состояла, чтоб ее скрыть» (200).

Мемуары показывают, что этот макиавеллевский урок французские аристократы, включая автобиографического героя, усвоили прекрасно. Не случайно сквозным для мемуаров становится образ театра, с которым Рец соотносит события Фронды. Показательным примером служит описание поведения придворных после получения известий о волнениях в Париже, вызванных арестом членов парламента: «...все, бывшие в кабинете, играли комедию: я прикидывался простодушным, хотя не был им, по крайней мере в этом случае; Кардинал притворялся уверенным, хотя вовсе не был им в той степени, в какой казался; Королева несколько мгновений изображала кротость, хотя никогда не была более раздражена, <...> Ботрю и Ножан паясничали в угоду Королеве, представляя кормилицу Брюсселя, <...> которая подстрекает народ к мятежу, хотя оба отлично понимали, что, быть может, от фарса не так уж далеко до трагедии» (71). Параллельные конструкции с союзом «хотя» и глаголы со значением «обмана» (прикидываться, притворяться, изображать, паясничать) усиливают впечатление о разнице между подлинными реакциями и их видимым проявлением. Подчеркивая игровой характер поведения людей, мемуарист вскрывает расхождение между истинными целями политиков и их реализацией и – глубже – одну из основных философских дилемм эпохи между «быть» и «казаться».

Трактат Макиавелли и мемуары Реца связывает одна важная для обоих авторов метафора. Для характеристики состояния государства оба используют метафору болезни. Она восходит к Античности⁹ и встречается уже у Цицерона. В «Первой речи против Луция Сергия Катилины» (63 г. до н.э.) римский политик уподобляет болезням заговоры: «Я понимаю, что, казнив одного только Катилину, можно на некоторое время ослабить эту моровую болезнь в государстве, но навсегда уничтожить ее нельзя»¹⁰. Тит Ливий в кн. XXII, гл. 8 «Истории Рима от основания города» (ок. 30 г. до н.э. – 17 г. н.э.) проводит параллель между состоянием человеческого тела и государства: «...ведь, как больной человек ничтожное забoreвание переносит труднее, чем здоровый тяжелую болезнь, так и больное потрясенное государство не перенесет никакой новой беды, и не потому, что эта так тяжела, а потому, что нету сил поднять еще какое-то бремя»¹¹. О здоровье и болезни применительно к государству пишет

и Тацит в кн. I, гл. 4 «Истории» (ок. 109 г. н.э.): «Однако прежде чем приступить к задуманному рассказу, нужно, я полагаю, оглянуться назад и представить себе, каково было положение в Риме, настроение войск, состояние провинций и что было в мире здорово, а что гнило»¹².

Метафора болезни государства появляется и в других сочинениях, написанных до мемуаров кардинала де Реца, в том числе в «Государе» Макиавелли. В сравнении с предшественниками, у итальянского писателя она приобретает более развернутый характер. В третьей главе «О смешанных государствах», высоко оценивая тактику римлян при завоевании греческих земель, автор отмечает их умение вовремя принять меры, необходимые для удержания власти. «Но если дожидаться, пока беда грянет, – пишет Макиавелли, – то никакие меры не помогут, ибо недуг станет неизлечим. Здесь происходит то же самое, что с чахоткой: врачи говорят, что в начале эту болезнь трудно распознать, но легко излечить; если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно. Так же и в делах государства: если своевременно обнаружить зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, но если он запущен так, что всякому виден, то никакое снадобье уже не поможет» (10).

Кардинал де Рец также разрабатывает эту метафору детально, описывая состояние запущенного недуга, когда страна оказывается в состоянии тяжелой болезни, до которой довели ее лишены мудрости правители: «Когда дело идет о государстве, последней степенью заблуждения бывает обыкновенно своего рода летаргия, и наступает она лишь после того, как болезнь явила опасные симптомы. Попраиение старинных законов, уничтожение того равновесия, какое они установили между подданными и королями, утверждение власти совершенно и безусловно деспотической, были причинами, ввергнувшими первоначально Францию в судорожные конвульсии, в каких застали ее наши отцы. Кардинал де Ришелье, уподобившись знахарю, вздумал врачевать ее сильнодействующими средствами, которые вызвали в ней прилив сил, но сил возбуждения, изнуривших тело и все его части. Кардинал Мазарини, лекарь совершенно неопытный, не понял, в каком она изнеможении. Он не стал поддерживать ее тайными снадобьями своего предшественника, а продолжал ослаблять кровопусканиями; она впала в летаргию, а он оказался столь несведущ, что ложный этот покой принял за истинное выздоровление <...> Быть может, если бы с этим всеобщим безразличием обошлись осторожнее, спячка продолжалась бы долее, но поскольку врач принимал ее за сладкий сон, он и не пытался исцелить недуг. Болезнь обострилась, голова поднялась: Париж очнулся, испустил вздох, на это не обратили внимания, у него началась горячка» (58–59). Макиавеллевская «чахотка» сменяется у

Реца «летаргией», но метафора невидимой болезни, которая либо вовремя уничтожается, либо становится неизлечимой, сохраняется.

Анализируемая метафора реализуется в мемуарах посредством лексики, входящей в семантическое поле слова «болезнь»: рана, недуг, врачевание, зараза, лекарь, снадобье, симптомы, зуд и т. д. (67, 85, 99, 102, 104, 136, 146, 185, 204, 494, 516, 614 и др.). Государство предстает у Реца тяжело больным телом, требующим применения сильнодействующих средств: «...нынешний тяжелый недуг <...> вызван потрясением всего тела; отдельные его части сами себе оказать помощь не способны; единственное средство лечения – это извергнуть наружу яд, поразивший весь организм» (455). Однако из-за долгой лихорадки у него поражено и сознание, пребывающее в состоянии близком «к буйному помешательству» (516). Разворачивая метафору болезни, мемуарист оправдывает действия фрондеров как попытку излечить недуг государства, ставший следствием действий невежественных лекарей, подобных кардиналу Мазарини. С ее помощью он продолжает критику политики абсолютизма и показывает неизбежность волнений во Франции в середине XVII в.

Таким образом, мемуары кардинала де Реца подтверждают значимость макиавеллевского трактата для французских политиков эпохи Фронды. Эксплицированная в его сочинении критическая оценка идей Макиавелли вступает в противоречие как с отдельными характеристиками и суждениями повествователя о государстве и носителях власти, так и с концепцией автобиографического героя. Мемуары показывают, что в действительности кардинал де Рец разделял отдельные положения учения итальянского мыслителя и на деле балансировал между двумя полюсами: желанием сохранить верность кодексу поведения французских аристократов и необходимостью действовать согласно законам реальной политики, пропитанной идеями «Государя».

Примечания

- ¹ Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней : в 3 т. Т. 2. Средневековье (от Библейского послания до Макиавелли). СПб., 1997. С. 311.
- ² См. подробнее специальный сайт, посвященный научному представлению и комментированию первых переводов на французский язык трактата Н. Макиавелли «Государь» – Hyperprince. URL: <http://hyperprince.ens-lyon.fr/>.
- ³ Кардинал де Рец. Мемуары. М., 1997. С. 260. Далее текст мемуаров цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ⁴ Bertièrre A. Le cardinal de Retz mémorialiste. Thèse présentée devant l'Université de Paris IV, le 28 juin 1976. Lille, 1981. P. 359.
- ⁵ См.: Строев А. Примечания // Кардинал де Рец. Мемуары. С. 743.

- ⁶ *Макиавелли Н. Государь* // Макиавелли Н. Государь. М., 2016. С. 63. Далее текст трактата цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ⁷ *Motteville F. Chronique de la Fronde*. Paris, 2003. P. 626.
- ⁸ *Bertièrè A.* Op. cit. P. 360.
- ⁹ Выражаю благодарность за помощь в работе с античными источниками доценту кафедры русской и зарубежной литературы Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского Е. А. Разумовской.
- ¹⁰ *Марк Туллий Цицерон. Речи* : в 2 т. Т. 1 (81–63 гг. до н.э.) / пер. В. О. Горенштейн. М., 1993. С. 301.
- ¹¹ *Тит Ливий. История Рима от основания города* : в 3 т. Т. 2. / пер. М. Е. Сергеенко. М., 1991. С. 66.
- ¹² *Корнелий Тацит. Сочинения* : в 2 т. Т. 2. История / пер. Г. С. Кнабе. Л., 1969. С. 6.

Образец для цитирования:

Павлова С. Ю. Кардинал де Рец и идеи Никколо Макиавелли (по материалам «Мемуаров») // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 170–174. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-170-174.

Cite this article as:

Pavlova S. Yu. Cardinal de Retz and Niccolo Machiavelli's Ideas (Based on *Memoir*). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 170–174 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-170-174.

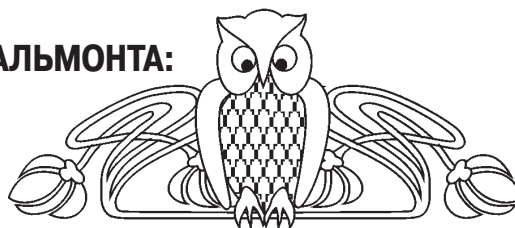

УДК 821.161.1.09-193.3+929Бальмонт

«СОНЕТЫ СОЛНЦА, МЕДА И ЛУНЫ» К. Д. БАЛЬМОНТА: ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЯ И СТРУКТУРА КНИГИ

А. И. Ванюков

Ванюков Александр Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ai_vanyukov@mail.ru

В статье анализируются поэтика заглавия и структура поэтической книги К. Д. Бальмонта «Сонеты Солнца, Меда и Луны» (1917) как книги сонетов, книги символов, книги-«чертога».

Ключевые слова: К. Д. Бальмонт, сонеты, заглавие, поэтика, книга, символизм.

**K. D. Balmont's *Sonnets of Sun, Honey and Moon*:
The Title Poetics and the Book Structure**

A. I. Vanyukov

Alexandr I. Vanyukov, ORCID 0000-0002-7140-4542, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, ai_vanyukov@mail.ru

The article analyzes the title poetics and the structure of the poetry book by K. D. Balmont *Sonnets of Sun, Honey and Moon* (1917) as a book of sonnets, a book of symbols, a 'chamber' book.

Key words: K. D. Balmont, sonnets, title, poetics, book, symbolism.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-175-182

«Сонеты Солнца, Меда и Луны» Константина Дмитриевича Бальмонта вышли в Москве, в издательстве В. В. Пашуканиса в 1917 г. (художник Дмитрий Митрохин)¹. Книга была «отпечатана в типографии Русского Товарищества печатного и издательского дела в количестве 5000 экземпляров на обыкновенной бумаге и 300 нумерованных экземпляров на бумаге верже» (с. 272) и представляла собой не только уникальное литературно-художественное издание 1917 г.², но и одну из лучших, оригинальных книг К. Бальмонта, вершинное, итоговое явление русского сонета Серебряного века³.

Для того, чтобы яснее, лучше понять и осознать идейно-творческое своеобразие, поэтическую концепцию бальмонтовской книги как единого целого, природу художественного мышления, словесно-архитектонического мастерства Автора-символиста, можно и нужно обратиться к поэтике заглавий и структуре книги, состоящей из 255 сонетов, 226 сонетных названий/заглавий.

«Ключ» к решению проблемы дают уже «первые слова», заглавная сфера книги, включающая в себя имя автора-поэта (К. Бальмонт), собственно заглавие/название книги и эпиграф. Заглавие этой книги К. Д. Бальмонта, как и многих других его

книг начала XX в. («Только Любовь. Семицветник», «Литургия Красоты. Стихийные гимны», «Зеленый вертоград. Слова поцелуйные», «Ясень. Видение древа»), двойное, с подзаголовком: «Сонеты Солнца, Меда и Луны. Песня миров», сразу же дающее образ поэтической формы и содержания, меры и множество: «Сонеты Солнца, Меда и Луны» и уточняющее, конкретизирующее и дополняющее первую заглавную форму второй – «Песня миров». «Сонеты Солнца, Меда и Луны» – это «Песня миров» (6 образов-символов в заглавии). Важную роль в структуре заглавия играет эпиграф: «Слово песни – капля меда, / Что пролился через край / Переполненного сердца» / Испанская песня» (с. 5), который связывает первую и вторую содержательные части заглавия: «слово – песни – капля меда», вводит новые заглавные образы: «слово», «капля», «сердце»/«переполненное сердце», «край» («лить через край»), «испанская песня», и обозначает лирическую сферу сердца русского поэта, чуткого к стихии инонационального, испанского, мелоса.

Заглавная сфера «Сонетов...» в единстве настраивает читателя на восприятие текста книги как поэтического, сонетного целого, «первым словом» которого выступает сонет «Чертог», набранный в книге курсивом как особый, программный сонет, сонет-предисловие. «Чертог» дает матрицу бальмонтовского сонета как поэтической формы и вместе с тем образ книги «сонетов» как книги-«чертога».

Авторская мысль в движении воссоздает «строительный материал» и строительство «чертога» в их внешнем и внутреннем выражении – два катрена:

Из пламеней и лепестков червонных,
Из быстрых искр от скака конских ног,
Из тех боев, где бьется рог о рог,
Из рева бурь, и гласа гулов звонных, –

Из фимиамов сине-благовонных,
Из слов, которых вымолвить не мог,
Я принял весть, и выстроил чертог
Из тайновестей этих раскаленных. –
и два терцета характеризуют образ бальмонтовского «чертога»:

В чертоге, где прядет моя мечта,
Сплетаются несчетные покои.
В намек скрестились в нём с чертой черта.
Огнями созревает темнота.
В углах сосуды, где в густом настое
Хмелеет сказка, и цветет алоэ (с. 7).

К. Бальмонт создает эталонный образ русского ямбического сонета с классической схемой женских и мужских рифм: Авва – Авва – Сdc – Cdd.

Второй сонет книги (первый в основном корпусе «Чертога») называется «Поэт» и намечает основную, стержневую образ сонетной книги – образ поэта-художника в его символическом существе:

Художник в миге – взрыв в жерле природы,
Просветный взор во-внутрь Господних глаз
(с. 9).

Поэты, по Бальмонту, Братья и «Духа переходы» (с. 9):

Но если я поэт, да не забуду,
Что в творчестве подземное должно
Вращать, вращать, вращать веретено (с. 9)
(Авва – Авва – Cdd – Cdd).

Следующий сонет с опорно-заглавным названием «Сонеты Солнца» – 16-й в книге, и интересно проследить, как складывается система заглавий в этом первом объеме книжного «чертога». В последовательности идут «Котловина» («Пожар – мгновенье первое Земли», с. 10), «Огненный мир» («Вся жизнь Огня сгущено-ароматна», с. 11), «Пламенный» («Я пламенный, я твой, дозволю сверкнуть, Господь», с. 12), «Жертва» («Весь мир застыл ... И огонь, вещая ливень, рушил гром», с. 13), «Звездные знаки»:

Творить из мглы, расцветов, и лучей,
Включить в оправу стройную сонета,
Две капельки росы, три брызги света,
И помысел, что вот еще ничей ...
Не это ли Веселая Наука,
Который полный круг, в расцвете лет,
Пройти повинен мыслящий поэт? (с. 14),

«Горное откровение» («Дойдя до самой сказочной черты, / Взнеси свой дух на крайние изломы», с. 15), «Та, которою движутся звезды» («Условие и краски бытия, / ... Желанье Солнца грезу сделать краше», с. 16), «Рассвет» («Купавы словно дремлющие луны», с. 17), «Что со мной» («Что сделалось мо мной? Я весь пою. / Свиваю мысли в тонкий строй сонета / ... Всю Вечность принимаю как мою», с. 18), «Пир» («Пир огненный вверху уже готов», с. 19), «Оно прекрасно» («Какое слово в Вечность побежало? / ... От Солнца к Солнцу я свечой горю», с. 20), «Умей творить»:

Умей творить из самых малых крох.
Иначе, для чего же ты кудесник?

Среди людей ты Божества наместник,
Так помни, что в словах твоих был Бог (с. 21)
и «Цветок» («Цветок – мечта расцветшего растения / ... Цветок цветку – планета молодая, / Тайственный о счастья разговор», с. 22).

Четырнадцать сонетов очерчивают вселенский, бытийный круг слова поэта, ставят свои «звездные знаки», приглашают читателя на духовный, творческий «пир». И затем органично следует ключевой по заглавию сонет – «Сонеты Солнца» (первая строка – заглавие книги):

Сонеты Солнца, Меда, и Луны.
В пылании таинственных июлей,

Бросали пчелы рано утром улей,
Заслыша дух цветущей крутизны.
Был гул в горах. От Солнца ход струны,
И каменный баран упал с косулей,
Сраженные одной и той же пулей.
И кровью их расцвечивал я сны.
От плоти плоть питал я, не жалея
Зверей, которым смерть дала рука.
Тот мед, что пчелы собрали с цветка, –
Я взял. И вся пчелиная затея
Сказала мне, чтоб жил я не робея,
Что жизнь смела, безбрежна, и сладка (с. 23)
(Авва – Авва – Cdd – Ccd).

Второе «чертожно»-структурное слагаемое книги – также сонетной меры. Следующие 14 сонетов со своими заглавиями идут в сонетном ритме – первый «катрен»: «Полдень» («С утра до полдня в духе я певучем», с. 24), «Огне-взнесенье» («И вот Луне содвинуться пора. / И Солнце потопило выявление / Священной пляски, пир огневзнесенья», с. 25), «Из пропастей» («Из пропастей эфира неземного, / Из областей, где невозможно дно, / Идет к звену блестящее звено, / Куя чертог, крепя сапфиры крова», с. 26) и «Среди видений» («Среди видений разных Вещества / Упился Дух несчетностью уборов», с. 27). Второй «катрен», вторая четверка сонетов: «Древо» («Ствол Древа кряжий. В светах изумруда / Вершина ускользает в синеву», с. 28), «Мир» («Так я один в пространстве беспредельном, / Но с миром я, во мне ему хвала, / Ему во мне поют колокола, / Через него я стал певцом свирельным», с. 29), «Игра» («Играет Солнце, вокруг меня луны, / И проводя бесчисленность планет... Сознание, понять тебе пора... / Что в Вечности всегда идет игра», с. 30) и «Мысль» («Я был конем... Слагая, раздвигая, рдея, рея, / Я пробежал бесчисленность миров. / Нет большего на свете чародея, / Чем мысль», с. 31). Затем – «терцеты», первый сонет – «Звенья» («В морях лазоревых усеяно все дно / Неизчислимыми словами звездной пыли», с. 32), второй – «Обратный путь» («Пройди от фиолетовых до красных / Все красочные в радуге пути... Пчеле миг встречи с венчиками сладок... От лепестков струится вихрем стих. / Ты к молниям привык. Подслушай их. / Они поют – сонетами из радуг», с. 33), третий – «Полная чаша» («Пока на дне небес проходят токи, / Певучие ряды, к звезде звезда / Влюбилась в берег здешняя вода. / Два облика. Они зеленооки», с. 34). И еще одна тройка сонетов: «Рождение любви» («Любить – живых учила красногрудка, / Вся серая была она в Раю», с. 35), «Удел крылатых» («Две птички видеть – нежно и досадно... / Люблю я, все же, более одну... / Высокий миг – создать свою струну», с. 36) и «Закон природы» («Природа – прихотливейший творец. / От простоты всегда уходит в сложность. / Ей побеждать желанно невозможность. / Повсюду рассыпать дожди колец. / Нигде не говорит она: Конец», с. 37).

И следующий объем «чертога» книги опять-таки укладывается в сонетную меру (31–44-й сонеты). Выделю «начала» и «концы» этой сонетной части, заглавия – ключевые, опорные символы книги: 31-й сонет «Знание вне знания» («Есть знание вне знания в существах. Внушаемость. Открытость вечным чарам. / Мир никогда, живя, не будет старым. / Пока есть сердце, жгучий есть размах», с. 38), 32-й сонет «Зеркало в зеркало» («Чтоб дух горел в чарующем алмазе, / И мысль играла в радуго и гром, / Идут пиры, в пространстве мировом, / Различья форм, цветных разнообразий», с. 39). Заглавие 42-го сонета «Зверь» («Сто сорок саженой чудовищной длины, / Приди в четырнадцать размерного сонета», с. 49). Заглавие 43-го – «Луна и Солнце» (основные, заглавные, ведущие образы, мотивы книги – в зеркальном отражении):

Луна, через меня, струит мечту,
А Солнце, через свет, творит созданья.
Но сердцу – что вернее, чем мечтанья?
Напев Луне – наряднее сплету.
Как Солнечную встретить красоту?
Немею в ослепленьи обаянья.
Я с Солнцем знаю счастье ваянья,
С Луной горю и гасну на лету.
Всего видней летучее горенье.
Ваянья ломки. Устает рука.
Ручей поет звучнее, чем река.
Мечта – правдиво-нежное влюбленье.
Она прядет из зыби огонька.
Огонь погас. Но зыбь живет века (с. 50)
(АввА – АввА – Cdd – Cdd).

44-й сонет «Человек», идущий вслед за сонетом «Луна и Солнце», можно также считать программным, в его названии – бальмонтовская мифологема «человека»:

Весь человек есть линия волны...
Мы влагой и огнем воплощены.
От Солнца мы, но мы из Океана.
Индийский сон...
Раскрылся чашей лотос голубой.
И бог в цветке. А жизнь цветка медвяна (с. 51).

Следующие 14 сонетов (45–58-й) как раз и воссоздают – поэтически – процесс становления человека, мифологический «круг», «кругозор» поэта-творца: (по заглавиям) «Сон девушки» («Она заснула под слова напева... / Ей снилось. Нежно у нее из чрева / Росла травинка. Брызгал плеск ручья... / И вырос лес», с. 52), «Ребенок» («Ребенок, пальчик приложив к губам, / Мне подарил волшебную картинку», с. 53), «Печати» («Смотреть печати давних прохождений... / И чувствовать, что так же ты лишь строчка / В Поэме Мира. Всклик, вопрос, и точка», с. 54), «В те дни» («В те дни, когда весь мир был Океан», с. 55), «На огненном пиру» («И Божья новая еще нас ждет Неделя. / Не так уж далеки пред Ликом Божества / Акульи плавники и пальцы Рафаэля», с. 56), «Два достижения» («Два раза человек был в мудром лике змея», с. 57), «Из жерла» (с. 58), «Зверолов» (с. 59), «Пешерник» («В пещере начертал он на

стене / Быков, коней. И чаровали гривы», с. 60), «Младший» («...Дунул. Кость запела», с. 61), «Посвященные» («Глядят жрецы, являя ликом власть», с. 62), «Край Озириса» («Могучий Ра высоко поднял диск», с. 63), «Два мира» («Я слушал голос древних посвященных... Мне ближе те, которые древней», с. 64) и завершающий эту часть книги сонет «Кругозор»:

По кругу я прошел весь горизонт...
И я люблю надречные туманы,
И в дни декабрьской трезвенной поры
Разумных мыслей сны и караваны (с. 65)
(АввА – АввА – Cdd – Cdc).

В сонетном ритме идут стихи/сонеты 59–72-й, раскрывающие цивилизационные, культурные, природные образы и «соотношения»: «Призыв» («О, братья мира. Гнев свой да покинем, – / И строить в мире место будет нам», с. 66), «Относительность» («Есть однодневка, есть одноминутка. / И есть односекундка меж зверей», с. 67), «Соотношенья» («Алмазны скрепы всех соотношений, / Везде узор их музыки ловлю», с. 68), «Зерно» («Двуликий знак... И выйдет к Солнцу – нивою бескрайней», с. 69), «Сноп» («Снопы стоят в полях как алтари», с. 70), «Кровь путает» (с. 71), «Брусника» (с. 72), «Мир благовестия» («Какой он благозвонный, светлый лес», с. 73 – 66-й сонет: перебивка рифмовки в катренах: АввВ – ВавА), «Наука» («Я красному учусь у пламенного мака», с. 74), «Среди деревьев» (с. 75), «Древесная кора» (с. 76), «Охота» («Шмели – бизоны в клеверных лугах», с. 77), «Крот» («От детских дней я полюбил крота», с. 78) и «Содружество» («В саду стоит работавшая лейка. / Все политы цветы. Им лучше так», с. 79).

Следующий сонетный «пролет» (73–86-й) продолжает авторское воссоздание природного круга образов-символов во «вселенском стихе»: «Змей» («Уходит длинной лентою река... / Служа немым изображеньем Змея», с. 80), «Ласточка» (с. 81), «Жужжанье мух» («Еще желаю целый мир пропеть я», с. 82), «Договор» («Я в договор вступил с семьей звериной / От детских лет. Строй чувств у нас один», с. 83), «Свеча» («Я мыслью прохожу по всем мирам, / Моя свеча пред каждою иконой», с. 84), «У стебелька» (с. 85), «Светлая ночь» («Весь слитный сад не шелохнет листом... / Кузнечик в ночь кричит: “А что потом?”», с. 86), «Вселенский стих» (80-й, программный сонет):

Подняв лицо, я Солнцу шлю моленье,
Склонив лицо, молюсь душой Земле.
Весь Звездный мир – со мной как в хрустале.
Миры поют, я голос в этом пенне.
Пловец я, но на звездном корабле.
Из радуг льется звон стихотворенья (с. 87)
(АввА – АввА – Cdd – Cdc).

Далее: «Мудрость веснь» (с. 88), «Лес» («Да будет всяк – в лесу – Великим Паном», с. 89), «Завет» («Вели мечтам, чтоб в беге были рьяны», с. 90) и «Творчество» («О творчестве тоскуя с детских дней», с. 91), «Голубой сон» («От незабудок шел

чуть слышный звон», с. 92), «Липовый цвет» (с. 93).

Завершает первую сотню сонетов «сонетная конструкция» (87–100-й сонеты), выписывающая изящную форму поэтического/сонетного движения по принципу «круга», «зеркальности», даже «зеркальности двойной» (с. 107) от «Мудрости» до «Лунной воды».

Сонетные названия/авторские образы-символы складываются в гибкую систему, связывающую «Мудрость» («Ни за какое счастье не отдам / Я мудрость змея с сердцем голубиным», с. 94), «Здание» («Уходит в высь игла из чистой стали. / На стали – пурпур. Знамя – Красота», с. 95), «Сокровенность» («Все камни к свету вырвутся в свой час, / Как Красота – из океанской пены», с. 96) и «Перстень» («В захватной лапке цепкого гнезда / Три камня. Изумрудный, алый, синий», с. 97) (первый «катрен»). Далее «Аквамарин» (с. 98), «Лучший стих» (о цветке маргаритка: «Но лучший стих – где очень мало слов», с. 99), «Зеркальность» («Вода зеркалит ветку вырезную, / Другая ветка связь с землей крепит», с. 100) и «Художник» («Ты как бы сын племен, – / Которым первый миг Земли был явлен», с. 101) (второй «катрен»). Затем два «терцета» (95–100-й сонеты) концентрируют внимание на душе, «прозреньи» лирического героя: «Различность» («Взгляни в себя. Взгляни душой окрест», с. 102), «Прозренью» («И слышишь голос Мира, голос древний... / Мы все здесь в мире – в верной длани Бога», с. 103), «Далекое» («Мне грезится Египет, Атлантида, / Далекое. И мой Сиамский кот / “Плыви в Сиам” мурлыча мне поет», с. 104), и начинается разворачивание картин земного «далекого»: «Сила Британии» (с. 105), «Сибирь» («Страна, где мчит течение Енисей», с. 106) и «Лунная вода», 100-й сонет, герой которого Фан-Чжу «зеркальностью двойною» колдовал: «И вот роса зовется Шань-Чи-Шуй, / Что значит: Колдованье высший струй» (с. 107). Сонет оркеструется в «зеркальной»/«лунной» рифмовке: АвВА – ВааВ – Сdc – Cdc.

Первые четырнадцать сонетов второй сотни проводят читателя по странам Востока: «Китайское небо» («Там Полус Мира», с. 108), «Ткань» («Склонившись, китайка молодая / Любовно тклет узорчатый ковер... / Что может быть прекрасней, чем Китай», с. 109), «Китайская греза» (с. 110), «Занавес» («Китайский красный занавес так ал», с. 111), далее «Спор духов» («Дух Юга людям показал испанку... / Дух Севера зажег мечту-светлянку... / Но дух Востока, дунув, создал танку... / Велел Японец танке зазвучать», с. 112), «Страна совершенная» («В Японии, где светят хризантемы», с. 113), «Яванский сад» (с. 114), «Светлянки» («В ночах яванских рдеют вдоль реки / Крылатые светлянки», с. 115). Затем два «терцета»: «Цвета драгоценного» («... Голубовато-пепелистый / яванский аметистовый питон», с. 116), «Боро-Будур» («Храм белых Будд. Гигант Боро-Будур», с. 117), «Пляска колдуна» («Он в пляске шел волшебный

Папуас», с. 118) и «Островное созвездие» («В созвездии, зовущемся Самоа», с. 119), «Закатная риза» («Я уплывал по морю Гавайки», с. 120), «Древо Туле» («Я был в одной из самых крайних Туле», с. 121).

Второй «сонетный ход» второй сотни сонетов (115–128-й) намечает книжный сюжет движения лирического героя по кругу от «нового мира»/«нового Света» к старому, Европе, и от «Дыма» («Яда»-алкоголя) к музыке, любви: «Дорогой Дыма» («К твоим горам мои уходят думы. / И дым иной был в грезе Монтезумы», с. 122), «Синий жгут» («Для мудрого не может быть вопроса... / Одна из самых нежных папираса. / В ней жертва есть», с. 123), «Воспоминание» («Голубоватое кольцо, все кольца дыма, / Моих Египетских душистых папирас... / Я мысляю далеко. Я в самом сердце Рима», с. 124), «Шаман» («Шаман, глушащий сразу в сердце боль... / Я знал твой быстрый пламень, Алкоголь», с. 125). Вторым «катрен» начинается программный, исповедальный сонет «Яд»:

Мне чужды Сатанинские забавы.
Сновидец-Опий. Власть дает Гашиш.
И Морфий...
Но я мои сонеты и октавы
Им не отдам. Мне дорог Яд, но лишь
Такой, в котором творчески горишь,
И как вулкан, стремишь потоки лавы.
Мой яд – Любовь (с. 126)
(АвВА – АвВА – Сdd – Cdc).

И далее: «Рождение музыки» («Звучало Море в грани берегов», с. 127), «Свирель» («Журчание пастушеской свирели», с. 128), «Волею рук» («Настраиванье скрипок...», с. 129). Затем три сонета: «Музыка» («Что в музыке? Восторг, неожиданность, боль... / Еще побыть в прозрении дозволю», с. 130), «Предошущение» («Я далеко. Над Капри воздух синий... / Бьет полночь. Бледный, сел я за рояль», с. 131) и «Два голоса» («Я в колебании качаюсь и творю. / Душой звенящую я музыку приемлю», с. 132). Этот 125-й сонет выделяется системой рифмовки, соответствующей заглавию: АвВА – ВаВа – Сdd – Сее. Диалектично выстраивается следующая сонетная триада: «Зовы звуков» («Звук арфы – серебристо-голубой... / Свирель – лазурь, разъятая борьбой», с. 133), «Мертвые звезды» («Там русла рек, где влага не течет... / И нет цветов там, чтоб собрать с них мед», с. 134) и «Люби» («Кто любит, счастлив. Пусть хоть распят он», с. 135).

Следующие четырнадцать сонетных заглавий воссоздают космический, мистический сюжет любви. Первые четыре сонета: «Он» («Он проточил и пробуравил горы... / Он звезды разместил в ряды и хоры», с. 136), «Она покоится» («Она покоится, меж звезд, где дышит мера, / И в несмолкающих гекзаметрах Гомера», с. 137), «Она» («Дочь лебедя, волны вскипевшей пена, / Грань торжества, звезда меж жен, Елена», с. 138) и «Путь к ковчегу» («Наш путь к ковчегу прям и прост» и

строил чертог» («Белая парча», с. 168), и вместе с тем: «Когда ж, когда мой дух, тоскующий и косный, / Увидит вербный свет и веющий Орарь. / И Богу песнь споет. Как в оны дни. Как встарь» («Орарь», с. 172). «Стих» К. Бальмонта и «многолавиный» (с. 168), и «колокольный». К числу программных сонетов книги можно отнести сонет «Колокол», в котором лирический герой пишет:

Люблю безмерно колокол церковный...
В дерзаныи с высоты пророчит нам,
Что есть другая жизнь – и я отдам
Все голоса за этот звук верховный...
Гуди своим могучим языком.
Буди простор, и говори, как гром (с. 174)
(АввА – АввА – Cdd – Cee).

Следующее сонетное «продление» (14 сонетов: 171–184-й) раскрывает (в заглавиях) «круг» земной, деревенской жизни поэта («Знакомый шум», «Безвременье», «По зову ворона», «Сентябрьские облака», «Соучастницы», «Шалая», «Лебяжий пух») со своими «изломами» (сонет «Излом», с. 183 – с изломом в рифмовке: АвВ – АвВ – Cdd – Cee) и «кругами» (сонет «Весь круг», с. 187). Опорными выступают здесь сонеты «Сохраненный янтарь» («Идет к концу сонетное теченье. / Душистый и тягуче-сладкий мед / Размерными продленьями течет», с. 184), «Зеркало» («В воде душа. Смотри, твоя она. / Не потому ли нас пьянит Луна / ... В Луне загадка, жемчуг, хризолит. / В ней сонм зеркал волшебный сон творит», с. 189) и «Гадание» («Я зеркало поставил под Луной, / Восполненной до завершения круга», с. 191).

И естественно идут далее сонеты Луны: «Серп» (с. 192), «Луна осенняя» (с. 193), «Лунная музыка» (с. 194), «Владычица» («Была серпом – и стала кругом ныне», с. 195), «Обелиск» («Из высших пропастей паденье лунных брызг», с. 196), «Встреча» («Все видела глядящая Луна», с. 197), «Невеста» («И тонкий Серп бездонной высоты / С ней слился в чаровании, зеркальный», с. 198), «Венчанные» («Когда плывут над лугом луннозвонь», с. 199), «Слово» (с. 201) о Луне, «лунное слово» органично дополняют слова «причастия»: сонеты «Мгновения» («Пусть каждое мгновенье красоты», с. 203), «Отчий Дом» (с. 204), «Причастие» («Сегодня Бог прошел цветущим садом, / И час один я полубогом был», с. 205).

По «кольцу» движется/выстраивается поэтическая мысль в третьей сотне сонетов, финальной части книги «Сонеты Солнца, Меда и Луны». В первых 14-ти заглавиях шесть разворачивают метафору жизни-сна, жизни-смерти, любви-песни: «Тишина» («Дай млечность снов. И в Вечность путь открой», с. 206), «Постель» («Моя благословенная постель, / Где начинаю жить я, засыпая», с. 207), «Ковер» («Я сплю. А на стене моей ковер», с. 208), «Смерть» («Я помню, мне четыре было года / ... Когда старушка-няня умерла / ... Я думал, что цветы и озаренье / Действительность, а смерть лишь заблужденье», с. 209), «Кольца» («Ты спишь в земле, любимый мой отец / ... Я

у Реки... Когда же переправа? / И я с любовью кольца вам верну», с. 210), «Проблески» («Лишь проблески ответа я найду / ... Когда любовь я песней измеряю», с. 211). Далее восемь сонетов дают названия/имена, знаковые/заглавные образы «любимых» героев и художников/творцов/писателей: «Любимые» («... вечный блеск Франческа дан / медвяным Данте... Желанный мне, Британский сон, Тристан / С Изольдой», с. 212), «Пантера» («Ее воспел, среди острых гор, Грузин. / ... Как барс, её он понял лишь один», с. 213), «Блеск боли» («Дай сердце мне твое неразделенным», / Сказала Таризлю Нэстан-Джар», с. 214), «Два цвета» («Красив расцвет лилейно-белых чар... / ... Луна – вдали, как далека – Тамар», с. 215), «Неразделенность» («Витторио Колонна и влюбленный / В нее Буонаротти», с. 216), «Микель-Анджело» (с. 217), «Леонардо да Винчи» (с. 218), «Марло» («В нем бывший Фауст более велик, / Чем позднее его изображение», с. 219).

Внутренней поэтической силой и красотой отличается сонетный финал книги: он состоит из 14 заглавий / 42 сонетов, которые выстраиваются в уникальное книжное пространство бальмонтовского «чертога». Первые шесть стихов продолжают содержательную форму именных сонетов: «Шекспир» («Пленяясь звучным именем Шекспира», с. 220), «Кальдерон» («La Vid es Sueño / Жизнь есть Сон... / Он понял мир, глубокий Кальдерон», с. 221), «Эдгар По» («Он ведал все, он, мерз людей комета», с. 222), «Шелли» («Красивый дух, он шел – земной пустыней, / Но к Морю», с. 223), «Великий обреченный» («Он чувствовал симфониями света / ... Безумный эльф, зазыв, звенящий Скрябин», с. 224) и «Эльф» («Сперва играли лунным светом феи / ... Так Скрябина я видел за рояль», с. 225).

Последние восемь финальных сонетов с заглавиями завершают мощную композиционную/структурную конструкцию «опрокинутого сонета», закольцовывающего книгу сонетов, книгу – сонетный «чертог». Сонет «Лермонтов» состоит из 4-х стихов, воссоздающих образ поэта в контексте столетия: 1) «Опальный ангел, с небом разлученный» (с. 226); 2) «Внимательны ли мы к великим славам, / В которых из миров нездешних свет?» (с. 227); 3) «Он был один, когда душой алкал» (с. 228); 4) «Мы убиваем гения стократно, / Когда, рукой, его убившей раз, / Вновь затеваем скучный наш рассказ, / Что нам мечта чужда и непонятна» (с. 229).

Оригинальный образец поэтического диалога дает сонетный цикл «Вязь», открывающийся строкой Вячеслава Иванова «Ты по цветам найдешь дорогу к Раю» (с. 230 – эпиграф) и состоящий из трех сонетов, которые виртуозно соединяются системой рифмовки. В первом сонете начало: «И ты, кого по существу желаю / На жизненных путях встречать везде» (с. 230), конец: «И все пчела, и все к цветам склонен / В звененье крыл ввожу церковный звон» (с. 230).

Второй сонет «Вязи» начинается строкой: «Я чувствую, как стынет небосклон» (с. 231), а завершается так: «Себе хочу лишь одного: Смиренья». «Да будут беспредельны восхваленья / Того, что зажигает в сердце жар», – начинается третий сонет «Вязи», завершающийся итоговым терцетом: «Душа, покорно саван приготовь. / Запрись. Замкнись в снежистую завей, / И ты, кого люблю я и жалею» (с. 232). Из трех частей/сонетов состоит сонет «Вне знания», воссоздающий авторскую концепцию «знания вне знания», творчества «вне знания»: 1) «Что знаем мы о мыслях муравья, / И разве говорили мы с пчелой? ... Как мы творим – безвестным нам путем» (с. 233); 2) «И, может быть, что с Богом я ровесник, / И, может быть, что Им я сотворен. / Но что мне в том?» (с. 234); 3) «Моя стрела оперена мечтой, / Я для себя достану ей Жар-Птицу... Лети, душа, с доверьем за звездой, / Лети, душа, и догони орлицу» (с. 235). Троичен и следующий сонет «Рагль», в названии/заглавии которого – «ведьма Рагль, волшебница Пустыни» (с. 236), и автор создает «восточную сказку» о пути к святыне и о миражах на пути к Богу, Аллаху: «Наш длинный караван идет к Святыне» (с. 236), «но предо мною ведьмовское чудо, / Колодец, ров с играющей водой» (с. 237), «Недуг окончен зрения двойного / ... Алла Акбар! Лишь Бог один велик!» (с. 238). Три сонета образуют микроцикл под названием «Решенье», смысл заглавия которого намечается уже в начале первого сонета: «Решеньем Полубога Злополучий, / Два мертвых Солнца, в ужасах пространств, / ... Столкнулись» (с. 239), а затем рисуются картины рождения/возникновения третьего, нового, живого: «Здесь летопись возникновенья Солнца» (с. 239), «Два мертвых Солнца третье породили, / На миг ожив горением в толчке» (с. 241).

224-е сонетное заглавие книги – «Кони». В пяти сонетах цикла поэт-символист отразил историю взаимоотношений человека и коня, начиная со «славы» тому, «кто в первый раз вскочил на скакуна» (с. 242), – «и был как дух. Летел, схватясь за гриву» (с. 243), включая микросюжет о «белом коне» (с. 244–245), и завершая современностью: «Лишь в час Войны, лишь в бое, в час опасный, / На миг в возврате к прежней красоте, / Есть в ржаньи звук, с огнем времен согласный» (с. 246).

В финале книги (225-е заглавие) К. Бальмонт поместил венки сонетов «Он и Она», который представляет высшее выражение авторского сонетного мастерства как по форме, так и по содержанию. В 15-м, вершинно-сводном сонете дается поэтическая формула связи всех основных образов-символов, мотивов, идей и движения лирической мысли сонетного венка:

Он и Она – не два ли различенья
Того, что есть по существу одно?
Нам таинство разоблачает дно
Восторга, созерцанья, и мученья.

Все в мире знает верное влеченье
К тому, что здесь закончить не дано.
К звену идет ведущее звено,
Как буква к букве в слове заключенья.
Но в чем же завершающий конец
Стремленья двух к объятью? Не в печали.
Не в том, что близь опять вернулась к дали.
Пасхальная созвездность всех сердец
Обещана, занесена в скрижали.
Любя любовь, творение – Творец (с. 261)
(АввА – АввА – Cdd – Cdc).

И последнее – именное – заглавие сонета «Звездный витязь» (с. 262), связывая начало и конец книги сонетов, дает итоговый, обобщенный, «звездный» образ поэта-творца и Солнца на его небесных путях:

Не бог, но самый сильный брат богов.
Трудов свершитель самых трудных. Кто ты?
Из мира изгонял ты нечистоты
И, вольный, был содругом всех рабов.
Когда свистит вокруг твоих столбов
Морская буря, порваны темноты.
Ты гидр губил. Но пчел, творящих соты,
Не трогал ты на чашечках цветов.
Ты был как вышний ствол глухого леса.
Но также прясть могла рука твоя.
Когда ж земная порвалась завеса, –
Ты отошел в небесные края.
И Солнце мчит себя, мечту тая
Догнать в путях – созвездье Геркулеса
(АввА – АввА – Cdc – Ddc).

Таким образом, в заключение можно отметить следующее: книга «Сонеты Солнца, Меда и Луны» К. Д. Бальмонта (Москва, издание В. В. Пашуканиса, 1917) имеет подзаголовок «Песня миров», эпиграф «Слово песни – капля меда, / что пролился через край / Переполненного сердца. Испанская песня», открывается сонетом-предисловием «Чертог» и состоит из 255 сонетов (226 названий/заглавий), складывающихся в уникальную авторскую книгу сонетов, книгу символов, книгу-«чертог». От первых, программных сонетов «Чертог», «Поэт» (1–2-й), «Сонеты Солнца» (16-й) – через структурно-композиционный центр книги – сонеты «Четырнадцать» «Перевязь», «Закон сонета», «Сонет сонету» (143–146-й) – до последних: венка сонетов «Он и Она» (240–254-й) и сонета завершающего/итогового «Звездный витязь» (225-й). Автор складывает и ведет «сонетное течение» («Сохраненный январь», 177-й), в котором основными, концептуальными являются заглавные символы, «звездные знаки»: «Солнца», «Меда», «Луны», «Чертога», «Поэта», «Человека», «Мира»/«Пира», «Природы», «Творчества», «Мысли», «Игры», «Видений», «Голосов» и т. д., строящиеся в единое целое по принципам/законам «сонета», «зеркальности», «кольца» / «круга», «музыки» / «колокола» / «свирели», «дороги» / «пути» и т. п. и имеющие своей мерой сонетные «четырнадцать», «четыре», «три».

В рецензии на «Сонеты Солнца, Меда и Луны. Песня Мирова» (Берлин, Изд-во С. Ефрон, 1921) К. Мочульский верно отметил: «В этой книге стихов выявлены в чистейшем виде не только особенности бальмонтовской поэзии, но и основные черты русской символической школы вообще. В ней – богатый материал для построения поэтики символизма»⁴.

Примечания

¹ См.: Бальмонт К. Сонеты Солнца, Меда и Луны. Песня Мирова. М.: Изд. В. В. Пашуканиса, 1917. 274 с. В даль-

нейшем ссылке в тексте приводятся по этому изданию с указанием страниц.

² См.: Выгодский Д. О творчестве Бальмонта // Летопись. 1917. № 5–6. С. 251–256.

³ См.: Бальмонт К. Стихотворения / вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. Вл. Орлова. Л., 1969; Сонет серебряного века. Русский сонет конца XIX – начала XX века / сост., вступ. ст. и коммент. О. И. Федотова. М., 1990; Куприяновский П., Молчанова Н. Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001.

⁴ Русская мысль. 1921. № 10–12. С. 345–348.

Образец для цитирования:

Ванюков А. И. «Сонеты Солнца, Меда и Луны» К. Д. Бальмонта: поэтика заглавия и структура книги // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 175–182. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-175-182.

Cite this article as:

Vanyukov A. I. K. D. Balmont's *Sonnets of Sun, Honey and Moon*: The Title Poetics and the Book Structure. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 175–182 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-175-182.

УДК 821.161.1.09-312.6+929Ремизов

БЛИЗОРУКОСТЬ КАК ДАР ТВОРЧЕСКОГО ВИДЕНИЯ В РОМАНЕ А. РЕМИЗОВА «ПОДСТРИЖЕННЫМИ ГЛАЗАМИ»

Е. Г. Трубецкова

Трубецкова Елена Геннадиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, etrubetskova@gmail.com

В статье анализируются различные функции мотива близорукости в автобиографической книге А. Ремизова. Особое внимание уделяется роли данного мотива в философии творчества писателя.

Ключевые слова: А. Ремизов, «Подстриженными глазами», визуальная поэтика, мотив близорукости.

**Short-sightedness as a Gift of Creative Vision in the Novel
by A. Remizov *With Trimmed Eyes***

E. G. Trubetskova

Elena G. Trubetskova, ORCID 0000-0001-7728-2382, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, etrubetskova@gmail.com

The article analyzes different functions of the short-sightedness motive in the autobiographical book by A. Remizov. The role of this motive in the writer's philosophy is specially focused on.

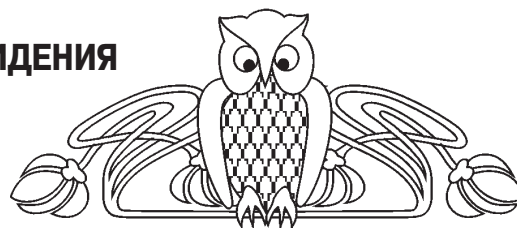
Key words: A. Remizov, *With Trimmed Eyes*, visual poetics, motive of short-sightedness.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-183-187

Алексей Ремизов разделял писателей на «глазатых» и «ушатых», себя считая «ушатым». Свою заслугу он видел в пристальном внимании к форме слова, продолжении сказовой традиции, позволяющей, с его точки зрения, отразить особенности народного мировосприятия (что в конце 1940-х было сформулировано им в «теории русского лада»). В рабочих тетрадях к книге «Лицо писателя» он признавался: «Весь мир для меня выражается словом, сочетанием слов, мир – словарь <...> Слова меня трогают – я чувствую их взгляд, рукопожатье»¹.

Но это одна из версий тщательно творимой автором собственной биографии. В другом варианте звучит: «... иногда мне кажется, что мне легче нарисовать, чем выразить словом, – по моей беспомощности на слова и тугому на слово, памятливому лишь на движения и цвет (курсив наш. – Е. Т.)»². Подробно описывает свою необыкновенную (во всех смыслах этого слова) «глазатость» Ремизов в художественной автобиографии «Подстриженными глазами», имеющей подзаголовок «Книга узлов и закрут моей памяти».

Работать над книгой автор начал с конца 1920-х гг. Изначально текст имел оксюморонное

название «Каторжная идиллия» с подзаголовком «Стоглавая повесть». А. М. Грачева видит в подзаголовке отсылку к роману-коллажу Макса Эрнста «Стоглавая женщина» (1929)³. В конце 1930-х разросшийся текст был разделен писателем на два произведения: «Подстриженными глазами» (закончено в 1933 г., доработано в 1946 г., опубликовано в 1951 г.) и «Учитель музыки» (окончено в 1949 г., опубликовано в 1983 г.)

Заглавие книги – «Подстриженными глазами» – содержит необычный визуальный образ, вызвавший в свое время неоднозначную реакцию современников. Георгий Адамович писал: «Никто, вероятно, во всей русской литературе, за все время ее существования, не решился бы книгу так назвать, и Ремизов это прекрасно знает <...> Что писатель хотел сказать, кто и как подстриг ему глаза? Признаться, недоумеваем и мы тоже»⁴.

Сам писатель в рабочих тетрадях к книге «Лицо писателя» дает философскую трактовку заглавного образа. «Опаленные купальским огнем глаза – “подстриженные”. Пламенем прожег пелену (покрывало) Майи, отсюда глубина видения и разнообразие, для простого глаза пространство трехмерно, а пространство многомерное, нет пустоты, все пронизано <?>, как в сновидении»⁵. Или в «Интервью»: «“Подстриженные” определение зрения: таким глазам открыта большая реальность, чем нормальным глазам. И так можно сказать: мир явлений доступней человеку глубже, разнообразнее. С просветом в скрытую недоступную сущность вещей по Канту. “Покрывало Майи” на глазах подстрижено»⁶. Образ «покрывала Майи» из индуистской философии в соседстве с упоминанием имени Канта отсылает читателя к трактату Шопенгауэра «Мир как воля и представление». Философ, описывая принципиальное влияние «Критики чистого разума» на формирование своей концепции, отмечал, что условность и недостижимость «реалистического» познания была сформулирована еще в индуизме, утверждавшем, что «весь этот воспринимаемый мир есть лишь ткань Майи, которая, как покрывало, брошена на глаза всех смертных и позволяет им видеть лишь такой мир, о котором нельзя сказать ни что он существует, ни что он не существует: ибо он подобен сновидению, отблеску солнца на песке, который издали представляется путнику водой, или брошенной веревке, которая кажется ему змеей»⁷.

В рабочих тетрадях писатель поясняет метафорический перенос: «“Подстриженность”

переносу с “покрывала” на глаза. А мое внутреннее зрение – глаза духовной моей сущности. Моя память прошлого и моего видения будущего в какой-то мере говорит за мои внутренние глаза <...>⁸

В тексте романа заглавный образ раскрывается в нескольких смыслах. Прежде всего – как метафорическое обозначение врожденной сильной миопии (близорукости), которая, как показывает сам Ремизов, обусловила его уникальное восприятие окружающих предметов, людей. Описание мира с точки зрения ребенка, удивляющегося всему и видящего загадочность и таинственность обычных вещей, создает эффект «остранения», разрушающего «автоматизм восприятия», о чем писали формалисты. В романе Ремизова подобный модус изображения усилен: автор вводит мотив физической деформации зрения.

Физический недостаток, близорукость, создающая «укорочение пространства» (как писал страдающий этой же болезнью современник Ремизова Сигизмунд Кржижановский), становится причиной уникального видения. «Я любил смотреть на небо – какие грозные чудовища, дымящиеся рыбы хвосты и гигантские плавники, рогатые и крылатые, плыли надо мной, и цвет их менялся, и от цвета менялась их форма; я любил вглядываться в сучки на свежем тесе – какие неподобные носы, прячась, выглядывали на меня из своих ореховых окошечек; <...> жмурясь перед сном, я мог вызвать и этих чудовищ, проплывавших по небу, и карликов, прячущихся в сучках, и лес – узорную чащу “морозных цветов”, я засыпал с ними, и с моим сном переходили они в сновидения» (55–56). Позднее Ремизов говорил о «другой реальности», недоступной обычному человеку, реальности, которая была открыта только его деформированному зрению: «“Подстриженные глаза” еще означает мир кувырком, евклидовы аксиомы нарушены, из трех измерений переход к четырем. Эти глаза подняли меня в мир сновидений, а также открыли дорогу в подземную глубь черной завязи жизни»⁹.

Автобиографический герой романа Ремизова обладает и удивительным внутренним зрением. События его реальной жизни, факты, взволновавшие его при чтении книг или услышанные из рассказов взрослых, связываются в его сознании как части единого волшебного узора, не видимого для обычного глаза за «покрывалом Майи». Герой ведет беседу с явившимся ему Александром Блоком; пожар сахарного завода, который он видит из окна в детстве, позднее поможет ему с мельчайшими подробностями «увидеть» пожар в типографии первопечатника Ивана Федорова и сожжение протопopa Аввакума, которого Ремизов считал своим духовным наставником: «При первопечатнике Иване Федорове я был писцом, и под грозой печатного слова в отчаянии поджег типографию на Никольской, “Печатный Двор”, через столетие я служил наборщиком в той же самой восстановленной после пожара типографии, при-

верженец старой веры и старого пения» (112). Вот как описывает он смерть Аввакума, «очевидцем» которой становится: «Не сводя глаз, я следил – огонь уж шел; и шел, как хрюпающая пасть; а дойдя до ног, разлился, поднимаясь. В глазах я видел ту же убежденность – там, на Печатном Дворе в пожар я видел ее в глазах первопечатника Ивана Федорова, оба под-рост, но не гнев и укор, в его глазах горела восторженная боль. Огонь, затопив колена, взбросился раскаленным языком и, гарью заткнув рот, лизнул глаза, и, свистом перебежась в разрывавшейся клоками бороде, шумно взвился огненной бородой над столбом. И запылал костер. <...> Тяжелым горьким дымом наполнило горло, я только слышал, как рухнули четыре столба – один за другим четыре... “сердце озябло и ноги задрожали”» (113–114). На наш взгляд, в первой части описания казни можно видеть аллюзию на картину Григория Мясоедова «Сожжение протопopa Аввакума» (1897): белый березовый сруб, столбы с привязанными узниками, огонь, «как хрюпающая пасть», «восторженная боль» в глазах казненного. Но писатель «продлевает» запечатленный художником момент казни: ремизовский рассказчик видит, как огонь «разливается» и взвизывает над столбом, охватывает лицо и бороду Аввакума; как «перегорев, скручивавшая руки веревка распалась, упали свободные черные руки и скрюченными пальцами, как львиные лапы, крепко вонзились в его пылавшую русскую землю» (114).

Сострадание и боль пронизывают самые яркие картины, запечатленные в сознании героя. Сам он считает, что именно острое чувство боли в раннем детстве способствовало пробуждению его особого видения и восприятия мира: «Мое пробуждение вышло из крови, больно. Затяев какую-то игру <...>, я влез на комод и с комода упал носом на железную игрушечную печку. И с ясностью последних минут приговоренного к казни (я это встретил в “Идиоте” Достоевского) я увидел на моем белом пикейном платье, а меня еще наряжали, как девочку, по белым рубчикам кровь и из сини окон свинцовую грозовую тучу, белую башенную стену и колокольню Андрониева монастыря, красный, утыканный, как щетка, гвоздями – острием забор перед домом, усагих турок в зеленых шароварах на обоях детской – турки, высоко подкидывая ноги, плясали! И не так от боли, а что вдруг – а это и есть пробуждение: вдруг – я увидел “весь мир” – какой мир!» (26–27).

Сильная миопия – одиннадцать диоптрий, как выяснится позже, – становится причиной неуспешных попыток автобиографического героя стать художником, рисунки героя вызывают насмешки соучеников, гнев учителя. В них отражается какая-то другая реальность, недоступная обычному глазу. «Если пристально вглядываться в какой-нибудь предмет, то этот предмет или фигура начинает оживать, вот что я заметил: из него как будто что-то выползает, и весь он движется.

Я рисовал этих движущихся “испредметных” – с натуры» (49). «Испредметными» называет герой нарисованные им образы, поскольку они, как считает рассказчик, сами появляются – «выползают» – из окружающих «предметов». Кроме того, начав разрисовывать обои и неожиданно для себя увидев причудливые фигуры, рождающиеся под его рукой, ремизовский герой понимает: «...“испредметное”, значит, <...> не только в предметах-вещах и в живых лицах, а также и в самом материале – в бумаге, и для вызова к жизни не требуется никакого внимания – всматривания, глаз совсем ни при чем, а надо только как-то коснуться» (55).

Деформированное зрение позволяет создать герою уникальный мир, но делает его изгнанником в мире реальном: «...обладать такими диковинками, какие открыты моим глазам, зря не проходит. В “жизни” для меня, в “реальном”, потеряны концы, и оттого постоянная путаница – путаница и места и времени, – и житейская несообразительность. И вот среди “нормально” зрячих в неразберихе трезвой жизни я, как пугало, и конечно, у меня много врагов, а матерьяльно я – нищий» (103).

Несколько раз в романе появляется сравнение с «загнанным в капкан зверьком» (31): «Я не отдавал моих глаз земле, как однажды свои отдал крот, но я мало чем отличаюсь от крота. А между тем доля человека начертана мне при моем появлении на свет» (20). В другом месте рассказчик замечает: «...недаром у меня было свое звериное прозвище: “крот”!» (148). Позднее Гэри Дженнингс в романе «Ацтек» опишет существование героя, практически потерявшего зрение в семилетнем возрасте, которому соплеменники дают прозвище Тоцани – «маленький зверек, крот». Но, в отличие от героя Ремизова, близорукого от рождения, Ацтек, изначально обладавший острым зрением, «видеть очень хотел и в юности долгое время отчаянно сокрушался из-за своего недостатка»¹⁰.

В романе Ремизова болезнь глаз главного героя становится причиной инаковости, отделяющей его от сверстников. «Из самой глубины моего сердца я чувствовал тяготеющее проклятие на себе» (31). Но сильная близорукость героя является не только признаком ущербности, слабости (как в произведениях советских авторов 20–30-х годов), а уникальным даром. А. М. Грачева показывает связь разработки образа героя в автобиографическом повествовании Ремизова с романтизмом¹¹. Герой наделен удивительным даром, отличающим его от обычных людей, которые не понимают его. Но одновременно он выше заурядных людей и ущербнее их: сам себя он ощущает «уродом», «карликом», «цвергом», «пугалом».

Наблюдения А. М. Грачевой можно дополнить и рассмотрением мотива пошлости, проходящего через весь текст произведения. Это размышления над опубликованными Полем Элюаром популярными почтовыми открытками,

среди которых большинство «...любовные и влюбленные-поцелуйные, “головки” прославленных красавиц, жены с моноклями и бытовые сцены: дружба, клятва, ревность» (51). Привычные глазу растиражированные образы чувства «напоказ» воспринимаются героем как унижающие человека: «...да разве это не чудовища, не чудовищно?» (51); «или это, но это не с открытки, а из жизни: спортивный мордач на тоненьких ножках, а штаны-бэбэ или женом с короткими рукавами-руками в шерсти или, а это сейчас у нас под окном: мальчик в высоком цилиндре пляшет под скрипку... – и это не кошмар?» (52). Обыденная реальность ужасна, но она привычна. Понимание Ремизовым пошлости близко к чеховскому, а из его современников типологически совпадает с набоковским – это норма общего вкуса, заурядность: «“Пошлая дорога – проторенный путь”». Так я делю литературных критиков и критикующих читателей на пошляков и необыкновенных – пытливых»¹². Этот пошлый мир рассказчик не принимает, стремится уйти от него в мир своих снов и необыкновенных видений, что характерно для романтического героя. «Что черного в моих чудовищах, когда вот она перед моими глазами, чернющая пошлость, и почему же никому не приходит в голову прежде и раньше всего освободиться от ее чудовищности? или все так привыкли, весь мир сжился и никто не замечает, а чудовищность и уродства ищут совсем-совсем не там» (51).

Один из поворотных моментов в развитии сюжета произведения и в жизни автобиографического рассказчика – обращение к врачу, поставившему диагноз («одиннадцать диоптрий»), и необходимость носить очки. Теперь он видит «как все». Но это приводит к разочарованию: «И когда я надел очки, все переменялось: как по волшебству, я вдруг очнулся и уж совсем в другом мире. Все стало таким мелким, бесцветным и беззвучным – ждалось, поблекло и онемело; оформилось и разгордилось. Не то солнце – моя неизбывная гроза! – игрушечный дракон; не те звезды – погасли кометы! – никогда я не думал, что звезд бесчисленно и все бесхвостые, а блеск их – только в стихах...» (61–62).

В литературе образ очков традиционно акцентирует «тему взгляда». Как показал Ц. Тодоров на примере анализа произведений Гофмана, одна из частотных функций данного образа – введение в сюжет фантастического начала. Очки как метафора зрения, отделенного от субъекта, вводят «другую реальность», недоступную обычному профанному взгляду. Среди современников Ремизова подобную разработку образа очков (и его варианта – пенсне) можно видеть в произведениях С. Кржижановского¹³. Например, пенсне, упавшее в сковородку с глазуньей, создавая неожиданный визуальный образ («Два стеклянных эллипса прижались к огромным, выпученным, лишенным зрачков желтым глазам и смотрели на меня снизу вверх»), оживает и обращается к герою: «Но убеж-

ден ли ты, что я делюсь всем, что вижу, <...> с твоими глазами? А может быть, я отдаю им лишь то, что считаю нужным отдать, а остальное удерживаю для себя?»¹⁴. Случайное соединение предметов (ср. с манифестами сюрреализма) приводит к отчуждению привычного объекта – «простого стеклянного двуглазья с глупым именем: пенснэ».

У Ремизова мы видим другое. Очки не открывают герою фантастический мир, а, наоборот, возвращают его в обыденную реальность, делают его таким, как все. Это новое видение расценивается как утрата дара: «Если бы можно – да некуда! и бесповоротно! – не уйти и не скрыться от этого резко-ограниченного трезвого мира, от оголенного математического костяка, преследующего каждый твой шаг, каждый твой взгляд, каждый поворот. Так вот она какая натура!»

Бедные! бедные! бедные! люди – обездоленное нищее человечество! – тупая норма и нормальная тупость» (61). Или: «Теперь же став рабом Эвклида, лишенный непосредственного чувства к тому “бушующему” мятежной стихии, скрытой за геометрией и что было мне когда-то осязательно, очутившись в “общем порядке”, я понял, какая пропасть отделяла меня от других, умевших, рисуя, передать “натуру”, как жизнь моя была непохожа, как и мир мой – подлинно чудовище, единственный со своей “натурой”» (63).

Возвращение в «наполненный красками мир» для героя становится возможным через творчество: через рисование или погружение в мир литературы. «Спрятавшись от видимого мира – знать, не очень-то мне показался! – погрузившись в мир книг, я продолжал рисовать. Я рисовал даже и тогда, когда изводимый толстовским “зачем” и “для чего” и проникнувшись толстовскими взглядами, отверг всякое искусство <...> Только я уже не рисовал свои “испредметные” – тот мир для меня навсегда закрылся! – я рисовал мелкие вещицы, камушки, песчинки, всю ту “Чехонинскую” мелочь, доступную лишь близорукому» (61).

Обрести утраченный мир в серой реальности становится возможным при чтении. «Но теперь книга стала для меня все: я читал на уроках, в перемену и дома вечерами, пока не гасили свет. Я точно разыскивал в книге чего – потерянное?» (63) Герой потрясен открытием того, что его необычное видение обычных вещей знакомо и другим. Более того, оно уже воплощено в слове: «...имея и нормальный глаз и ограниченное поле зрения, человеческий гений, входя, вдвигаясь и проникая в глубь в этом ограниченном поле размеренной “натуры”, добирается до того “чудесного блеска”, что над блеском, доступным простому глазу, и проникает к “волшебному сиянию”, примешивающемуся к сиянию месяца: гений Гоголя и гений Толстого» (61–62).

Черты собственного тайного мира герой узнает и на полотнах художников. «И когда в первый раз я увидел “натуру” Босха и Брейгеля, меня несколько не поразили фантастические чудовища:

глядя на картины, я почувствовал какой-то сладкий вкус, как от мороженого, и легкость – дышать легко, как на Океане, или так еще: как в знакомой обстановке» (50).

Напоминание о подлинных красках реальности, скрытой под «покрывалом Майи», ремизовский рассказчик видит, рассматривая бабочек. «А еще, собирая бабочек, я составлял гербарий: цветы и пестрые крылышки мне что-то напоминали из моей, канувшей навсегда, “натуры”. Я заметил, что сплошных красок в природе не существует и, чтобы передать переливы, я взялся за разноцветные камушки и лоскутки. Мозаика и ковры! Из шелковинок, лоскутков, кусочков все мои “чудища” моей глубокой памяти, как и нимбы на лицах и мордах не иконография, а неотделимое от моего прошлого зрения осияние» (67–68). Связь образа бабочки с видением «другой реальности» в романе Ремизова неожиданно сближается с разработкой этого образа в прозе Владимира Набокова, у которого бабочки вводят мотивы «потусторонности», преодоления времени и смерти, возвращения в утраченный рай детства¹⁵.

Размышляя о возможности и границах человеческого познания, Ремизов центральную роль отводит зрению. «“Учиться” – значит навывать выражаться по-своему – давать свои имена, красить на свой глаз <...> Природа безразлична. И только под глазом человека <...> происходит обособление – формация»¹⁶.

Видение мира индивидуально. Но автор уверен, что настоящий творец может фокусировать взгляд своих читателей/зрителей. Здесь заглавный образ книги получает еще одно значение: «Учиться писать – настраивать свой глаз. <...> Пример глазости – Гоголь <...> Научить смотреть по-своему нельзя. Можно другому открыть глаза. Пример: Э. Т. А. Гофман открыл глаза Достоевскому. Гофман – подстриг глаза и Одоевскому, и Погорельскому»¹⁷. «Подстриженными» Гофманом и Гоголем глазами смотрит на мир ремизовский герой. Талант писателя позволяет увидеть привычный мир по-новому, чтение становится тем «волшебным глазом», о котором слышал герой в детстве от няни, глазом, который открывает своему обладателю «все мысли и желания человеческие <...>, как свои» (28). «Подстриженными глазами» Ремизова начинает смотреть на мир читатель его книги.

Примечания

- ¹ Ремизов А. Лицо писателя. Материалы к книге // Грачева А. М. Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910–1950-е годы). СПб., 2010. С. 376.
- ² Ремизов А. Подстриженными глазами // Ремизов А. Собр. соч. : в 10 т. Т. 8. М., 2000. С. 66–67. Далее текст цитируется по данному изданию с указанием страниц в скобках.
- ³ См.: Грачева А. Указ. соч. С. 109.

- ⁴ Адамович Г. Новое русское слово. <Нью Йорк>, 1951. 30 дек. Цит. по: Грачева А. Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910–1950-е годы). С. 463.
- ⁵ Ремизов А. Лицо писателя. Материалы к книге. С. 439.
- ⁶ Там же. 331–332.
- ⁷ Шопенгауэр А. Собр. соч. : в 6 т. М., 1999–2001. Т. 2. С. 186.
- ⁸ Ремизов А. Лицо писателя. Материалы к книге. С. 332.
- ⁹ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. 1959. С. 131–132.
- ¹⁰ Дженнингс Г. Ацтек. СПб., 2013. С. 75.
- ¹¹ См.: Грачева А. Указ соч. С. 138–139.
- ¹² См.: Ремизов А. Лицо писателя. Материалы к книге. С. 341.
- ¹³ См. подробнее: Трубецкова Е. «Глазунья в пенсне» : опыты «остранения» Сигизмунда Кржижановского // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 61–66 ; *Ее же*. «Ракетка и глаз, брошенный в пространство» : визуальные коды русского формализма в новеллах Сигизмунда Кржижановского // Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание / сост. Я. Левченко, И. Пильщиков. М., 2017. С. 611–621.
- ¹⁴ Кржижановский С. Глазунья в пенсне // Кржижановский С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 5. СПб., 2010. С. 169.
- ¹⁵ См., например: *Формозов Н.* Возвращение Феба. О бабочках Набокова // Новый мир. 2013. № 12. С. 130–139.
- ¹⁶ Ремизов А. Лицо писателя. Материалы к книге. С. 307.
- ¹⁷ Там же.

Образец для цитирования:

Трубецкова Е. Г. Близорукость как дар творческого видения в романе А. Ремизова «Подстриженными глазами» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 183–187. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-183-187.

Cite this article as:

Trubetskova E. G. Short-sightedness as a Gift of Creative Vision in the Novel by A. Remizov *With Trimmed Eyes*. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 183–187 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-183-187.

УДК 821.161.1.09-31+929Пастернак

ПИСЬМА В СЮЖЕТЕ И КОМПОЗИЦИИ РОМАНА Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

Н. И. Павлова

Павлова Наталия Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, pim60@mail.ru

В статье обосновывается вывод о том, что переписка персонажей романа Пастернака представляет собой мотивированную сюжетом сложную многоуровневую систему письменной коммуникации, в основе которой лежит мысль семейная, осложненная системой интертекстуальных связей.

Ключевые слова: Б. Л. Пастернак, «Доктор Живаго», письмо, мысль семейная, сюжет, композиция.

Letters in the Plot and Composition of the Novel by B. L. Pasternak *Doctor Zhivago*

N. I. Pavlova

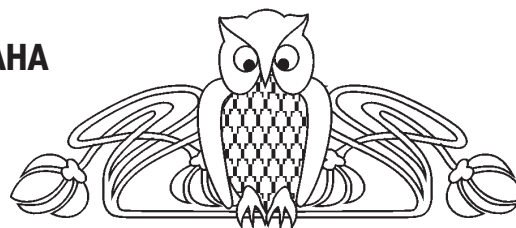
Natalia I. Pavlova, ORCID 0000-0001-6284-5330, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky, 112, Bolshaya Kazachia Str., Saratov, 410012, Russia, pim60@mail.ru

The article substantiates the conclusion that the correspondence of the characters in Pasternak's novel is a plot-motivated complex multi-layered system of written communication based on the family idea, expanded by a system of inter-textual links.

Key words: B. L. Pasternak, *Doctor Zhivago*, letter, family idea, plot, composition.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-188-194

Письма персонажей являются важным сюжетно-композиционным элементом, позволяющим автору изображать их письменное общение в условиях вымышленного мира художественного произведения, структурировать пространственные и временные параметры изображаемых событий, обозначать перспективы их восприятия¹. Как самостоятельный текст, лежащий в основе реальной письменной коммуникации, письмо представляет собой законченное смысловое целое, обладает формальной завершенностью, стилистическими и композиционными особенностями. Тексты писем относят к внесюжетным компонентам произведения, а их отправку или получение – к элементам сюжета, мотивированным обстоятельствами сюжетного действия, но не ограниченного ими². Письмо рассматривают как единицу композиции – «“микрособытие” рассказывания, образующее в совокупности единое событие рассказывания всего произведения»³, включающее обстоятельства написания и эпизоды их появления, чтения и рефлексии на них.

Письма являются одним из средств создания психологических портретов персонажей, поскольку данный жанр речевого общения ориентирован на адресацию своих чувств-мыслей в письменной форме и потому обладает такими стилистическими особенностями, как «естественный способ экспликации себя как личности», «непринужденность отношений с адресатом»⁴.

В нашем исследовании письмо рассматривается как элемент содержательной формы произведения, который является частью сюжета, включающим рассказ о событиях, передающим наиболее значимые детали жизни и чувства персонажей, углубляющим их психологические характеристики, совмещает интенции адресанта и адресата и представляет собой «многоуровневую рецепцию» события «разноуровневыми реципиентами»⁵. Письмо – это своеобразное «композиционное замещение авторского слова», которое «используется автором как точка зрения, как позиция, необходимая ему для ведения рассказа»⁶. Как жанр речи может быть представлено текстом, его фрагментом, пересказом, упоминанием о нем, рефлексией на него.

В пастернаковедении нет специальных работ, посвященных письмам в структуре романа, в то же время отмечена «установка на эпистолярность» как принцип работы Пастернака над «Доктором Живаго», которая, по мнению исследователей, обусловлена и философско-эстетическими принципами литературы Серебряного века, и внутренней эволюцией писателя⁷. По мнению С. Бутова, «роман приобрел качество послания к “избранным”, которое оказалось предназначено всему миру и было прочитано им»⁸, с чем трудно не согласиться (курсив наш. – Н. П.). Добавим, что в романе «установка на эпистолярность» проявляется и в том, что письма позволяют Пастернаку «раскрыть себя через другого с иной жизненной судьбой», не убеждая «читателя в правильности своих суждений, своих колебаний»⁹. Письма-послания Юрия и Тони, отражающие их душевные переживания и духовный опыт, соответствуют жанровой природе «Доктора Живаго» как «лирической исповеди»¹⁰, прозы лирического самовыражения, «прозы поэты»¹¹. Автометаописательность, отличающая работу в эпистолярном жанре многих писателей¹², позволила Пастернаку через письма раскрыть «мысль семейную» – одну из самых значимых и трагичных в романе. Известно, что для автора, как и для его героя, «неизменным оставалось только преклонение <...> перед стройностью и осмысленностью семейного уклада и созидающей его

женщиной»¹³. А свое «чувство смертельного беспокойства за судьбу жены, преклонения перед ней и собственной вины, происходящее от осознания своего бессилия, пережитые в момент появления на свет первенца»¹⁴, Пастернак описывает в главе, сюжетно и композиционно связанной с мобилизацией Юрия и началом переписки супругов.

Функции письма в романе обуславливаются его полифонической структурой, которая позволяет автору быть объективным в изображении взаимоотношений персонажей, при этом его невмешательство выражается композиционно: Юрий всегда показывается в ситуации «между», и последнее слово никогда не остается за главным героем. Особенностью эпистолярия является и то, что в нем воплотилась творческая установка Пастернака на «художественное осмысление творческой практики художников-предшественников и современников»¹⁵. Анализ романа показывает, что в письмах обнаруживается целая система интертекстуальных связей, которая «позволяет выявить не только глубинные смыслы текста, но и условия его прочтения»¹⁶.

В романе Б. Л. Пастернака переписка охватывает события с 1911 («Елка у Свентицких») по 1929 г. («Окончание») и содержит два взаимосвязанных плана повествования – личностный и исторический, что связано с проблематикой и особенностями жанра «Доктора Живаго» (далее – ДЖ). Все письма связаны между собой героем, именем которого назван роман, а вся переписка на сюжетно-композиционном уровне виртуально соединяет между собой членов семей главных героев: Андрея и Марию Николаевну (родители Юрия), Андрея Живаго и княгиню Столбунову-Энрици (родители Евграфа), Юрия и Тоню (родители Саши и Маши), а также семьи Живаго (Тоню и Юру) и Антиповых (Лару и Павла).

В ДЖ отчетливо выделяется композиционный центр эпистолярия – фронтальные письма Юрия и Тони и ее прощальное письмо. Их лирическая исповедь тоже имеет свои особенности: она обрамлена письмом о Живаговском наследстве и многочисленными микрособытиями из жизни супругов Антиповых и Живаго, связанными с их письменной коммуникацией. При этом обрамление составляют письма, содержание которых восстанавливается из устных реплик героев. Переписка Живаго и Антиповых, обусловленная «назревшими неизбежностями»¹⁷, вводится в роман параллельно. Благодаря «принципу контрапункта»¹⁸ судьбы двух супружеских пар, как и судьбы отца и сына Живаго, зеркально отраженные в письмах, словно совмещаются. В композиции сюжета «соединяются» и две семьи доктора, о которых говорится в двух смежных главах: письма «оттуда» словно дают толчок доктору Живаго для вдохновения, и уже на третий день из писем трем адресатам становится известно о его твердом намерении «заняться делами» (483).

Рассмотрим особенности воплощения в письмах мысли семейной. Персонажами первого

в сюжете романа письма являются представители четырех семей: родная и приемная, воспитавшая Юрия, и две созданные и покинутые его отцом; персонажи последних писем – члены двух семей Юрия – Тоня и Марина. Персонажи названных писем сопоставляются благодаря принципу композиционного изоморфизма¹⁹: обе семьи обоих Живаго – «покинутые» (19). Оба отца Живаго оставляют немалые деньги, но Юрий, возможно, наученный горьким опытом отца, позаботился о материальном благополучии своей семьи, благодаря чему «детям наняли няню», а «Марину опять приняли на телеграф» (483). Композиционное и тематическое единство эпизодов подчеркивает трагическое одиночество Юрия, повторившего судьбу своего отца. Стилистическое единство микрособытий выражается и в одинаковом способе передачи информации – ее аналитическом пересказе.

Два письма Юрия с фронта, зеркальные по отношению к двум письмам Тони, пронизаны их мыслями о семье, доме, верности друг другу. Система интертекстуальных связей углубляет характеры персонажей ДЖ. Тоня и Юрий, подобно героям «Капитанской дочки», пишут письма, которые содержат два взаимосвязанных плана повествования. Обоим писателям важно через чувства человека, вовлеченного в водоворот событий, через его духовные и общественные устремления раскрыть историческую эпоху. Очевидно совпадение некоторых мотивов написания писем в обоих романах и рефлексии на них. Приписка Ивана Кузьмича «по секрету» созвучна «Вместо постскриптума» Живаго. Правда, комендант, в отличие от Юрия, пытается скрыть от жены положение дел. Огорчение и негодование отца Гринева, выраженное в его письме «Сын мой Петр!», «Что из тебя будет?»²⁰, созвучны интонации письма Тони: «О Юра, Юра, милый, <...> да что же это такое?» (414). Исповедальность характерна письмам супругов Живаго и письмам Татьяны и Онегина, в них один и тот же круг тем, лиц, сходный план выражения – интонационный, тематический, композиционный. Прощальное письмо Тони является итогом ее долгих переживаний и единственным свидетельством встречи обеих женщин, которых любил и между которыми разрывался доктор Живаго. Драматизм письма Тони, раскрывающего ее характер и являющегося кульминацией и одновременно развязкой во взаимоотношениях супругов, сродни письмам многих ее литературных предшественников²¹. Реминисценции с состоянием Веры Павловны, получившей письмо от Дмитрия Лопухова и вдруг ощутившей глубину своей вины, становятся одним из «условий прочтения» образа Юрия Живаго, получившего письмо Тони. «Сухие от горя, опустошенные страданием» глаза, обморок, потеря сознания выражают и его глубокое страдание.

От записки Лары, «довольно длинной, на большом листе» (377), адресованной Юрию, веет домашним теплом, заботой и счастьем, его персонажами тоже являются семьи – Лары и Тони.

В разговоре с Ларой Юрий признается: «Меня беспокоит, что все мои письма в Москву остаются без ответа. Надо добраться туда и выяснить, что с домашними» (406). «Приятной новостью» (481), наравне с установлением равенства с Мариной, называет доктор возобновившуюся после «почти пятилетнего перерыва» переписку с семьей. Именно из писем Юрий узнает о судьбе детей, жены и тестя.

Единственное письмо извещает Марину о том, чтобы она не беспокоилась и не искала Юрия. Сближение с ней он «в шутку» называл «романом в двадцати ведрах, как бывают романы в двадцати главах или двадцати письмах» (476). Литературные реминисценции с эпистолярным наследием XIX в.²² не только актуализируют, но и углубляют мотивы, многие из которых помогают понять положение и чувства «близкой ему женщины» (483). Аллюзии с письмом студента медицинской академии Лопухова Вере Павловне очевидны. Оба – Дмитрий и Юрий – извещают о своем уходе и пытаются объяснить свой поступок. Письма объединяет поэтика таинственного. Кроме того, поступок Лопухова, как и Павла Антипова, обусловлен желанием семейного благополучия Веры, ради чего он «сходит со сцены». И для Павла «желаемый выход» «нашелся». Он тоже мог написать Ларе: «Я смущал ваше спокойствие. Я схожу со сцены. Не жалеете; я так люблю вас обоих, что очень счастлив своей решимостью. Прощайте»²³.

«По письму от Юрия Андреевича» (482) получают Гордон и Дудоров, которых просят позаботиться о его семье. Мысль семейная акцентируется и в способах передачи содержания писем: наиболее драматичные фрагменты цитируются. «О Сашеньке и его будущем не беспокойся...» (131), «Ты с ума сошла, Тоня, какие подозрения!» (132).

Обратимся к анализу эпистолярия в романе. Появление первого письма не мотивировано сюжетом и, на первый взгляд, никак не соотносится с дальнейшими событиями, оно анонимное, отсутствует и его текст. Однако время его появления не просто обозначено – середина декабря» 1911 года, оно связано с известием о существовании десятилетнего сводного брата и с ключевым событием в жизни Юрия и Тони. В кольцевой композиции сцены обсуждения письма заключается особый художественный смысл: главным персонажем, на первый взгляд, является Анна Ивановна, которая, восхищаясь «выходным платьем» Тони, как бы к слову заговорила о письме. Заканчивается разговор столь же неожиданно, на полуслове. Женщина «тут же продолжала: “Я вспомнила его имя...”». Микрособытие заканчивается тем, что мать «сговорила» Юрия и свою дочь. Анну Ивановну, кажется, совсем не интересует мнение Юры, поэтому содержание написанного как будто уходит на второй план. Ее манерность тоже противоречит ситуации, в которой оказался Юрий, получивший столь скандальное письмо. Игривости ее тона противопоставлена аргументированная речь Юрия. Он уверенно, логично

излагает свою позицию, в которой нет места компромиссу: «Итак, во-первых...» (71). Реминисценции со стараниями Анны Павловны Шерер и князя Василия, решивших сосватать Пьера и Элен, обогащая восприятие образа матери Тони, усугубляют положение Юрия, которому намекают на необходимость борьбы за наследство, поскольку «деньги, назначенные на Юрино содержание», были давно потрачены «в свою пользу» «безалаберным стариком и пустомелей» Остромысленским (41). Однако пафос речи Юрия вызван не ее настойчивостью, а содержанием письма.

Юрию сообщают о существовании наследства его отца и о тяжбе вокруг него. Отметим, что точка зрения на мир Юрия обнаруживается в кругу семьи, где он воспитывался в течение десяти лет после смерти родителей. Словно оправдываясь перед приемной матерью, Юрий уверяет ее, что «если бы что-нибудь можно было обратиться в деньги», он не стал бы дарить их суду и воспользовался бы ими. Мнение Юрия обнаруживается и в его рефлексии на «увлечения» отца. Воспитанный в атмосфере уважения и любви к маме (отметим, что именно так он и называет Марию Николаевну в разговоре с Анной Ивановной), он не обсуждает скандальных подробностей, изложенных в письме. Юрий говорит о Madame Alice и княгине Столбуновой-Энрици как об «искусственно созданных соперниках», чьи «недоброжелательство и зависть» вызывают в нем тяжелые чувства, подобные слезу. Вводное слово «оказывается» помогает понять чувства юноши, которому указали на ранее неизвестное обстоятельство и даже «показывали фотографию особняка», в котором княгиня Столбунова-Энрици с сыном живет «затворницей». Из монолога Юрия становятся очевидными не только интенции адресанта, но и формы его поведения, в том числе языковые. Доверенное лицо, адвокат, осведомленный о положении дел покойного Андрея Живаго, провоцирует Юрия на тяжбу за наследство, как десять лет назад проделывал те же манипуляции с его отцом, из-за чего тот бросился с поезда. Однако очевидна и компетентность Юрия, уверенного в том, что «тяжба – дутая», что за «несуществующим имуществом» – долги, путаница и грязь.

«Многоуровневая рецепция» письма «разноразноуровневыми реципиентами»²⁴ обнаруживается в лице тех, кому Юрий «сам велел показать это письмо»: Николай Николаевич и Анна Ивановна считают, что Юре «не надо было отказываться» от «тяжбы» за наследство. При этом мнение дяди только констатируется, Анна Громеко же не только инициирует разговор, но и оставляет последнее слово за собой, а Юрий решительно настроен против.

Вместе со скандальными подробностями об увлечениях отца Юрия в роман вводится новое действующее лицо – Евграф Живаго. Способы введения в сюжет сводного брата Юрия заслуживают особого внимания. Имя десятилетнего мальчика звучит в контексте характеристики его

мамы – «мечтательницы и сумасбродки» (71). Двойственность оценки событий и их участников, почерпнутых Юрием из письма, очевидна. С одной стороны, понимание угрозы со стороны якобы посягающей на наследство «особы», с другой – сочувствие мальчику, живущему с ней «безвыездно», «на окраине Омска на неизвестные средства», правда, в богатом пятиоконном особняке... (71).

Реминисценции с письмом Пульхерии Александровны, тоже открывающем переписку в «Преступлении и наказании» и содержащем информацию о непростых семейных отношениях супругов Свидригайловых, а также о предстоящем замужестве Дуни, обнажают драматизм судеб главных героев. В жизнь обоих вторгаются люди, представляющие угрозу их семьям. Лужин одного поля ягода с Комаровским. Будучи адвокатами, оба действуют в соответствии со своими моральными принципами – эгоистично и цинично, вопреки возложенным на них функциям юристов. Парцеллированная конструкция «и адвокаты», завершающая монолог Юрия и являющаяся своеобразным «композиционным замещением авторского слова»²⁵, указывает, скорее всего, и на адресанта письма.

Переписка супругов Антиповых и Живаго имеет сюжетообразующий характер и помогает проследить за развитием их взаимоотношений. Письмам Павла и Лары предшествуют картины их «слишком непростых отношений» (108), анализ которых позволяет понять содержание и характер их переписки, укладываемой в несколько фраз одной главы: от «по письмам из Сибири Лара знала все о муже» до «письма от Антипова прекратились» (110, 111). Их переписка имеет условный характер, поскольку текстов писем нет, а «мнение «собеседника» <...> дается гипотетически, допускается фикционализация адресата»²⁶. Констатация фактов, на первый взгляд, обедняет содержание переписки, скупые фразы – «Он очень тосковал по жене и дочери» – не дают исчерпывающего представления о звуковых переживаниях Павла. Неубедительно звучат и причины, по которым он не увиделся с семьей: «Через несколько месяцев Павла Павловича выпустили досрочно прапорщиком ...» (110). Не объясняются и причины прекращения писем. «Большое обстоятельное письмо» о «тайне превращения» Антипова, которое готовился написать Ларе Галлиулин, не было написано по причине, вряд ли убеждающей в действительном желании сообщить об этом: ему не было известно, «куда адресовать ей теперь письмо» (116). О любви Павла многое говорят Ларины «фотографические карточки», которые «во множестве попадались среди вещей Антипова» (114). Однако Лара узнает об этом лишь в феврале 1917 г., когда Галлиулин сообщит об этом.

По мнению К. Поливанова, «вводя в роман типичную для военно-революционных эпох человеческую историю – пропажа без вести на фронте Антипова», Пастернак использует характерный прием «романа тайн», свойственный романам

Диккенса²⁷. Мы полагаем, что этот композиционный прием, кроме того, является элементом замысла автора, которому важно было предоставить возможность героям самим рассказать о себе то, о чем они не смогли сказать друг другу в письмах, и то, что автор не смог препоручить однополчанину Антипова. Однако Лара и Павел так и не встретятся в романной действительности, их чувства так и останутся невысказанными. Каждому из них предстоит рассказать о своей любви Юрию.

Переписка супругов Живаго имеет иной характер. Охватывая пятнадцать лет – от писем периода «второй осени войны» (102) до писем из Парижа, она обнажает мир их чувств. В письмах завязывается, а впоследствии углубляется конфликт в их отношениях. Переписка супругов трехчастна: о содержании писем Тони до появления Лары в жизни Живаго можно догадываться по настроению Юрия, скучающего по семье и работе; после его рассказа об Антиповой тон писем жены заметно меняется; по истечении «почти пятилетнего перерыва в переписке» «письма оттуда», «теплые, ласковые», возобновляются благодаря тому что, по мысли Юрия, «у Тони какие-нибудь перемены, новый друг какой-нибудь» (481).

Фронтальная переписка супругов помещена в двух смежных частях, при этом в композиционно-тематическом единстве находятся последняя глава «Назревшие неизбежности» и вторая глава «Прощанье со старым», каждая из которых одинаково структурирована: одна заканчивается односоставным предложением «Революция» (129), другая – предложением-абзацем письма Юрия: «Замечательно, что, живя с Антиповой в одном доме, я не знаю, где ее комната и никогда этим не интересовался» (132). Закрывающие в себе тематическую завершенность происходящего, обе главы предоставляют читателю возможность подумать над тем, что будет дальше. Кроме того, внутренний диалог Юрия с Тоней переходит в их активную переписку.

Появление первых писем жены обозначено датой – «теплые дни конца февраля» 1917 г., и связано с двумя событиями – революцией и появлением в жизни Юрия Лары. Письма, дошедшие спустя год после мобилизации, появляются в ряду известий о том, что в госпиталь, где после ранения находился Юрий, «поступила новая сестра» и что его сосед по палате «просматривал <...> «Речь» и «Русское слово» и возмущался ...». В эту композиционную раму помещается известие о письмах жены. При этом на первый план выступает не содержание ее писем, а обстоятельство их чтения – в непосредственной близости от Лары: Юрий «наблюдал ее волнение и слезы», он «подумал, что ...» (127). В композиции сюжета чтение писем – третья сцена, в которой Юрий «помещается» в положение между Тоней и Ларой.

Письмо вводится при помощи неопределенно-личного предложения: «Юрию Андреевичу писали, что...», и понять, кто адресант, можно только из контекста – Юрий «читал письма от

Тони, доставленные полевой почтой сразу в том количестве, в каком они там накопились» (126). При этом сообщается только о двух эпизодах из ее писем – о выпуске «книжки» Живаго и обстановке в столице: «...в Москве сейчас очень интересно и тревожно <...>, нарастает глухое раздражение низов, мы накануне чего-то важного, близятся серьезные политические события» (128). Общественно-политическая лексика не заслоняет интенций адресанта – гордости за успехи мужа, переживания и надежды. Из дальнейших событий ДЖ становится известно, что в письмах на фронт Юрию посылали «карточки», на которых «веселый хорошенький бутуз <...> как бы плясал вприсядку» (171). Однако сообщается об этом по возвращении Юрия в Москву: «Тогда ему [Саше] был год, он учился ходить, теперь исполнялся второй, он начинал говорить» (171). Фотографии, упоминаемые в переписке Антиповых и Живаго, словно уходят на второй план, личное будто заслоняется историческими событиями.

Безусловным ключевым образом данного эпизода являются исторические события, однако это не умаляет значения писем, в которых передаются чувства мужа и отца: «Тоня, Шурочка, как я по вас соскучился...» (129).

Вся вторая глава пятой части «Прощанье со старым» посвящена переписке Живаго, представляющей собой своеобразное вопросно-ответное единство. Первое письмо – целостное произведение, имеющее свои композиционные и стилистические особенности. Фрагменты истории становятся и частью его жизни – он сообщает об обстановке на фронте, о продолжающемся «развале и анархии в армии» (экспозиция); «вместо постскриптума» – рассказ о событиях далекого 1911 г., связанных с «сестрой милосердия из Москвы» (131) (завязка конфликта и его кульминация); сообщение о том, как «несколько раз порывался домой», и о намерении его самого, Галиуллина и Антиповой «во что бы то ни стало разъезжаться с будущей недели» (развитие действия и развязка).

Тон письма Юрия доверительный, словно извиняющийся, что явствует из способов введения информации – придаточных уступительных и вводных предложений: «Наконец вместо постскриптума, хотя об этом я мог бы написать тебе гораздо раньше», «Помнишь...», «Помнится...» (131). Его эмоциональный рассказ полон таких подробностей, которые дают Тоне повод почувствовать интерес мужа к гимназистке-курсистке, если спустя столько лет он все так живо помнит. Обозначенное Юрием «Вместо постскриптума» зеркально заключительному фрагменту прощального письма Тони, который имеет тот же характер «после написанного» и продиктован, на наш взгляд, тем же состоянием: ей наверняка нелегко было сказать Юрию о том, что она давно знакома с Антиповой. И она могла «написать гораздо раньше», но не писала, возможно, именно поэтому письма Юрия в Москву оставались без ответа.

Ответное письмо жены, пришедшее «еще до отъезда» (131) мужа с фронта, свидетельствует о том, как она переживает: «...рыдания нарушали построения периодов, а точками служили следы слез и кляксы» (131). Несобственно-прямая речь помогает увидеть уязвленность Тони, углубляя ее психологический портрет, говорит о прямоте ее характера, о желании сохранить семейные традиции. Тоня не просто «убеждала мужа не возвращаться в Москву...» – она не скрывала негодования «этой удивительной сестрою, шествующей по жизни в сопровождении таких знамений...» (131). Из ответного письма Юрия словно восстанавливаются фразы письма жены, заподозрившей мужа в измене. Подобное композиционное замещение авторского слова помогает понять состояние обоих супругов. Фрагмент письма Юрия: «Какие подозрения! Разве ты не знаешь, или знаешь недостаточно хорошо, что ты, мысль о тебе и верность тебе и дому спасали меня от смерти и всех видов гибели в течение этих двух лет войны...» (132) – одно из немногих его признаний жене в романной действительности. Однако ревность Тони, столь объяснимая в сложившейся ситуации, не позволила ей понять очевидной чистоты помыслов Юрия, который увидел свою вину не в том, что так расстроил жену, а в том, что «виноват перед этой женщиной», которую ввел в заблуждение и перед которой должен был извиниться. Позже Тоня извинится за «глупости» в письме, правда, при этом добавит: «Но надо будет поговорить» (166). Разговор не состоялся, но недоверие, как нам кажется, со временем не угасает.

Как и первые письма Тони, «доставленные полевой почтой» (126), ее прощальное письмо доходит до адресата не сразу. По словам Глафиры, некогда служащей на почте, оно «пять месяцев шло» (412). Смысловое кольцо, образуемое письмами Тони, способствует выделению ключевого художественного образа романа – Юрия Живаго. Основную мысль ДЖ замыкает мир его чувств, усильная впечатление замкнутости его жизненного круга. Композиция главы, в которой помещается письмо Тони, начинающейся и заканчивающейся описанием состояния Юрия, тоже выделяет его в качестве ключевого образа. Даже сороки, за которыми герой наблюдает из окна и с которыми соотносит наступление зимы, а Сима – с вестями и гостями, становятся ярким поэтическим образом: «...маленькие промежутки белой бумаги между маленькими черными буквами» (курсив наш. – Н. П.) письма Тони, которые видятся Юрию, ассоциируются с их черно-белым оперением.

Описание письма-послания дается в восприятии Юрия – «письмо, длинное, на многих страницах, смятое, замасленное, в распечатанном и истлевшем конверте, было от Тони» (412). Принцип градации положен и в описание состояния доктора: от «до сознания не дошло» до «постепенно он все более полно забывал, где он и что кругом него» (415).

В композиционных особенностях письма заключается и глубокий христианский смысл. Письмо помещается в тринадцатой части «Против дома с фигурами»), события которой (весна – начало зимы 1921 г.) отделены *десятью* частями от третьей части «Елка у Свентицких» и происходят через *десять* лет после того, как в декабре 1911 г. Тоню и Юру «сговорила» Анна Ивановна. *Десять* глав отделяют письмо Тони, в последних строках которого она пишет о горько и безутешно плачущем Шуре, от сна Юрия Живаго, в котором он видит своего плачущего мальчика. Записка Лары и письмо Тони тоже находятся в *десяти* главах друг от друга. *Десять* лет отделяет первое письмо Тони от возобновившихся писем «оттуда». В главе, предшествующей чтению письма Тони, из уст Симы Тунцевой звучит «несколько отрывков из богослужебных текстов» (408), один из которых связан с именем ветхозаветного пророка Моисея. Его *Десять заповедей*, согласно Пятикнижию, были даны ему самим Богом и содержали единый нравственный закон: любить Господа Бога, Его учение, любить всех людей и помогать им. Предписанный Моисеем *декалог* явно противопоставлен «*декадам*» как новому исчислению советского времени. Письмо жены Юрий получает в свой «*ежедекадный* выходной день», который закончился «опустошенным страданием» (415). Мы полагаем, что число десять, символизирующее итог Божественного создания, выражаемого двумя противоположными началами – мужским и женским, используется Пастернаком для того, чтобы показать несовместимость с Заповедями навязываемых условий жизни, разрушающих судьбы людей, их семьи.

Письмо Тони находится в сюжетно-композиционном единстве с последними событиями, связанными с семьей Живаго, с двумя персонажами (сестрами Тунцевыми), которым автор «передает» свое слово о происходящих событиях. Само письмо является отдельным, законченным эпизодом, имеет кольцевую композицию, его внутренние связи с содержанием романа весьма обширны, и установление взаимозависимости композиционных частей произведения ведет к постижению трагедии, произошедшей в семье Живаго²⁸.

Мысль семейная является ведущей: в письме звучат имена их детей, мамы Юры. Мужа Тоня называет «дорогой мой, муж мой, отец детей моих». Париж как место изгнания ассоциируется у нее с местом, куда Юрия «возили мальчиком и где воспитывались папа и дядя» (414). Письмо, начинающееся словно с середины, апеллирует к чувствам: «Юра, знаешь ли ты, что у нас есть дочь?» (413). Не меньше экспрессии и в заключение письма: «Торопят, и это точно знак, что пришли за мной, чтобы вести на казнь. Юра! Юра!» (414). Говоря о своей любви, Тоня в то же время не скрывает, что давно знакома с Антиповой, и потому становится понятным, о каком прощении и благословении мужа на «долгий, долгий, темный путь» идет речь.

В одном из исследований прощальное письмо называют «горестно приземленным письменным монологом любящей Тони»³⁰. Мы полагаем, что, будучи такой начитанной, она вряд ли будет писать будничным, «приземленным» языком, тем более в столь драматичной ситуации – высылки из России. Ее письмо обнаруживает уязвленность, но не сломленность, а язык ее письма отличается образностью, выразительностью, пафосностью.

В письмах Юрия и Тони много общего как в содержании, так и в способах его передачи. Написанные в условиях происходящих перемен в общественной и личной жизни, их письма обнажают мир их чувств. Юрий пишет в преддверии «прощанья со старым» – Тоня в ожидании высылки из России за границу. Для обоих – одни и те же реалии войны и знакомство с Ларисой. В письмах один и тот же круг лиц: дети, их родители и Антипова.

Содержание переписки супругов Живаго после их вынужденной разлуки передается устами доктора Живаго, который осмысливает себя и происходящее в плане психологии³¹. Автор переводит содержательную часть писем в их духовную составляющую: ему важно обнаружить рефлексии адресатов «по поводу своего положения в мире», а читателю предоставить возможность рассматривать судьбы персонажей сквозь призму писем – «и как уникальный случай, и как проявление неких универсальных закономерностей бытия»³².

Судьба Юрия сквозь призму его переписки с семьей выглядит нерадостно. В языковых особенностях его рассказа о своей семье наблюдается сочетание несвойственного ему оптимизма с неуверенностью в том, что «они скоро вернуться» (481). Гордость за достижения своих детей, которые «чувствуют себя *совсем* свободно среди французских сверстников» (совсем – очень, в высшей степени) сменяется горечью – он *совсем* не знает своей дочери (совсем – совершенно). Не скрывает Юрий и изменившегося к нему отношения со стороны тестя и Тони, узнавших «сторону» о его новой семье и девочках. Последние мысли выражаются односложными предложениями («Что-то смягчилось. Не знаю») и парцелированными конструкциями («Ото всех них, даже от детей. Теплые, ласковые»), что отражает его душевную и физическую немощ, аналогичные его обмороку.

Последние письма, полученные «на третий день» «в разные часы» тремя адресатами, вводятся в роман при помощи косвенной речи, в которой весьма ощутимы интенции адресанта и его эмоциональное состояние. Содержащаяся в трех абзацах информация предназначена трем адресатам. Марину он «умолял простить и успокоиться», «заклинал прекратить поиски», Михаилу сообщал о своих намерениях – укрепиться «на новом поприще». Гордона «просил нанять к детям няню», ему же объясняет, почему «остерегается направлять деньги непосредственно по ее адресу» (483). Глава, в которой помещаются последние письма Юрия, заканчивается предложением, ис-

ключающим однозначность происходящего: «Они его не находили» (483). Обещание выйти «из своего тайного убежища» и вернуться к Марине и детям не было выполнено. Не покончил Живаго и со своим «неустойчивым положением его семьи в Париже», хотя «дал брату слово» (484).

Как видим, от анонимного письма о наследстве до таинственных писем трем адресатам развитие мысли семейной получает все более драматичное звучание. Ощущение дисгармонии и тревоги, нарастающее от письма к письму, рождается из-за недостаточного потенциала духовных и физических сил, которые требуются от человека для поддержания своей жизнедеятельности и которые он черпает в своей семье. Относительное благополучие Тони объясняется не тем, что она живет в Париже, а близостью ее детей и отца. Начавшаяся «вдруг» и закончившаяся на полуслове переписка персонажей, представленная яркими фрагментами их писем, словно вырванными из середины их жизни, передает состояние людей, живущих, с одной стороны, сиюминутными проблемами, с другой – вечными, от решения которых зависит их судьба.

Примечания

- 1 См.: Кустова О. Письмо как самостоятельный текст и как композиционная часть художественного произведения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998.
- 2 См.: Белокурова С. Словарь литературоведческих терминов. СПб., 2005.
- 3 Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тармарченко. Т. 1 : Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М., 2004. С. 211–212.
- 4 Жеребило Т. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань, 2010. С. 263.
- 5 Логунова Н. Русская эпистолярная проза XX – начала XXI веков : эволюция жанра и художественного дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. С. 12.
- 6 Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 325.
- 7 См.: Бузов С. Полигенетичность художественного мира романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь, 2011. С. 19.
- 8 Там же. С. 20.
- 9 Лихачев Д. Размышления над романом Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Пастернак Б. Доктор Живаго : Роман. М., 1989. С. 4.
- 10 Там же. С. 3.
- 11 См.: Якобсон Р. Заметки о прозе поэта Пастернака // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 324–338.
- 12 См.: Бузов С. Указ соч. С. 21.
- 13 Сергеева-Клятис А. Семья как боль. Семья как поэзия. Размышления над творчеством Б. Пастернака // Семья. Духовные и общественные проблемы / сост. Е. Рашковский. М., 2011. С. 103.
- 14 Там же. С. 97.
- 15 Бузов С. Указ соч. С. 9.
- 16 Там же. С. 6.
- 17 Пастернак Б. Полн. собр. соч. : в 11 т. Т. 4. Доктор Живаго. М., 2004. С. 92. Далее ссылки на роман даются в тексте с указанием страниц в скобках.
- 18 См.: Гаспаров Б. Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» // Дружба народов. 1990. № 3. С. 223–242.
- 19 См.: Павлова Н. Способы создания психологических портретов персонажей в романе Пастернака «Доктор Живаго» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 88–93. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-1-88-93.
- 20 Пушкин А. Сочинения : в 3 т. Т. 3. Проза. М., 1987. С. 260–261.
- 21 См.: Павлова Н. Прощальное письмо Тони в композиции романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Мир русского слова. 2017. № 1. С. 89.
- 22 См.: «Роман в семи письмах» А. А. Бестужева-Марлинского, «Роман в двух письмах» О. М. Сомова, «Роман в девяти письмах» Ф. М. Достоевского.
- 23 Чернышевский Н. Собр. соч. : в 5 т. Т. 1. Что делать (из рассказа о новых людях). Л., 1975. С. 8.
- 24 Логунова Н. Указ. соч. С. 12.
- 25 Бахтин М. Указ. соч. С. 325.
- 26 Логунова Н. Указ. соч. С. 8.
- 27 Поливанов К. «Доктор Живаго» как исторический роман : дис. ... д-ра филос. (PhD) по рус. лит. Тарту, 2015. С. 51.
- 28 См.: Павлова Н. Прощальное письмо Тони в композиции романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго». С. 90.
- 29 Тона В. Художественное целое // Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении / под ред. В. И. Тюпы. М., 2014. С. 12.
- 31 См.: Успенский Б. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типологии композиционной формы СПб., 2000. С. 148.
- 32 Логунова Н. Указ. соч. С. 7.

Образец для цитирования:

Павлова Н. И. Письма в сюжете и композиции романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 188–194. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-188-194.

Cite this article as:

Pavlova N. I. Letters in the Plot and Composition of the Novel by B. L. Pasternak *Doctor Zhivago*. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 188–194 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-188-194.

УДК 821.134.2(72).09-1+929Пас

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ И МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОД ПОЭМЫ «КАМЕНЬ СОЛНЦА» О. ПАСА

А. В. Гладощук

Гладощук Анастасия Валерьевна, аспирант кафедры истории зарубежной литературы, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, appletart@mail.ru

Статья посвящена одному из вершинных произведений Октавио Паса – поэме «Камень солнца» (1957). Расшифровывая интертекстуальный и мифологический коды поэмы, автор выявляет лежащую в ее основе аналогическую структуру, в рамках которой элементы ацтекской культуры сопрягаются с общими для французских поэтов от Ж. де Нерваля до сюрреалистов образами и мотивами.

Ключевые слова: Октавио Пас, «Камень солнца», интертекст, миф, ацтекский календарь, Кетцалькоатль, женский архетип, Нерваль, Бретон.

The Intertextual and Mythological Codes of O. Paz's Poem *Piedra de Sol*

A. V. Gladoshchuk

Anastasia V. Gladoshchuk, ORCID 0000-0001-7246-4371, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia, appletart@mail.ru

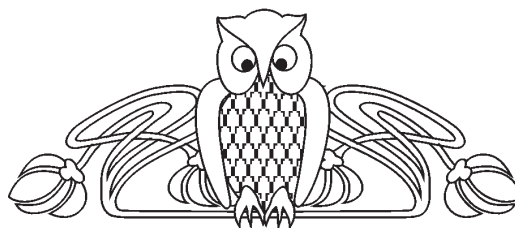
The article is dedicated to one of the major poems of Octavio Paz – *Piedra de Sol* (1957). By interpreting the intertextual and mythological codes of the text, the author shows how elements of the Aztec culture enter in correlation with images and themes common to French poets from G. de Nerval to the Surrealists.

Key words: Octavio Paz, *Piedra de Sol*, intertext, myth, Aztec calendar, Quetzalcoatl, feminine archetype, Nerval, Breton.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-195-199

Поэма «Камень солнца» («*Piedra de Sol*», 1957) – одно из самых известных произведений великого мексиканского поэта Октавио Паса (1914–1998), признанная вершина его творчества, символически отмечающая середину его жизненного пути и конец первого поэтического этапа, итогом которого стала антология «Свобода под слово» («*Libertad bajo palabra*», 1960). В поэме проступает богатый литературный опыт, накопленный Пасом за годы напряженной жизни в Мексике и странствий по Европе и Азии: увлечение сюрреализмом, интерес к доколумбовой Америке, уроки испанской поэзии Золотого века, знакомство с поэзией англоамериканского модернизма.

Разнообразие поэтических ориентиров Паса явственно обнаруживается уже на формальном уровне текста: поэма написана классическим в испанской ренессансной поэзии одиннадцати-

сложником, заглавие отсылает к так называемому ацтекскому календарю, хранящемуся в Музее антропологии в Мехико, эпиграф взят из сонета «Артемиды» Жерара де Нерваля («*Artémis*»; сонет входит в цикл «Химеры» («*Les Chimères*»), 1854). Интересно, что, отвечая на анкету «Незаменимая поэзия» («*Poésie indispensable*»), опубликованную в восьмом номере журнала «Кайе Г. Л.М.» («*Cahiers G. L.M.*») в конце 1938 г., глава французского сюрреалистического движения Андре Бретон – друг, вдохновитель и один из главных творческих ориентиров Паса – называет именно это стихотворение Нерваля в числе тех, что необъяснимо связаны с его жизнью¹:

La Treizième revient... C'est encor la première;
Et c'est toujours la Seule, – ou c'est le seul moment:
Car es-tu Reine, ô Toi! la première ou dernière?
Es-tu Roi, toi le seul ou le dernier amant?²

Тринадцатый опять... Иль только первый длится,
Всегда единственный, – иль миг один застыл?

Последней, первой ли была ты, о царица?

Последним, первым ли возлюбленным ты был?³

Пас дважды брался за перевод стихотворения – в одном из изданий он указывает в сноске, что изначально сонет был озаглавлен «*Ballet des heures*» – «Круговорот часов»⁴. Загадочное порядковое числительное «*trezième*» предполагает два определяемых слова: «час» (*heure* – сам Нерваль пояснял на полях рукописи: «тринадцатый час (осевой)»⁵) – существительное женского рода во французском языке, и «она» – возлюбленная, единственная и многоликая. Так задается параллель женщина – время, являющаяся тематическим стрежнем поэмы. Эта аналогия усиливается за счет того, что одну из многочисленных метафор центрального женского образа – словосочетание «*gosa solar*» / «солнечная скала» (218) – можно воспринимать как контекстуальную реализацию заглавного «*piedra de sol*», в тексте поэмы прямо не возникающего. Не случайно через строчку Пас прибегает к эпифоре, посредством которой утверждается онтологическая, субстанциальная тождественность времени и женского тела: «...la hora centellea y tiene cuerpo, // el mundo ya es visible por tu cuerpo» (218) – «час мерцает, у него есть плоть // вот уже и мир видно через твоё тело». В то же время образ «*gosa solar*» отсылает к стихотворению в прозе «Обсидиановая бабочка» («*Mariposa de obsidiana*») из книги «Орел или солнце?» («*¿Águila o sol?*», 1951): «Soy la herida que no cicatriza, la pequeña *piedra solar* (курсив

наш. – А. Г.): *si me rozas, el mundo se incendia*»⁶ – «Я – незаживающая рана, маленький солнечный камень: коснись меня – и мир воспламенится». Будучи причастна солнцу, женщина является воплощенной памятью мира.

Поэма построена на контрапункте вечно-го и преходящего – «поэзии» и «истории», как определял эту дихотомию сам Пас: ощущая себя инструментом «непроизвольной памяти»⁷, в которой индивидуальное художническое переживание неразрывно связано с вековым человеческим опытом, поэт стремится сублимировать хаос и абсурд истории в творчестве. Перечисляемые Пасом способы преодоления гнета времени:

mejor el crimen,
los amantes suicidas, el incesto
de los hermanos como dos espejos
enamorados de su semenario,
mejor comer el pan envenenado,
el adulterio en lechos de ceniza,
los amores feroces, el delirio,
su yedra ponzoñosa (227) –
лучше преступление,
любовь-самоубийство, кровосмешение
брат и сестра как два зеркала,
влюбленные в свое подобие,
лучше вкусить отравленный хлеб,
прелюбодеяние на пепельной постели,
жестокое нежности бред,
как ядовитый плющ

– переключаются с описанными Артюром Рембо приемами достижения поэтического «ясновидения»: «Он идет на любые формы любви, страдания, безумия. Он ищет сам себя. Он изнуряет себя всеми ядами, усваивая лишь их экстракт»⁸ (перевод наш. – А. Г.). Это совпадение не случайно: как замечает Гильермо Шеридан⁹, один из самых авторитетных исследователей творчества Паса, лирический герой поэмы воплощает миф о поэте в трех ипостасях, каким его формулирует Пас, говоря о Новалисе: поэт – одновременно странствующий рыцарь, влюбленный и ясновидец¹⁰. Однако в отличие от Рембо Пас намечает и другой путь к «расстройству всех чувств»¹¹, одним из которых является чувство времени, подчеркивая с помощью параллелизма их равноценность:

mejor la castidad, flor invisible
que se mece en los tallos del silencio,
el difícil diamante de los santos
que filtra los deseos, sacia al tiempo (228) –
лучше непорочность, невидимый цветок,
колеблющийся на стеблях тишины
трудный алмаз святости,
процеживающий желания, насыщающий время
«Безвремя» достигается как на отрицательном, так и на положительном полюсе этического абсолюта.

В поэме нет ни одной строчки, которая бы начиналась с прописной буквы, и ни одной точки, конечный знак препинания – двоеточие: так, текст закольцовывается, начинаясь вновь и вновь. По

воспоминаниям Паса, когда он осознал, что поэма представляет собой единую фразу, его поразила ассоциация с циклической моделью времени доколумбовых цивилизаций, материальным воплощением которой является Камень солнца – так называемый ацтекский календарь. Знаменательно, что фигурирующее в эпитафии число 13 является базовой темпоральной единицей у ацтеков. Мгновение человеческой жизни соразмерно «жизни сотни солнц» («*la vida de cien soles*», 229) – эта пропорция задается повтором: вопрос – «*¿no pasa nada, sólo un rapadeo?*» («ничего не происходит, только моргает?», 229), и через ряд строк ответ, выделенный анжанбеманом: «*no pasa nada, sólo un rapadeo // del sol*» («ничего не происходит, только моргнуло // солнце», 230). Интересно, что Бенжамен Пере, автор перевода поэмы на французский язык, намеревался дать тексту заглавие «Солнце без возраста» («*Soleil sans âge*»): именно под этим названием фрагмент поэмы был опубликован в журнале «Сюрреализм, все-таки» (№ 5, весна 1959 г.)¹². Примечательно также, что, рассуждая об идеале единственной возлюбленной в «Безумной любви», Бретон обозначает Золотой век перифразой «времена древних солнц» («*le temps des anciens soleils*»): «Слияние двух существ, которые действительно выбрали друг друга, возвращает всем вещам утраченные цвета времен древних солнц»¹³ (перевод наш. – А. Г.).

В первом издании текст сопровождается комментарием, в котором Пас раскрывает числовую и графическую символику поэмы. В составе же антологии «Свобода под слово» комментарий был снят и впоследствии воспроизведен с одной существенной поправкой в Собрании сочинений. Согласно первой редакции комментария, на обложке книги фигурирует число 585¹⁴, записанное по правилам арифметической системы майя (три горизонтальных черты, расстояние между первой и второй несколько больше расстояния между второй и третьей, над ними, вертикально – две точки). Оно соотносится, но не совпадает, во-первых, с числом строк в поэме – 584, за исключением 6 последних, повторяющих 6 первых, во-вторых, с числом дней цикла планеты Венера (также 584), начало которого отсчитывалось со дня 4 Движение (4 Olín), а конец приходился на день 4 Ветер (4 Ehécatl) – момент соединения Венеры и Солнца (соответствующими идеограммами открывается и завершается поэма). Нам не встречалось текстов, в которых бы Пас говорил об этом расхождении: могла ли иметь место опечатка или арифметический «завор» был допущен сознательно?

Обратимся к работе Рауля Нориеги, из которой Пас почерпнул нужные ему астрономические сведения и к которому он сам отсылает читателя. В приводимых исследователем схемах и таблицах фигурируют оба числа, что, как говорится в примечании, подразумевает не ошибку в расчетах, а среднюю величину¹⁵. Заметим, однако, что в соответствии с одной из таблиц, знак на обложке

поэмы расшифровывается как 584, а не 585. Так, вновь возникает вопрос: чем объяснить несоответствие – невнимательностью или намерением автора? В пользу первой версии говорит то, что во второй редакции комментария 585 заменено на 584, однако у второй версии также есть основание. Представляется вероятным, что Пас таким образом обозначил разрыв между мифом и историей, несовпадение времени с самим собой: современность трансформирует архаическую модель циклического времени, круг разрывается, вытягиваясь в спираль¹⁶, и человек, находящийся в непрерывно умирающем настоящем, что-то необратимо утрачивает – этим обусловлено усилие лирического героя вспомнить, воскресить мгновение вне времени и его воплощение – архетипический женский образ, амбивалентность которого регулируется все той же планетой Венера.

В своем комментарии Пас подчеркивает универсальность выбранного им астрономического кода: появляясь на небе дважды, Венера – утренняя (Phosphorus) и вечерняя звезда (Vesperus) – поражала воображение людей разных культур, видевших в ее движении проявление онтологической двойственности вселенной. У древних средиземноморцев планета ассоциировалась с луной, водой, влажностью, молодой растительностью, умиранием и возрождением природы; Венера – «узел» амбивалентных сил и образов: Иштар, Дама Солнца, конусообразный камень и т. д. К этому следует добавить, что в ацтекской космогонической системе Венера располагалась на четвертом из 13 небес (очередное числовое совпадение с эпитафией) и соотносилась с богом Кетцалькоатлем и его братом-близнецом Шолотлем.

Миф об архетипической женщине реализуется в широком интертекстуальном поле:

adolescente rostro innumerable,
he olvidado tu nombre, Melusina,
Laura, Isabel, Perséfone, María,
tienes todos los rostros y ninguno,
eres todas las horas y ninguna (220) –
юное бесчисленное лицо
я забыл твое имя, Мелюзина,
Лаура, Исабель, Персефона, Мария,
у тебя – все лица и нет лица,
ты – все часы и вне часов

Среди записей Нерваля, относящихся к его поездке на Восток, большую ценность имеет следующая: «Преследовать одни и те же черты в разных женщинах. – Быть влюбленным в вечный образ»¹⁷. Тот же мотив встречается в переведенных Пасом стихотворениях Поля Элюара «В начале начал, ХХIX» («Premièrement, ХХIX») из сборника «Любовь Поэзия» («L'amour la poésie», 1929) и «Прекрасная и похожая» («La Belle et ressemblante») из сборника «Сама жизнь» («Vie immédiate», 1932): «Il fallait bien qu'un visage // Réponde à tous les noms du monde»¹⁸ – «Следовало бы, чтобы одно лицо // Откликалось на все существующие в мире имена»; «Un visage à

la fin du jour <...> Un visage dans les balances du silence <...> Un visage semblable à tous les visages oubliés»¹⁹ – «Одно лицо в конце дня <...> Одно лицо на весах молчания <...> Одно лицо, похожее на все забытые лица».

За каждым из перечисленных в процитированных строках женских имен стоят определенный культурный контекст и литературный образ: Лаура – героиня сонетов Петрарки, Исабель – вдохновительница Гарсиласо де ла Вега, вместе они олицетворяют ренессансную неоплатоническую традицию; имя Марии отсылает, с одной стороны, к христианской традиции и укорененному в ней куртуазному идеалу Дамы сердца, с другой стороны, к тому эпизоду повести «Аврелия» (1855) Нерваля, в котором приснившаяся главному герою богиня (Исида-Богоматерь) произносит: «Я – та же, кто Мария, та же, кто твоя мать, та же, кого под разными обличьями ты всегда любил. При каждом твоём испытании я сбрасывала одну из масок, за которыми скрываю свои черты, и скоро ты увидишь меня такой, какая я есть»²⁰ (перевод наш. – А. Г.). Интерес к легенде о Мелюзине – полуженщине-полузмее – Пас наследует от Нерваля (сонет «El Desdichado») и Бретона («Надя», «Арканум 17»):

yo vi tu atroz escama,
Melusina, brillar verdosa al alba,
dormías enroscada entre las sábanas
y al despertar gritaste como un pájaro
y caíste sin fin, quebrada y blanca,
nada quedó de ti sino tu grito (223) –
я видел, Мелюзина, как твоя ужасная чешуя
зеленовато блестит на рассвете,
ты спала, свернувшись клубком в простынях,
а, проснувшись, закричала, как птица,
и падала бесконечно, сломленная и белая,
ничего от тебя не осталось, только твой крик

Пас словно парафразирует Бретона: «Мелюзина вскрикнувшая, Мелюзина ниже талии, я вижу, как блестят твои чешуйки в осеннем небе»²¹ (перевод наш. – А. Г.). По своим внешним атрибутам образ Мелюзины коррелирует с образом Венеры-Кетцалькоатля: «Когда Венера опускалась в волнистые воды Тихого океана, ее отражение уподоблялось змее с блестящей чешуей и перьями: отсюда и ее название Кетцалкоатль»²². Знаменательно, что, хотя в облике феи нет перьев, она кричит, как птица. В интерпретации Бретона фигура Мелюзины универсализируется: «...это всегда утраченная женщина, та, что поет в ображении мужчины»²³ (перевод наш. – А. Г.) – именно к такой широте в трактовке женского образа и стремился Пас. Так, парафраза «reina de serpientes» / «царица змей» (220) может относиться не только к Мелюзине, но и к богине Коатликуэ (Coatlícuē), чье имя переводится как «та, что в юбке из змей», другое ее наименование – Сиуакоатль (Cihuacoatl), что значит «женщина-змея»²⁴.

Еще один аспект женского образа – ее связь с поэзией. Подобно тому, как «она» «вселика и

безлика», поэзия – пишет Пас в «Луке и лире» (1956, 1967), своем главном поэтологическом труде, – «обладает всеми лицами, но есть те, кто утверждает, что у нее нет лица: поэзия – маска, скрывающая пустоту»²⁵. В этой перспективе поэма может быть прочитана как геральдическая конструкция: мгновение, которое пытается воскресить лирический герой, есть мгновение поэтическое, оно состоит из букв:

no hay nada frente a mí, sólo un instante
rescatado esta noche, contra un sueño
de ayuntadas imágenes soñado,
duramente esculpido contra el sueño,
arrancado a la nada de esta noche,
a pulso levantado letra a letra (221) –
передо мной нет ничего, только мгновение,
спасенное этой ночью, против
сплетенных образов сна приснившееся,
с трудом вылепленное против сна,
вырванное у ничто этой ночи,
без опоры воздвигнутое буква за буквой

Параллель женщина – поэзия также проводится Пасом в лекции о сюрреализме 1954 г. Приобщение к поэзии, встреча с поэзией («encuentro roético») есть возвращение «прошлой жизни» («vida anterior» – это словосочетание заключено в кавычки самим Пасом, что, скорее всего, отсылает читателя к одноименному сонету Шарля Бодлера из книги «Цветы зла»): «Это женщина, земная обитель человека, солнечная богиня с обнаженной грудью, улыбающаяся на берегу Средиземного моря, в то время как “море сливается с солнцем”; это Шочикецаль в юбке из маисовых листьев и огня, в юбке из тумана, чье тело – проблеск молнии во время грозы; это Персефона, поднимающаяся из преисподней, где она сорвала нарцисс – цветок желания»²⁶. Отметим, что выделенный кавычками фрагмент является цитатой из того варианта стихотворения «Вечность» («L'Éternité»), который Рембо использует в «Поре в аду» («Une saison en enfer», 1873): «C'est la mer mêlée // Au soleil»²⁷ – «Это море, примешенное к солнцу». Описанную архетипическую женщину-воплощение прошлой жизни можно отождествить с женским образом поэмы: так, особый акцент делается на витальной силе улыбки: «...el mundo reverdece si sonríes // comiendo una naranja» (228) – «мир вновь зеленеет, если ты улыбаешься, // когда ешь апельсин»; Персефона упоминается в тексте дважды; один из многочисленных компонентов образа – «tu falda de maíz ondula y canta, // tu falda de cristal, tu falda de agua» (218) – «твоя юбка из листьев маиса волнуется и поет // твоя юбка из стекла, твоя юбка из воды» – является атрибутом богини Шочикецаль.

Переходя от «поэзии» к «истории», необходимо сказать, что именно женщина делает возможным их сосуществование и взаимопроникновение. Символической осью поэмы является строка «Madrid, 1937» (225) – единственная, в которой присутствует невербальный элемент. Точное

указание времени и места – Испания времен Гражданской войны – открывает в тексте историческое измерение и вводит тему смерти. Около двадцати строк занимает перечень легендарных жертв: Авель, Агамемнон, Сократ, Монтесума, Робеспьер, Линкольн. При этом связующим элементом истории оказываются человеческие крики: крик распятого Христа (остающегося неназванным – «el grito en la tarde del viernes» (230) – «крик вечером в пятницу»), крик Кассандры, предсмертный хрип Троцкого, крики матерей, крик пророка, крик палача и крик приговоренного: «¿no son nada los gritos de los hombres?» (230) – «крики людей – ничто?». Этот вопрос возвращает нас к первому раздавшемуся в поэме крику – крику Мелюзины в момент разоблачения-преображения. В «Аркануме 17» («Arcane 17», 1945) Бретон уповал на то, что когда-нибудь раздастся «второй крик», и он возвестит об обретении утраченной гармонии между мужчиной и женщиной. Следуя той же логике, Пас завершает поэму новым гимном женщине – матери воды, плоти вселенной, лунной деве, властительнице ночи, обители смерти, «повелительнице семян» («señora de semillas»), «вратам бытия» («puerta del ser») (232). Бесмысленность истории, насилия, человеческой брэнности преодолевается в акте любви, являющемся в то же время актом поэзии, с помощью которых человек приобщается к циклической гармонии космоса. В заключительном фрагменте поэмы, пробуждаясь от «каменного сна человеческой истории» («bruto dormir siglos de piedra»), лирический герой дает проникнуть в себя солнцу: «el sol entraba a saco por mi frente, // despegaba mis párpados cerrados» (233) – «солнце врывалось в мой лоб // разжимало сомкнутые веки», и, открывая «другого» себя, начинает различать пульсирующий голос своей крови («oí cantar mi sangre encarcelada» (233) – «я услышал, как поет моя скованная кровь», т. е. голос поэзии), повторяющий первые шесть строк:

un sauce de cristal, un chopo de agua,
un alto surtidor que el viento arquea,
un árbol bien plantado mas danzante,
un caminar de río que se curva, avanza,
retrocede, da un rodeo
y llega siempre:
(217, 233)

стеклянная ива, жидкий тополь,
высокая струя, выгибаемая ветром,
дерево корневистое, но танцующее,
поступь реки, которая извивается, идет вперед,
идет назад, кружится
и всегда прибывает:

Проведенный анализ наглядно демонстрирует недостаточно хорошо изученный аналогический механизм, лежащий в основе пасовской поэтики: в глубине разнокультурного материала поэт различает общие архетипические структуры и категории, утверждая тем самым единство Поэзии и изоморфность кажущихся далекими традиций.

Примечания

- ¹ См.: Breton A. Œuvres complètes : en 4 vol. Vol. 2. Paris, 1992. P. 1232.
- ² Paz O. Obras completas : en 15 vol. Vol. 11. Obra poética I (1935–1970) / ed. del autor. México, 2010. P. 217. Здесь и далее текст поэмы «Камень солнца» цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках и нашего подстрочного перевода.
- ³ Нерваль Ж. де. Артемида / пер. Э. Шапиро // Нерваль Ж. де. Мистические фрагменты. СПб., 2001. С. 475.
- ⁴ См.: Paz O. Versiones y diversiones. México, 1978. P. 13.
- ⁵ Nerval G. de. Œuvres complètes : en 3 vol. Vol. 3. Paris, 1993. P. 1282.
- ⁶ Paz O. Libertad bajo palabra. Obra poética (1935–1958). México, 1960. P. 204.
- ⁷ Paz O. Itinerario poético : Seis conferencias inéditas. Girona, 2014. P. 98.
- ⁸ Rimbaud A. Œuvres. Paris, 1977. P. 346.
- ⁹ См.: Sheridan G. Los idilios salvajes : ensayos sobre la vida de Octavio Paz. Vol. 3. México, 2016. URL: <https://books.google.ru/books?id=a0eBDQAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 12.12.2017).
- ¹⁰ См.: Paz O. El arco y la lira. México ; Buenos Aires, 1956. P. 236.
- ¹¹ Rimbaud A. Op. cit. P. 344, 346.
- ¹² См.: Paz O. Soleil sans âge // Le Surréalisme, même. 1959. № 5 (printemps). P. 33–34.
- ¹³ Breton A. L'amour fou. Paris, 2014. P. 12.
- ¹⁴ См.: Paz O. Piedra de Sol. México, 1957. P. 43.
- ¹⁵ См.: Noriega R. Sabiduría matemática, astronómica y cronológica // Esplendor del México antiguo : in 2 vol. Vol. I. México, 1959. P. 263–264.
- ¹⁶ См.: Paz O. Obras completas : en 15 vol. Vol. 15. Miscelánea III. Entrevistas / ed. del autor. México, 2003. P. 39.
- ¹⁷ Цит. по: Constans F. Artémis ou les fleurs du désespoir // Revue de littérature comparée. 1934. № 14. P. 348.
- ¹⁸ Éluard P. Œuvres complètes : en 2 vol. Vol. I. Paris, 1968. P. 242.
- ¹⁹ Ibid. P. 363.
- ²⁰ Nerval G. de. Op. cit. P. 736.
- ²¹ Breton A. Arcane 17. Paris, 1971. P. 63.
- ²² Леон-Портилья М. Философия нагуа. М., 1961. С. 136.
- ²³ Breton A. Arcane 17. P. 64.
- ²⁴ Caso A. El pueblo del Sol. México, 1978. P. 72.
- ²⁵ Paz O. El arco y la lira. P. 13.
- ²⁶ Paz O. Las peras del olmo. México, 1957. P. 178.
- ²⁷ Rimbaud A. Op. cit. P. 233.

Образец для цитирования:

Гладощук А. В. Интертекстуальный и мифологический код поэмы «Камень солнца» О. Паса // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 195–199. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-195-199.

Cite this article as:

Gladoshchuk A. V. The Intertextual and Mythological Codes of O. Paz's Poem *Piedra de Sol*. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 195–199 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-195-199.

УДК 821.161.1.09-6:808.2+929Твардовский

СПЕЦИФИКА ФАКТА ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ПОНИМАНИИ А. Т. ТВАРДОВСКОГО-РЕДАКТОРА

С. Я. Долинина

Долинина Светлана Яковлевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики редактирования, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, kafedra_rio@mail.ru

Автор анализирует письма А. Т. Твардовского-редактора с точки зрения его разбора фактической основы литературного произведения. Рассматриваются своеобразие литературного факта, его образная природа, требования к нему и фактические ошибки, отмеченные редактором.

Ключевые слова: факт в теории редактирования, качества, присущие факту, факт в литературном произведении, воздействие литературного факта на читателей, на реальность.

Specific Nature of the Fact of a Literary Work in the View of A. T. Tvardovsky as an Editor

S. Ya. Dolinina

Svetlana Ya. Dolinina, ORCID 0000-0002-6188-8977, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia, kafedra_rio@mail.ru

The author analyzes the letters of A. T. Tvardovsky-editor from the point of view of his review of the factual basis of a work of fiction. The peculiarity of a literary fact, its image-bearing nature, requirements to it, factual mistakes pointed out by the editor, are regarded in the article.

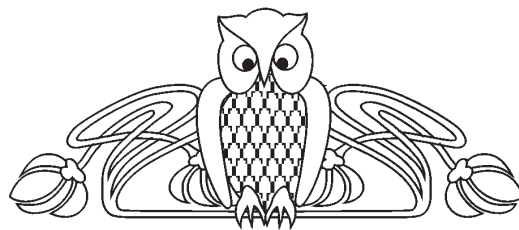
Key words: fact in the editorial theory, qualities inherent to fact, fact in a work of fiction, impact of the literary fact on readers and reality.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-200-204

В письмах Твардовского-редактора обращает на себя внимание повышенный интерес их автора к фактической основе литературного произведения. Почта Твардовского свидетельствует о том, что редакторский взгляд на фактическую оснащенность текста был неизменно взыскательным, а понимание факта, подход к нему многоаспектным. Редактор отмечал, что фактические ошибки наносят очень существенный урон тексту.

Во многих письмах сталкиваясь с необходимостью объяснять авторам, каким требованиям должен отвечать фактический материал произведения, редактор перечисляет, по сути, одни и те же качества, которые должны быть свойственны факту: «достоверность свидетельства»¹, «точность»², «правдивость» (224), «несомненность того, о чем говорит автор» (137), «доподлинность» (119).

Приведем также замечание Твардовского из письма С. Я. Маршаку, позволяющее добавить к сказанному значимые характеристики факта, который в то же время должен быть существенным и отвечать

сегодняшним представлениям о предмете, явлении и т. д. Твардовский, рекомендуя старшему коллеге прочесть книгу «О зверях и людях» Карла Гогенбека <sic!>, «знаменитого торговца зверьями (мировая фирма) и основателя <...> крупнейшего в Европе зоопарка где-то в Штелингене <sic!>», так определяет ее автора с точки зрения работы с фактами: «... точен, делен и знающ» (116). Автора характеризуют те эпитеты, которые подчеркивают в то же время и качества, присущие фактам, лежащим в основе его книги. Названные характеристики факта отвечают требованиям, которые предъявляет к нему теория редактирования³.

Кроме того, в одном из писем В. Ф. Тендрякову редактор дает своего рода трактовку факта в литературном произведении: «Вы <...> улавливаете нечто *существенное, жизненное, против чего не поспоришь* <...>» (курсив наш. – С. Д.) (128). Она также согласуется с определением, которое дает факту как таковому теория редактирования: фактом является отражение в тексте любого аспекта действительности.

Примером подхода Твардовского к факту является его замечание одному из авторов, связанное с искажением факта. Как председатель Комиссии по работе с молодыми авторами, Твардовский вел огромную переписку с начинающими поэтами, в письме одному из которых он подчеркивал: «В “Осеннем утре” – нехорошо, что уже осень, “гуси летят на юг”, т. е. поздняя осень, а “в поле – ржаное раздолье хлебов налитых”. Так не бывает. *Поэзия должна быть в высшей степени точна в таких случаях*» (курсив наш. – С. Д.) (60), «в таких случаях», т. е. в работе с фактами.

Из сказанного можно сделать следующий вывод. Требования, которым должен соответствовать факт литературного произведения, те же, что предъявляются и к факту нехудожественного текста. Образная же природа художественного текста, его специфика, заключающаяся, по Н. В. Гоголю, в том, что в литературном произведении все придумано и сделано, т. е. что оно основано на вымысле, на творческой обработке реальности, ни в коей мере не снижает уровня требований к факту, не отменяет перечисленных характеристик факта.

В то же время Твардовский, осознававший непрямой характер отражения реальности в литературном произведении, очень хорошо сказал о своеобразии решения стоящей перед автором задачи воссоздания объективной реальности. В письме украинскому писателю Л. С. Первомайскому, на протяжении ряда лет печатавшемуся в «Новом

мире», Твардовский раскрыл диалектику отношения вымысла и факта в произведении:

«Рассказ “Любисток” – прелесть по искренности, невыдуманности (по крайней мере *впечатлению невыдуманности как таковой*) <...> Второй рассказ тоже хорош, но где-то во второй половине есть “перебор добродетели”, это – когда речь идет уже о чужой теще, заботы о которой возлагаются на героя, и без того уже благородного в своей любви к женщине, которая старше его на 10 лет, и ее детям <...> там, где болезнь падчерицы, самоотверженность героя в уходе за ней и чудодейственное исцеление больной.

Я, конечно, предвижу, что ты мне скажешь: это все так и было в действительности, это с натуры, невыдуманное, но я лишь повторю тебе то, что уже выше сказал о цене невыдуманности» (курсив наш. – С. Д.) (106).

Твардовский отметил, таким образом, в работе с фактом следующее обстоятельство, о котором не должен забывать автор и которое понимается теоретиками литературы как важный нюанс. «Итак, обнаруживается одна теоретическая тонкость, – писал А. Б. Есин, – отражение первичной реальности в литературном произведении не является тождественным самой реальности, носит условный, не абсолютный характер, но при этом одно из условий состоит именно в том, чтобы изображенная в произведении жизнь воспринималась читателем как “настоящая”, подлинная, то есть тождественная первичной реальности»⁴. А для этого факты, воссоздающие эту «настоящую» жизнь, составляющие ее, должны отвечать тем требованиям, о которых речь шла выше.

Вместе с тем объективное изображение реальности – всегда отражение личностное, пристрастное (что выражается уже в самом отборе фактов, их систематизации, иерархии), небезразличное. Кроме того, оно еще и эстетическое, происходящее в форме образов. Конкретные факты (т. е. единичные предметы, явления, события и т. д.), заключая в себе обобщение, обладают «эмоциональным воздействием» на читателя и «чувственной убедительностью»⁵.

Обобщающая сила образа-факта и поставлена Твардовским во главу угла в письме к Т. А. Аксаковой, принадлежавшей к семье знаменитых литераторов. Редактор писал ей: «Ваша “семейная хроника” – *семейная* (курсив наш. – С. Д.) в смысле слишком прямом, в отличие от известных произведений этого жанра русской литературы, которые, так сказать, притворяясь “семейными”, на самом деле имели более широкое общественное значение. <...> Я не ставлю Вам в упрек эту ограниченность объективного звучания Вашей вещи <...> Но я говорю, что эта ограниченность видения в осмыслении мира, в котором совершились величайшие перемены, сделавшие Ваш “малый мир” лишь отголоском истории, определяет и ограниченную ценность Ваших записей» (206).

В следующем примере мы увидим, что Твардовский придает осмыслению автором факта, отраже-

нию в нем авторского видения мира, его личности первостепенное значение, говоря, по сути, об эстетической силе воздействия факта на читателя. Так, в письме Твардовского к В. А. Кузнецову, одному из тех многочисленных его почитателей, которые обращались к поэту с повторяющейся просьбой ответить на вопросы анкеты, раскрывающей секреты творческой лаборатории поэта, редактор писал: «... дешево стоит: что думал автор, когда приступал к работе над такой-то вещью, <...> в каком издании впервые появилось и т. п. Дешево стоит, мало весит с точки зрения прямой и самой трудной нужды истолкования того, *что есть, что стало литературным фактом, объективно существует в сознании читателей, вошло в какой-то мере в духовный обиход народа*» (курсив наш. – С. Д.). Дело в том, что, как писал А. Б. Есин, «в произведении может находить выражение не только личность автора, но и личность читателя. Воспринимая особенно понравившееся, особенно созвучное нашему внутреннему миру произведение, мы отчасти отождествляем себя с автором, и цитируя <...> говорим уже “от своего лица”. <...> Самовыражение посредством художественного произведения оказывается, таким образом, уделом не единиц – авторов, а миллионов – читателей»⁶.

Твардовский же в своем рассуждении о становлении литературного факта частью духовного мира народа, о «присвоении» им этого факта мог опереться на собственный уникальный опыт, поэму «Василий Теркин», которая, безусловно, став литературным фактом, вошла в национальное самосознание и уже как феномен влияла на русских людей, на их восприятие мира. В письме критику А. Н. Туркову, откликаясь на «беспрецедентный в литературе» факт – поэтические читательские письма к нему как автору «Василия Теркина», – Твардовский так писал о своей поэме и ее герое: «Вы не правы или не очень правы, когда говорите о превращении “Василия” в “Васю”, хотя это само по себе метко сказано. Нет, это – “откуда пришел, туда и уходит” (т. е. из народа в народ. – С. Д.), оставаясь в то же время тем, чем успел стать в литературе, в читательском обиходе, т. е. “Василием Теркиным”» (121).

Действительно, с одной стороны, многие строки поэмы Твардовского стали не просто крылатыми выражениями, а отражают черты русского национального характера, как и сам герой воплощает народное представление о русском воине⁷. С другой стороны, это ведь Василий Теркин, вернувшись туда, «откуда пришел», т. е. в реальный мир, подсказал русскому человеку, как надо относиться и к награде, и к жизни, и к смерти: мы, читатели, вместе с ним «согласны на медаль»; мы знаем, что «не зарвемся, так прорвемся, // Будем живы – не помрем»⁸ и т. д.

Твардовский следил за тем, как фактом объективной реальности становились произведения и других писателей. Так, М. В. Исаковскому он пишет в 1940 г., во время финской кампании, из Ленинградского военного округа: «А вспоминал я тебя много раз <...> потому что всюду тебя поют

(“Комсомольская”, “Катюша” главным образом). <...> ты должен знать, что твое поэтическое слово живет здесь, *составляет часть этой действительности. А это много*» (курсив наш. – С. Д.) (38).

Приведем, наконец, важнейшее для нашей темы высказывание Твардовского в письме В. Д. Фоменко, писателю, бывшему долгие годы в дружеских отношениях с редактором «Нового мира»: «...жизнь без искусства, т. е. правдивого отражения ее и *закрепления ее преходящести*, была бы попросту бессмысленна. Более того, *жизнь*, действительность не полностью и действительна до того, как она отразится в зеркале искусства, только с ним она, так сказать, *получает полную свою действительность и приобретает устойчивость, стабильность, значимость на длительные сроки*. Что был бы для самосознания многих поколений русских людей 1812 г. без “Войны и мира”? И что, например, для нас Семилетняя война 1756–1763 гг., когда русские брали Кенигсберг и Берлин и чуть не поймали в плен разбитого ими Фридриха II? Почти – ничего. Примеры эти можно было бы находить и приводить во множестве <...>» (курсив наш. – С. Д.) (126–127). Рассуждение Твардовского свидетельствует о том, что его понимание факта выходит за границы профессиональных, редакторских требований к нему и приобретает философско-культурологическое освещение, касаясь оппозиции реальность – литература – реальность.

В творчестве самого Твардовского есть пример обращения к такого рода «непроявленному» факту, который, не получив глубокого воплощения в литературе, не вошел в должной мере в самосознание современников и следующих поколений. А значит, с точки зрения писателя, сама их жизнь, реальность, в которой они существовали, предстает неполной, с изъяном. Речь идет о советско-финской войне 1939–1940 гг., которую Твардовский с горечью называл «незнаменитой». Понятно, почему «незнаменитая», понятно, почему с горечью: «Воину не дано выбирать ни времени, ни места, где ему придется пролить кровь или сложить голову за родину – под Сталинградом или где-нибудь под Киркой-Муолой»⁹, – писал Твардовский, публикуя в 1969 г. свои фронтовые записки «С Карельского перешейка». Не случайно Василия Теркина поэт делает солдатом двух войн: и «незнаменитой», 1939–1940 гг., и той, которую в будущем назовут Великой Отечественной, тем самым говоря читателю о том, что у нас была и эта война на Карельском перешейке, и о ней и о погибших там надо помнить.

В то же время обращение Твардовского к опыту Толстого, его опора на «Войну и мир» не случайны. Толстой прекрасно осознавал, что выступает и как создатель уникального в жанровом отношении произведения, и как новатор-интерпретатор конкретного исторического факта – Бородинского сражения. Так, он писал о том, что только бы дал Бог здоровья и спокойствия, а он напишет такое Бородинское сражение, которого еще не было. Изучив множество исторических источников, побывав

на Бородинском поле, т. е. опираясь на широкую фактическую основу, Толстой, вопреки теории военного искусства, писал о Бородинском сражении как о победе русских. И читатель получил такую трактовку битвы, которая одновременно была новаторской и утверждала мысль, присущую менталитету русских людей – «сознание непокоримости»¹⁰. Эта идея, которая была для Толстого путеводной при воссоздании Бородинской битвы, побуждала в годы Великой Отечественной печатать «Войну и мир» сотысячными тиражами.

И в современной действительности Твардовский ждал «закрепления» в искусстве такого факта, который стал бы откровением, воздействующим на внутренний мир людей, откровением, влияющим на саму жизнь, как это случилось с романом Ф. А. Абрамова «Две зимы и три лета», прочитав который, Твардовский написал автору: «Я давно не читал такой рукописи, чтобы, не-сентиментальный, мог над нею местами растрогаться до настоящих слез и неотрывно думать о ней при чтении и по прочтении. Словом, Вы написали книгу, какой еще не было в нашей литературе, обращавшейся к материалу колхозной деревни военных и послевоенных лет» (321).

Для того чтобы литературный факт «вошел» в первичную реальность и стал ее частью, ему недостаточно обладать лишь базовыми качествами, о которых речь шла выше. Необходимо, чтобы автор, выстраивая фактическую основу текста, не допускал типичных ошибок. Письма Твардовского-редактора содержат многочисленные примеры их анализа и исправления. Причем речь идет об ошибках, которые редактор обнаруживал в произведениях писателей, далеко не начинающих, а опытных (хотя понятно, что у неискушенных авторов ошибок было тоже немало). В письмах Твардовского мы обнаруживаем своего рода каталог наиболее типичных фактических ошибок, допускаемых авторами любого ранга.

Начнем с анализа, которому Твардовский подверг фактическую основу повести Г. К. Паустовского «Время больших ожиданий». Автор готовил ее первоначально к публикации в «Новом мире» (в итоге повесть была опубликована в журнале «Октябрь», оппоненте «Нового мира», в 1959 г., № 3–5). В этом автобиографическом произведении описывалась жизнь в Одессе в 1920–1921 гг. Главный недостаток повести редактор увидел в том, что Паустовский, «сам того, может быть, не желая», «стремился литературно закрепить столь бедную биографию, биографию, на которой нет отпечатка большого времени, больших народных судеб, словом, всего того, что имеет непреходящую ценность» (146). Для Твардовского были существенны и важны те факты, те события (или, как их принято называть в теории редактирования, узлы повествования), которые раскрывали общезначимую историю Одессы эпохи Гражданской войны. В повести же Паустовского **отсутствовали необходимые узлы повествования**, связанные с «мотивами труда, борьбы и политики» (145).

Этот тезис Твардовский раскрыл на анализе конкретного узла повествования. Он писал автору: «Так Вы, объясняя “тишину” и, так сказать, свое право пользоваться благами этой “тишины”, сообщаете, что наступила она вследствие ухода рабочей части населения города на северные фронты и в деревню от голода. Словом, ушли, нету их, нет необходимости их описывать. Согласитесь, что этот прием сходен с тем, что применяют авторы некоторых пьес, удаляя со сцены детей (к бабушке, к тетушке, в деревню и т. д.), мешающих взрослым резвиться на просторах любовной или иной проблематики» (145). Тот подход, который избрал автор для трактовки этого исторического факта, редактор назвал «облегченным способом решения вопроса» (146), так как Паустовский сознательно умалчивал о значимых событиях Гражданской войны. И редактор указал на задачу, стоявшую перед Паустовским, – «разъяснить особое положение Одессы в 20–21 гг.».

С другой стороны, Паустовский, «апологетически» сосредоточившись на фигурах некоторых «представителей литературных кругов», в частности на Бабеле (его изображение «распространено на добрую четверть повести»), **привнес несущественные узлы**, которые привели к тому, что Одесса была «взята с анекдотически-экзотической стороны» (145, 146). Письмо Твардовского заканчивается несколькими советами автору, которые помогли бы ему объективно описать историческое положение Одессы в 1920–1921 гг. И на первом месте стоит просьба восполнить фактический пробел – написать «несколько добрых, не формальных слов о людях труда, налаживающих новую жизнь в Одессе после ухода белых» (146).

В следующем письме, к Н. П. Воронову, автору нескольких произведений, опубликованных в «Новом мире» и вызвавших большой интерес, редактор называет **фактические неясности** главными ошибками рассказа «Гудки паровоза». Они заставили Твардовского уже в верстке отклонить произведение, хотя, как писал редактор, ему была «очень по душе описательная часть этой вещи» (216). Кстати, фактические неясности, которые не позволяют читателю самостоятельно воссоздать фактическую основу произведения, в том числе повествовательные узлы, передающие течение событий во времени, Твардовский очень наглядно, метафорически называл «воздушными ямами» (216). Кроме фактических неясностей редактор отмечает в своем анализе и другие ошибки, в том числе уже названные: наличие фактических пробелов и, напротив, несущественных узлов повествования, не связанных с другими фактами.

Приведем фрагмент анализа Твардовского: «С дочуркой Женей Надя приехала отдохнуть в родной город, – цитирует редактор и далее отмечает огрехи. – Но ни слова о замужестве или иной близости Нади с кем-то, об отце Жени. В такой хроникально-биографической вещи – вдруг опустить этап жизни, может быть, решающий в судьбе героини! Или – ничем никак не подготовленный, не имеющий никаких

связей с биографией героини – арест помощника отца Нади. <...> Почему, скажем так, арестован помощник, а не машинист? <...> где, например, ее [героини] мачеха, как она относилась к падчерице?» Твардовский завершает анализ выводом: «...ищу, куда затерялся *рассказ* (курсив автора. – С. Д.) в этой Вашей хронике, обнимающей чуть ли не четыре десятилетия» (217). Выявленный комплекс ошибок в работе с фактами предопределил редакторское решение, написанное на верстке рассказа: «Это крохи биографии, какой-то пунктир, рассказа нет. Жаль хороших описательных мест. Печатать нечего. А. Т.» (438).

Еще один пример замечательного редакторского анализа – письмо-рецензия на одну из пьес В. В. Овечкина, автора знаменитого в 1950-е гг. цикла очерков «Районные будни», посвященного сельскому хозяйству послевоенной деревни. Составитель сборника писем Твардовского о литературе, М. И. Твардовская, отмечала в комментариях: «Не будет преувеличением сказать, что “Районные будни” способствовали развитию послевоенного очерка и появлению новых имен, связанных с этим жанром» (390). Дополним ее оценку: с очерков Овечкина, по сути, начинается деревенская тема в советской литературе. Важно также подчеркнуть, что взаимоотношения и переписка Твардовского и Овечкина – это диалог писателей одного поколения, единомышленников.

Анализ, проделанный редактором, интересен тем, что показывает, как изъяны в фактической основе текста приводят к сопутствующим ошибкам, например в области пафоса, проблематики произведения. Приведем фрагмент анализа: «Не Овечкина это дело ставить и “разрешать” проблемы “любви пожилых” <...> Вначале слышались какие-то отголоски “районных будней”, серьезной реальной жизни, но потом все ушло в “душеустройства” Александра Георгиевича и Надежды Матвеевны, в существование которых просто не веришь и от слов которых испытываешь стыд, тот самый, который Л. Н. Толстой называл “особым родом страдания”. Право же, когда твоя героиня говорит, что эта курортная обстановка – место для коротких незамысловатых сближений, “а у нас *это* (курсив редактора. – С. Д.) настоящее”, то хочется зажмуриться от неловкости». Прервем цитату. Пережитое чувство Твардовский испытал не только как редактор, но и как рядовой читатель. И оно возникло от ложного пафоса наивного простодушия, привнесенного автором. Твардовский задает ряд очевидных, естественных вопросов, которые с неизбежностью возникают не только у редактора, но и у читателя, и ответы на которые автор не дает. Продолжим цитату: «Я уже не говорю о том, где ты видел 50-летних учительниц, бросающих свой огород и поросенка (или корову), чтобы ехать (на какие доходы!) в Крым устраивать сердечные дела, не имеющие, в сущности, реальной жизненной необходимости (как дети и т. п.)» (187).

Поставленные вопросы свидетельствуют о том, как неразработанность материала в одной области

(фактической основы) приводит к изъянам в других областях – к психологическому неправдоподобию, к поражению автора в самом важном для пьесы аспекте – построении конфликта. В результате у Овечкина, по мысли редактора, сложилась «фальшивая “драма чувств”» (187).

В финале письма Твардовский указывает автору еще на два огреха в области фактов. Первая **ошибка** возникла **от незнания, нехватки конкретных сведений**. Так, редактор объяснял: «Нельзя, рассуждая устами своих персонажей о строительстве городов в тайге, нести чушь насчет того, что оставленные у тротуаров и во дворах домов чащобные сосны или ели способны представить собой готовый парк (они просто умирают из-за малой кроны, чувствительности к солнечному жару, зимним ветрам, не говоря уже о “травмах” при вторжении стройки в тайгу)» (187). Вторую **ошибку Твардовский называет «допущением»**, которое ему не хотелось бы видеть на бумаге: «...вроде палки самшитовой, которую вырезал будто бы (ножом!) твой герой и обстругивает ее, как ольховую или ивовую» (188). То, что Твардовский назвал «допущением», является натяжкой, которую автор при большом желании каким-нибудь образом может объяснить, но которая, с точки зрения редактора, порождает закономерное недоверие читателя к фактам. Оба последних примера показательны не только как свидетельство зоркости редакторского глаза, но и как подтверждение того, что часто в тексте большие проблемы возникают от пренебрежения вроде бы мелочами.

На следующем примере покажем, как может пострадать сама идея произведения (его главная мысль), когда автор игнорирует специфику повествовательного текста, узлы повествования. Так, в письме к члену редколлегии «Нового мира» К. А. Федину по поводу повести М. М. Пришвина «Корабельная роща» Твардовский сообщает: «Ума не приложу, о какой “правде истинного” идет речь в книге, на чем основан этот пафос правдоискательства, который так ли, сяк пронизывает все произведение». И далее редактор показывает, как небрежность в обращении с фактами порождает недоверие к сюжетной основе, обманывает читательские ожидания: «... что делать с наивнейшими натяжками, неправдоподобнейшими “допущениями” в сюжете, в реальной основе книги (раненый, получающий задание (от кого?) найти сказочную Корабельную рощу, потребную для нужд войны и т. п.)? Ведь эти вещи прежде всего приведут в недоумение и раздражение читателя, который, как известно, не так охоч до тонкостей описания при-

роды и глубокомысленных сентенций, как охоч до дела, действия, “истории” прежде всего» (184).

Твардовский подчеркивал, что как только автор прибегает к «допущениям» «в реальной основе книги», так тут же умозрительной, безжизненной, а часто и просто непонятной становится идея произведения и его проблема. Так было и с утверждаемой Паустовским идеей «надзвездного “единения” героя с вечностью» (146), и с «правдой истинного», т. е. идеей в повести Пришвина (84), и с проблемой «душеустройства» героев в пьесе Овечкина (187).

Подведем итоги. Системные, повторяющиеся фактические ошибки заставляли Твардовского-редактора объяснять авторам, какой урон они наносят тексту, и из письма в письмо уточнять требования к факту. Фактические ошибки являются очень часто взаимосвязанными, комплексными. Они влияют на разные формально-содержательные стороны текста, поэтому стоят в ряду наиболее существенных, наносящих значительный ущерб произведению. И напротив, глубоко продуманная и разработанная фактическая основа текста приводит, как писал редактор, к очень важному результату – «живому достоверному впечатлению <...> которое нельзя подменить общим, хотя бы и вполне благонамеренным, но “головным” построением» (177). Твардовский ждал встречи с таким фактом в литературе, который, выйдя из реальности, возвращается в нее, став фактом самосознания читателей, и приводит к «приращению», «обогащению» реальности.

Примечания

- 1 Твардовский А. Письма о литературе. М., 1985. С. 137. В дальнейшем цитируется это издание с указанием страниц в скобках.
- 2 Твардовский А. Проза, статьи, письма. М., 1974. С. 700.
- 3 См.: Накорякова К. Справочник по литературному редактированию для работников средств массовой информации. М., 2010. С. 115.
- 4 Есин А. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М., 1998. С. 16.
- 5 Там же. С. 7–8.
- 6 Там же. С. 11.
- 7 См.: Есин А. О ценностной системе А. Т. Твардовского («Василий Теркин») // Есин А. Литературоведение. Культурология: Избранные труды. М., 2002. С. 234–243.
- 8 Твардовский А. Поэмы. М., 1947. С. 131, 108.
- 9 Твардовский А. С Карельского перешейка. (Из фронтальной тетради) // Твардовский А. Проза, статьи, письма. С. 154.
- 10 Толстой Л. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 8. М., 1936. С. 102.

Образец для цитирования:

Долнина С. Я. Специфика факта литературного произведения в понимании А. Т. Твардовского-редактора // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 200–204. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-200-204.

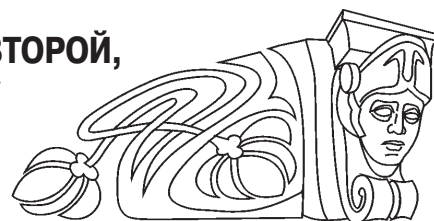
Cite this article as:

Dolinina S. Ya. Specific Nature of the Fact of a Literary Work in the View of A. T. Tvardovsky as an Editor. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 200–204 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-200-204.

УДК 821.161.109-312.6+929Солженицын

«...ВО ФРАНЦИИ Я ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ КАК НА ВТОРОЙ, СОВСЕМ НЕОЖИДАННОЙ РОДИНЕ»: К ВОПРОСУ О МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Г. М. Алтынбаева

Алтынбаева Гульнара Монеровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, gulnarama@gmail.com

В статье, приуроченной к 100-летию А. И. Солженицына, представлен взгляд писателя на Францию 1970-х гг., французских СМИ, французскую историю. Внимание обращается на мировоззренческие причины особого отношения Солженицына к Франции.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, «Угодило зернышко промеж двух жерновов», Франция, мировоззренческая география писателя.

“...In France I Felt as Though at a Second, Quite Unexpected Home”: To the Question of the Worldview Geography of A. I. Solzhenitsyn

G. M. Altynbayeva

Gulnara M. Altynbayeva, ORCID 0000-0001-5168-7138, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, gulnarama@gmail.com

The article is written on the occasion of A. I. Solzhenitsyn's 100th anniversary. It presents the writer's view on France of the 1970s, on the French, their mass media, French history. It is noted that Solzhenitsyn's special attitude to France had been determined by reasons of his worldview.

Key words: A. I. Solzhenitsyn, “The Little Grain Managed to Land Between Two Millstones”, France, worldview geography of the writer.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-205-209

В 2018 г. отмечается 100-летие со дня рождения Александра Исаевича Солженицына. Хотя творчество его активно изучается не одно десятилетие, есть важные страницы биографии писателя, еще не ставшие предметом исследования.

В 1974 г. Солженицын был лишен советского гражданства и выдворен из СССР. Первые годы он провел в Европе, часто выступал перед журналистами, много путешествовал. Мы обратили внимание, что выбор стран, городов, мест для посещения не был случайным. Большая часть творческой жизни Солженицына была посвящена написанию эпопеи «Красное Колесо». Материал, как говорил сам Солженицын, диктовал. В первую очередь, именно ради поиска источников для «повествования в отмеренных сроках» он побывал в Швейцарии, Германии, Норвегии, Швеции, Ита-

лии, Испании. Франция занимает особое место в этом ряду, отношение к ней предопределено было, на наш взгляд, мировоззрением писателя.

Тема «Солженицын и Франция» имеет давнюю историю. Во-первых, с Францией Александра Исаевича Солженицына связывают тесные литературные отношения. В 1970 г. именно французский писатель Франсуа Мориак выдвинул его на Нобелевскую премию. Первые издания книг Солженицына вышли в парижском издательстве «ИМСА-Press». Первым биографом Солженицына является французский славист Жорж Нива¹. Размышляя о Февральской революции, Солженицын подробно сравнивает ее с Великой Французской революцией. В художественных текстах писателя упоминаются не только имена французских писателей, но в повседневную жизнь героев включены вещи и предметы французских марок как непреходящий атрибут времени. Наконец, в «очерках изгнания» «Угодило зернышко промеж двух жерновов»², которые писались на протяжении всех 20 лет изгнания, неоднократно фигурирует Франция.

Цель данной работы – показать Францию как одну из важнейших точек в мировоззренческой географии Солженицына.

27 декабря 1974 г. Александр Исаевич и Наталья Дмитриевна Солженицыны впервые приехали в Париж. Это был не чужой для них город, так как там ждали друзья – Никита Струве и о. Александр Шмеман. «27 декабря, только вышли мы с Восточного вокзала (ошеломленными глазами боясь допустить, что вот эти серые дома и узкая улица, по которой мы поехали, и есть тот самый Париж, исчитанный с детства)» (1998, 9: 99).

Следующие дни Солженицын вел сложные переговоры с издателями, а между встречами гулял по Парижу и предместьям.

В «Зернышке» читаем: «Встретить в Париже Новый год. Аля едет в Париж больше как человек естественный: смотреть неповторимый заманчивый город, набережные, бульвары, картинные галереи, Нотр-Дам, живые легенды. А мне – по сжатым срокам моим и по объему ребер – да куда ж это все вместить бы? Я и тут – с деловой, “революционной” целью: мое – это Париж русской эмиграции, какой он увиделся и достался нашим горьким послереволюционным эмигрантам, – не сплошь всем, не тем, кто бежал, спасаясь, а той белой эмиграции, которая билась за лучшую долю России и отступила с боями. Это тоже – часть моего “Колеса”, это все туда входит: Париж Пер-

вой эмиграции, как она выживала тут полвека и больше, как исстрадалась и умерла. Коснуться русского Парижа» (1998, 9: 98–99).

Именно поэтому в программе пребывания Солженицына значатся встречи с первыми эмигрантами, поиск знаковых мест, знакомства, порой случайные, с людьми из первой волны русской эмиграции, вообще непрерывные мысли писателя «о связанности Парижа с русской эмиграцией»³.

Франция для Солженицына – прежде всего воплощение свободы, поэтому, путешествуя по этой стране, он во всем старается найти проявление этого состояния: в сравнении французской и русской историй («И если бы явление нашей Февральской революции никак бы не соотносилось с подобными же западными революциями, течениями и мировоззрениями. Но, пусть тысячекратно худшая, чем на Западе, неудачная, нелепая – а все же той она была природы, напоминала и французские 1830 и 1848» (1999, 2: 68)), государств («А ведь и у нас в России сколько было независимых городов! Надеюсь – будут еще» (1998, 9: 104)), наций, обычаев.

Отдавая должное великой истории Франции, показывая свое о ней знание, на страницах «Зернышка» Солженицын пишет о линии Мажино (1998, 9: 104), о пути Наполеона с Корсики в Париж (1998, 9: 108), о могиле Шарля Де Голля под Парижем (1998, 9: 104), о Вандее⁴ (2003, 11: 87–88).

События первых дней в Париже навсегда останутся в воспоминаниях Солженицына: «Поместились мы в Латинском квартале на улице Жакоб (рядом с издательством “Сей”) – в единственном изолированном мансардном номере, куда доводила круглая лестница как корабельная и с морским канатом вместо поручня. Мансарда была достойно-парижская, из окна одни крыши и каменные колодцы дворов. Погонял я по Парижу тоже немало, все пешком, еще сохраняя ноги и обычай юности (тут примешивается в память и второе посещение Парижа, той же весной, и еще третье, через год), кажется и видел все главное, вобрал – не настолько, чтоб делиться с читателем, а чтобы хватило самому. (Лучший день тут был – прогулка с о. Александром Шмеманом, знатоком и города и истории его, – он вел меня и, по мере встречных мест, попеременно проводил то через Париж Людовиков, то через Революцию большую, революции малые, войну прусскую, Мировую первую, 30-е годы, немецкую оккупацию, да и те самые “русские” кварталы, к которым влек меня главный интерес.) Всю мою советскую юность я с большой остротой жаждал видеть и ощутить русскую эмиграцию – как второй, несостоявшийся, путь России» (1998, 9: 99).

В «Дневнике» о. А. Шмемана есть такая запись: «Понедельник 30-го. Рано утром еду к Струве в Villebon и втроем – с Солженицыным и Никитой – едем на русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Полтора часа! Солженицын

очень взволнован, особенно “военными могилами”: записывает имена, надписи. “Ведь это – все мои отцы, его поколение!.. Там погибшее под сталинскими глыбами, и вот – здесь – в изгнании!”»⁵.

Сам Солженицын описывает эту поездку с горечью: «...главная ее [эмиграции] масса, воинов, мыслителей или рассказчиков, не дождавшись меня, уже вся залегла на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. И так мое опозданное знакомство с ними было – в сырое, но солнечное утро, ходить по аллеям между памятниками и читать надписи полковые, семейные, частные, знаменитые и безвестные». После этого были посещение «инвалидного дома по соседству с кладбищем», беседы с адъютантом Деникина полковником Колтышевым, в Морском собрании – общение с двумя адмиралами и тремя полковниками Первой мировой войны. «Еще в разных местах Парижа навещал я старичков с памятью того времени, даже крупных по своим бывшим постам, или ездил к бережливым монархистам посмотреть в квартирке сохраненный уникальный фильм о царской семье. И ко мне в номер приходили старики, тогдашние молодые офицеры, рассказать перед магнитофоном впечатления революционных дней, деформированные сумраком полувека. Еще повидал я и сына Столыпина» (1998, 9: 99). И, конечно, общение с «невидимками»: «... в наш мансардный гостиничный номер приходили к нам “невидимки” – Степан Татищев, Анастасия Борисовна Дурова, кто так основательно нам помогла, однако даже имя ее мне не называлось прежде, а теперь она весело рассказывала о подробностях своей конспирации» (1998, 9: 100).

Русские люди повсюду окружали Солженицына. Неожиданно портье гостиницы оказался не Жаном, а Иваном Федоровичем. В русском ресторане «Доминик» на Монпарнасе, где Солженицын, Шмеман и Струве с семьями встречали Новый год, был «старый русский официант, высокий статный мужчина, наверно бывший офицер», он «в полночь надел для смеха публички дурацкий колапак и пытался смешить, едва ли не кукарекая. Сердце разрывалось от такой веселой встречи» (1998, 9: 100). Возникшую горечь и волнение за судьбу простых эмигрантов перебивали вдохновляющие, теплые, часто солнечные пешие прогулки по Парижу с братьями Шмеманами, со Струве.

Вместе они посетили русскую типографию Лифаря («это открытый двор, открытый амбар, куда может в любое время всякий свободно зайти и ходить между незагражденными стопами набора» (1998, 9: 100)), русское издательство «УМСА-Press» («немало сотрудников толпились избыточно в книжном магазине <...>. В самом же издательстве в тот год не было ни одного редактора, ни постоянного корректора» (1998, 9: 100–102)), улицы, проспекты города, музеи, набережную Сены, дворцы Версаля, Шартра, Лувра, попутно – завтраки, обеды, ужины в уютных французских кафе и ресторанах.

А. Шмеман потом запишет у себя в Дневнике: «Сначала он [Солженицын] захвачен Парижем, особенно историческим (где что случилось...), радостен, порывист. Но под вечер, когда стояли на горе над Парижем, вдруг как бы затянулся грустью, сжался, ушел в себя, погас. Долгое – странно-задумчивое – хождение вдоль тиров и балаганов на Pigalle. Впечатление, что он внезапно физически ощущает страшную тяжесть, лежащую на нем. Тяжесть, от которой он как-то “темнеет”»⁶.

Не удовлетворившись результатами издательских переговоров, наполнившись тяжелыми раздумьями, простудившись, уезжал первый раз Солженицын из Парижа 4 января 1975 г.

Но весной того же года вновь решил съехать на путешествие по Франции. Впечатление прямо противоположное. В марте 1976 г. в интервью «Франс Суар» Солженицын признался: «... во Франции мне самой приятной кажется французская провинция»⁷. Устав от немецко-швейцарских нравов, супруги Солженицыны на автомобиле словно вырвались на свободу: «Первые же часы во Франции почувствовали мы рассвобождение от какой-то утомительной обязательности, сковывающей в немецкой Швейцарии. И еще – эта полупустота пространств, в заброшенном грязном леске – вдруг мусорная куча (Швейцария б такого не выдержала час!), – простота, которой не ждешь от Европы, да незаселенность, которой из Союза вообразить нельзя: нам оттуда представляется вся Европа сгустившимся людским роем. Нарядный острый легкий разнообразный Страсбург, пересечение французского и германского духа (для европейского парламента вряд ли лучше и придумать место). Обаятельное игривое Нанси с дворцовой площадью лотарингских королей, королевским парком и бульваром лихих балаганов (мы попали на день ярмарки). Всего двух таких провинциальных городов уже довольно, чтобы почувствовать: только та и страна, какая не исчерпывается своею столицей, и даже Франция, о, далеко не вся – Париж» (1998, 9: 104).

Вновь следуя своей давней задаче узнать Францию первых эмигрантов, Александр Исаевич съездил в Грасс («где доживал Бунин» (1998, 9: 108)), на кладбище русского экспедиционного корпуса под Мурмелоном («могилы, могилы» (1998, 9: 104)), посетил вечернюю службу в местной церкви. Но останется навсегда на страницах «очерков изгнания» трудный вопрос: «По какому государственному безумию, в какой неоглядной услужливости посылали мы сюда истрачивать русскую силу, когда уже так не хватало ее в самой России? зачем же наших сюда завезли погибать?» (1998, 9: 105). Думается, в «Красном Колесе» автор хотел дать ответы.

Откровенно не только признается Александр Исаевич в своей любви к Франции («уединенное мирным охватом, отдыхало сердце совсем как на родине» (1998, 9: 104)), но с радостью преодоле-

вает и сложившиеся стереотипы («С Францией я испытал ошибку: <...> настолько Францию, живя в СССР, я всегда считал себе противопоказанной, не по моему характеру, куда чужей Скандинавии, Германии, Англии, – а вот тут стало мне ласково, нежно, естественно, – если жить в Европе, то и не нашел бы лучше страны. И даже вовсе не соборы грозные – Реймса, Шартра, Суассона, и не дворцы Версаля и Фонтенебло, но медленная жизнь крохотных безвестных городков, но благо-родно-мягкие рисунки полей, лесков с омелами, серый камень длинных садовых оград, да все непридуманное французское земляно-серое каменноустройство» (1998, 9: 104)).

Единственное, что огорчало Солженицына в его «бродьбе» (его определение. – Г. А.) по Франции, – незнание французского языка. Потом именно это станет решающим препятствием в выборе страны для дальнейшего житья. Выбирая знаковые места для поездок, откликаясь на просьбы французских журналистов об интервью, решая издательские проблемы, постепенно Солженицын открывает для себя и для своего читателя настоящую, преданную писателю Францию, духовно ему близкую. Но и опять, как в первый приезд, он не сможет победить в себе чувство языковой беспомощности: «Да ни за что из Европы не уезжать! И правда, какой нормальный человек уедет от этой многообразной красавицы, сплоченной древности и культуры? Но позволь, но мы уже решили: не жить нам в Европе, не дадут мне там спокойно работать, везде достанут; и кроме Франции нигде не хочется, а там – язык» (1998, 11: 122); «Именно Франция, закрытая мне по языку для жительства» (1998, 9: 105).

Несмотря на жесткий график пребывания во Франции, все же были временные промежутки, когда Солженицын просто отдыхал, старался анонимно, не узнав побывать в разных местечках («...ехать дальше как можно долее анонимно, нигде не открывая следов. <...> трудно не узнать» (1998, 11: 147)). И записи этих непродолжительных «отпусков» полны живописных красок: «...особенно прелестна мягко-холмистая восточная Франция» (1998, 9: 104); «редчайшие для меня дни – чистого отдыха безо всякой цели, даже безо всякой задачи глазам и наблюдению, а если что и записывает перо, то механически, от вечного разгона» (1998, 9: 106); «буквально очарован» юго-восточной и восточной Францией; «сохраняемый в первозданности средневековый городок Сен-Поль-де-Ванс <...>, крутые переулки, мощенные морской галькой»; «каменистые, малопродуктивные холмы Прованса, уже сейчас, в апреле, сухие под солнцем, но всюду сизые пучки лаванды, еще залет она лилово-синим эти поля, а душистый ее настой и сейчас продается проезжим в одиноких придорожных ларьках. Всякому земному месту отпущен свой дар» (1998, 9: 108).

Кроме описаний французских топосов и लोकусов, Солженицын, знаток русского характера, не

мог не оставить своих наблюдений над французами и своего отношения к французскому менталитету.

Знаковым для Солженицына является «французский вкус»: «Стоит у дороги кусок старой каменной стены с проломами. Доломали б ее и свалили? – нет: в один проем поставили древнюю амфору, и стена зажила как памятник, французский вкус! Или: крестьянский каменный арочный сарай, так и остались видны старые стропила, балки, в более разрушенной части – старые жбаны, крестьянская посуда, в каменное корытце стекает струйка родника, – а более сохранившуюся остеклили по-современному, и в одном помещении сразу – печь, ресторан, тихая классическая музыка, две скромные девушки-официантки, а меню написано в ученической тетрадке от руки. Французский уют!» (1998, 9: 108).

Близко пообщавшись со своими французскими переводчиками, Солженицын запишет в «Зернышке»: «Насколько несчастлив я был со многими переводами на многие языки (и многих уже не проверить при жизни) – настолько счастлив оказался с переводчиками французскими. <...> ... все – достаточно осведомленные о советской жизни и ее реалиях, не небрежные ни к какой неясной мелочи и, кажется, все – изрядные стилисты в своем родном. Единство же их обучения приводило к значительному сдружению переводов» (1998, 9: 105).

В издатель Роле Фламане Александр Исаевич обнаружит «интеллектуала с давней усвоенностью и разработанностью культуры, как это бывает особенно у французов» (1998, 11: 119); в другой раз вспомнит свое впечатление от знакомства с первым живым французом – «с аристократическим закидом головы и манерою говорить» (1999, 2: 123); всю жизнь будет благодарен своим «терпеливым» французским читателям (2001, 4: 101), которые «очень часто узнают, но весьма дружелюбно и неназойливо»⁸; напомним самим французам их главное качество – «французская коммунистическая партия состоит прежде всего из французов и в случае угрозы французской свободе она будет биться до последней капли крови за Францию!»⁹, вновь удивится их «рассвобождению» и простоте.

Но Солженицын, строгий к себе, требователен и к французам. Так, отмечая «ироничность» как характерную черту французского менталитета, не молчит, когда французы ей изменяют («В Компьенском лесу – отказала французам ирония: сохранена обстановка капитуляции немцев в 1918 – и ни полунамека, как обратный спектакль был повторен в 1940» (1998, 9: 105)). Помня, благодаря французским авантюрным романам, о горячности французов в прошлые времена, Солженицын с удивлением находит эти черты и в своих собеседниках («К счастью, Клод Дюран из “Сея”, ведущий все мои литературные дела, очень хладнокровен и даже дерзок, есть в нем дуэлянтство бывалых французов» (1998, 11: 141);

«Французы остры и успевают потрепать друг друга оскорблениями» (2000, 9: 171)). Не принимает Солженицын ни разгульности французов («давка корреспондентского коктейля», «огромная студия, похожая на цирковые кулисы, сотни людей, гул, неразбериха» (1998, 9: 105)), ни показной сдержанности («А вот и Авиньон, папский дворец времен их пленения, девять папских портретов – да что-то холодны, жестоки. Да, эту Францию никогда не пересмотришь...» (1998, 11: 152)).

При всех свободных личных впечатлениях от Франции в солженицынских записях то и дело проскальзывают предостерегающие аллюзии даже там, где не ожидаешь: «Сколько уж, кажется, я Францию видел, а – все новое, все новое глазу, и пластами нагромодились века, короли, полководцы. Замки, замки – Амбуазский, Шверни, Шамборский. Анжуйские графы, предшественники Плантагенетов. Здесь комната Генриха II, там сундук Генриха IV, здесь родился и умер Карл VIII. И неужели все эти замки (иные – даже во Французскую революцию не конфискованные, отстояли себя, собравши верных) еще будут инвентаризовать коммунисты, которых многие французы не первый раз ожидают ко власти?» (1998, 11: 147).

Незадолго до возвращения в Россию, в 1993 г. Солженицын предпринял прощальную поездку по странам Европы, в том числе и по Франции, где ему, «как всегда, <...> особенно тепло» (2003, 11: 87). Навсегда запомнились приветливые, благодарные и открытые французы. Уезжая, Солженицын напишет: «...уж двадцать лет повелось, что во Франции я чувствовал себя как на второй, совсем неожиданной родине» (2003, 11: 87).

В 2000 году Солженицын станет лауреатом Большой премии Французской Академии моральных и политических наук. В речи в Посольстве Франции в Москве писатель скажет: «Я благодарен Академии <...> за оказанный мне почет. Я вижу в том проявление постоянного внимания и сочувствия, которые неизменно оказывает мне французская общественность вот уже 40 лет. И проявление традиционной теплой русско-французской связи»¹⁰.

Примечания

¹ См.: *Нива Ж. Солженицын / пер. с фр. С. Маркиш в соотр. с авт.; предисл. И. Виноградова. М., 1992; Его же. Александр Солженицын: Борец и писатель / пер. с фр. В. А. Петрова в соотр. с авт. СПб., 2014.*

² *Солженицын А. Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть первая (1974–1978) // Новый мир. 1998. № 9, 11; 1999. № 2; Часть вторая (1979–1982) // Новый мир. 2000. № 9; Часть третья (1982–1987) // Новый мир. 2000. № 12; 2001. № 4; Часть четвертая (1987–1994) // Новый мир. 2003. № 11. Далее цитируется это издание с указанием года, номера журнала и страницы в скобках.*

³ *Солженицын А. Пресс-конференция в Париже (10 апреля 1975) // Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т.*

- Т. 2 : Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль, 1996. С. 256.
- ⁴ См.: Солженицын А. Слово о Вандейском восстании (Вандея, 25 сентября 1993) // Солженицын А. И. Собр. соч. : в 9 т. Т. 8 : Публицистика : На Западе. 1990–1994 ; В России. 1994–2003. М., 2005. С. 108–111.
- ⁵ Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983 / сост., подгот. текста У. С. Шмеман, Н. А. Струве, Е. Ю. Дорман ; предисл. С. А. Шмемана ; примеч. Е. Ю. Дорман. М., 2005. С. 143.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Солженицын А. Из интервью газете «Франс Суар» (10 марта 1976) // Солженицын А. И. Публицистика. Т. 2. С. 416.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 414.
- ¹⁰ Солженицын А. Перерождение гуманизма : Речь при вручении Большой премии Французской Академии моральных и политических наук (13 декабря 2000) // Солженицын А. И. Собр. соч. : в 9 т. Т. 8. С. 510.

Образец для цитирования:

Алтынбаева Г. М. «... Во Франции я чувствовал себя как на второй, совсем неожиданной родине»: к вопросу о мировоззренческой географии А. И. Солженицына // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 205–209. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-205-209.

Cite this article as:

Alтынbayeva G. M. “... In France I Felt as Though at a Second, Quite Unexpected Home”: To the Question of the Worldview Geography of A. I. Solzhenitsyn. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 205–209 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-205-209.

УДК 821.161.109-31+929Прилепин

РОМАННАЯ ПРОЗА ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА КАК «САМОУЧИТЕЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ»

Л. С. Янковская

Янковская Людмила Сергеевна, аспирант кафедры русской филологии и медиаобразования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, taranukhina-ljudmila@rambler.ru

В статье рассматривается проблема автопсихологизма в творчестве Захара Прилепина, выявляются общие для писателя и его героев психологические черты. Материалом исследования становятся ранние романы Прилепина «Патологии», «Санька», «Грех», воплощающие первый этап творческого пути автора.

Ключевые слова: автопсихологизм повествования, современная проза, Захар Прилепин.

Novelistic Prose by Zakhar Prilepin as a 'Self-Guide of Psychological Situations'

L. S. Yankovskaya

Ludmila S. Yankovskaya, ORCID 0000-0003-1568-3986, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, taranukhina-ljudmila@rambler.ru

The article considers the problem of auto-psychologism in the oeuvre of Zakhar Prilepin, some psychological features that the writer shares with his characters are identified. The research uses the material of the early novels by Prilepin *The Pathologies*, *Sankya*, *Sin*, which introduce the first stage of the author's creative development.

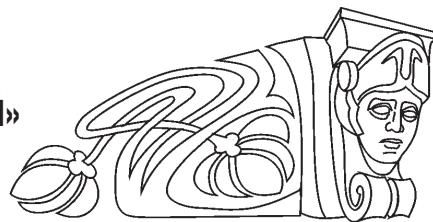
Key words: narrative auto-psychologism, modern prose, Zakhar Prilepin.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-210-214

Одним из актуальных вопросов современного литературоведения является соотношение категорий автора и героя, прояснение возможных путей их слияния и степени дистанцированности. Именно в этой плоскости разрешаются сегодня важнейшие проблемы постижения особой поэтики новой отечественной прозы.

Нельзя не учесть того обстоятельства, что художественные тексты многих современных авторов воспринимаются читателями как сугубо автобиографические повествования. Но еще М. М. Бахтин в своем исследовании «Автор и герой в эстетической деятельности» заметил, что герой никогда полностью не совпадает с автором-творцом, «в противном случае мы не получим художественного произведения»¹. Таким образом, справедливее будет рассуждать не о растворении границ между автором и его героем, а лишь о некой видимости слияния этих категорий.

Л. Я. Гинзбург дает определение такой «видимости». В своем труде «О литературном герое» исследовательница убедительно доказывает, что в

творчестве отдельных писателей автобиографизм как таковой уступает место «автопсихологизму»². По ее мнению, в «автопсихологических произведениях» на передний план выходит не совпадение жизненных реалий и даже не совпадение реальной биографии автора и его героя, а их внутреннее психологическое родство³.

Наиболее полно принципу автопсихологизма повествования в русской литературе последних десятилетий следует, на наш взгляд, один из самых популярных и в то же время противоречивых авторов – Захар Прилепин. Писатель, наделенный, по его собственному признанию, яростным стремлением энергично «тратить вещество жизни», адресует эту внутреннюю установку своим героям, которые, при всех различиях своих «земных примет», обладают определенной общностью, заметной автопсихологической доминантой⁴.

Обратившись к ранней романной прозе Захара Прилепина – «Патологии» (2004), «Санька» (2006), «Грех» (2007), – проследим за тем, как писатель, наделяя главных героев своих книг психологически родственными себе чертами, делаясь с ними своим «духовным опытом», каждый раз выстраивает новые реалии воссоздаваемой им картины мира. В данной статье мы сосредоточимся именно на этих текстах, так как выход в свет «Черной обезьяны» (2011) и «Обитатели» (2014) ознаменовал, на наш взгляд, начало качественно нового этапа в творчестве писателя.

В своем дебютном романе «Патологии» Прилепин передоверяет главному герою чувства, эмоции, под действием которых он сам оказывается на Чеченской войне. Егор Ташевский убежден, что человек сам должен решать для себя, что является злом и как его следует уничтожить: «Бог наделяет божественным смыслом само рождение человека... свою смерть божественным смыслом должен наделить сам человек»⁵. В поисках такого «божественного смысла», судя по всему, пребывал и сам автор, что подтверждается его собственными размышлениями в одном из интервью: «Война – самый легкий способ почувствовать себя человеком и сыном Бога»⁶.

В том же интервью писатель откровенно заявляет: «Я хочу, чтобы у меня все получалось. Когда мне что-то не удастся, я злюсь»⁷. Рисуя образ Егора Ташевского, автор не вкладывает в уста своего героя подобных признаний, но невольно адресует ему психологические особенности собственной личности: «Мне хочется сделать все так же красиво, как Слава: автомат в бок, длинные очереди на бегу» (104); «Семеныч смотрит на Шею, на

Хасана, мне хочется, чтобы Семеныч посмотрел и на меня» (122); «Впрочем, я по привычке сажусь вперед <...> ну нравится мне впереди сидеть» (161). Герой постоянно ощущает необходимость быть лучше, храбрее тех, кто рядом.

Егор Ташевский отчаянно стремится быть первым не только на войне. Узнав о том, что до него у его любимой девушки Даши уже были мужчины, Егор испытывает ужасные муки, вплоть до «припадков». Почему герой настолько поражен признанием любимой, что до него в ее жизни уже были мужчины? Ответ на этот вопрос мы снова находим во внутренних монологах Ташевского: «Я хочу иметь что-нибудь свое!» (182). И, несмотря на терзающие Ташевского призраки прошлого, Даша сумела подарить ему уверенность в том, что это «свое» у него есть, сказав: «Ты – мой первый мужчина. ... Если бы я знала, что у меня будешь ты, я бы ни разу никогда ни к кому не прикоснулась» (203). Именно поэтому она становится ангелом-хранителем героя на войне: вспоминая о том, что дома его ждет «его» Даша, Егор готов бесконечно преступать «через свои внутренние границы».

Весь сюжет романа укладывается буквально в одной строке – «разгромлена N-ная по счету боевая единица федеральных сил в Чечне». И это не изображено в романе как событие трагедийного масштаба. Очень созвучны такой организации сюжета высказывания из интервью самого писателя: «Война сама по себе не есть нечто дикое и страшное»⁸. Автор, будучи участником событий в Чечне, не мог не наделить главного героя собственным отношением к тому, что вынужден пережить человек, оказавшийся на такой войне. Но речь идет именно об отношении, о тех эмоциях, чувствах, которые автор передоверяет своему герою. Благодаря такому приему Прилепину удалось создать реалистичный образ человека, перенесшего тяжелейшие испытания, но до конца жизни сохранившего внутренний стержень и веру в лучшее.

Саша Тишин, главный герой романа «Санька», тоже верит в лучшее. Он убежден, что его страну ждет светлое будущее, несмотря на то, что сейчас видит вокруг себя только разруху и хаос. Санька считает, что «Россия невысказана больше вне революции и без революции» (757). Сам Захар Прилепин также убежден, что «если нынешний порядок в России сохранится, то мы можем потерять страну в течение 20 ближайших лет, она просто рассыплется»⁹. Путь достижения перемен Прилепин определяет однозначно. Революция для России, по его мнению, – это «жизненная необходимость» и главный признак того, что страна «жива, деятельна, бодра, сильна»¹⁰. Получается, что Санька, как и Егор Ташевский из «Патологий», при всей несхожести своей биографии с реальной авторской, является героем автопсихологическим.

«Занимаясь революцией», Саша Тишин умеет горячо любить и дружить по-настоящему, что снова сближает его с автором. Так, для Саньки его друзья – члены революционной партии «Союз

созидающих» – «лучшие люди на земле» (668). Для Захара Прилепина, как известно, его единомышленники в ДНР – «лучшие русские люди»¹¹. Мы видим, что отношение к дружбе, к мужскому партнерству у автора и героя во многом принципиально совпадают.

Свою любовь к Яне, одной из «союзниц», Санька видит некоей непреложной истиной. Характер вспыхнувшего между ними чувства он определяет так: «Это было родство – абсолютное и почти божественное родство» (660). Любовь Саши и Яны будто предрешена свыше: «Время было дурным, несправедливым, нечестным – в этом Саша никогда не сомневался, и в этом не сомневалась Яна» (649). На этом ощущении несправедливости окружающего мира и строятся отношения героев. В маленькой Яниной квартире, где происходит их первое сближение, герои будто стремятся хотя бы на несколько часов избавиться от гнетущего чувства «неправильности» происходящего вокруг.

Санька считает, что не имеет права выбирать и сомневаться, если речь идет о семье, любви или стране, в которой он родился. Все истинное, по его глубокому убеждению, «само понятие выбора отрицает» (704). Родина, «ее почва, ее дети, ее рабочие, ее старики» не ценнее для героя, чем жизнь любимой женщины и матери (755). Эти понятия для него абсолютно неразрывны.

Когда речь заходит о семье самого Захара Прилепина, о том, что в результате его деятельности на Донбассе четверо детей и жена могут остаться без кормильца, писатель категорично заявляет, что на войне человеку, который «не оставил потомства», ничуть не легче, ведь «никто не продолжит его род»¹². Несмотря на удивительную нежность, с которой относится писатель к своей семье, он не может забыть о «тысяче обязательств» перед родиной, и потому своей главной задачей сейчас видит «пойти и остановить войну»¹³. И это делает их с главным героем «Саньки», при всех заметных различиях, бесконечно близкими.

Во многом близким автору можно назвать и главного персонажа романа «Грех» (2007) – Захара. Девять новелл и несколько «стихов Захарки», объединенных под названием «Иными словами», – такова структура произведения. Каждая из новелл – это определенный отрезок жизни героя, который носит имя, являющееся творческим псевдонимом его создателя, – Захарка.

О детстве Захарки мы узнаем из новеллы «Белый квадрат». Захарка – самый маленький среди своих приятелей в деревне, и когда все играют в прятки, его «никто особенно и не ищет», кроме Сашки (373). И именно тогда, когда Захарка водил в прятках, Сашка спрятался в пустую морозильную камеру, как оказалось, не открывающуюся изнутри. Чувство вины за то, что ушел домой, за то, что не спас друга, Захарка пронес через всю жизнь:

«– Саша, я не в силах вынести это, раздели со мной.

– Нет, Захарка» (373).

Так, в самом начале жизни герой получает важный урок: свой грех человек не сможет разделить ни с кем. Он должен искупить его сам. В новелле «Грех» эта тема получит свое развитие. Ее главный герой – уже семнадцатилетний Захарка. Он гостит в деревне у бабушки с дедом, здесь же живут его двоюродные сестры. Лето в деревне омрачено лишь одним – герой слишком явно ощущает свое созревание, свою греховную сущность. Зрелая, материнская прелесть Кати, ее бедра, «только похорошевшие после родов», будоражат естество Захарки (284). Героя не покидает ощущение «неправильности», греховности происходящего: «Боже ты мой, что ж ты пристал ко мне с этим...» (285). Чувство тревоги постепенно нарастает, но «вовсе лишенное души», животное чувство не овладевает героем. Дважды он борется с искушением, и дважды побеждает его. «Всякий мой грех будет терзать меня... А добро, что я сделал, – оно легче пуха», – так рассуждает герой. «Как все правильно, Боже мой», – заключает он (301).

Но ощущение правильности такого поступка не освободит героя от тяги ко греху навсегда. В новелле «Черт и другие» рассказывается о жителях многоквартирного дома, соседях уже повзрослевшего главного героя. Пятнадцатилетняя дочь его соседки Нины долгое время оставалась для Захарки полупризрачным существом, но «весной вышла вдруг из подъезда», а на ней «курточка с маечкой такие, словно с младшего брата сняла» (314). Несмотря на свою очарованность девочкой, герой понимает, что его интерес к ней – греховный. Нина, вернувшаяся из больницы, кажется герою неприветливой: «Конечно, кто-то должен был проследить за ее доченькой. Но ведь не я же. Я бы тоже... проследил бы» (323). Захарка снова проходит испытание, преодолевая тягу к запретному. Девочка так и остается для него только призраком, он даже не узнает ее имени. Но и это испытание оказывается не последним.

В новелле «Карлсон» рассказывается о дружбе главного героя с Алешей, который носит характерную кличку (именно она вынесена в заглавие новеллы). Это товарищество Захарка понимает так: «...он меня не тяготил, не раздражал и даже радовал порой» (302). Самолюбование, гордыня – еще один грех, за который герою предстоит расплатиться.

Новелла написана в ироническом, полупуштивом тоне. И расплата тоже окажется карикатурной, смешной. Любимым развлечением героев становится посещение книжных магазинов. Захарке нравятся Хемингуэй, Газданов, Набоков (все – из ряда любимых писателей самого Прилепина). Карлсону неприятен ни один из перечисленных авторов, а многие русские романы ему «отвратны из-за повествователя», «спортивного сноба, презирающего всех остальных» (302). «Такого же, как ты», – неожиданно произносит Алеша (302). Он еще не понимает, что перед ним – не весь За-

харка, что жизнерадостная бравада героя – лишь одна из сторон его личности. Именно поэтому Карлсон в конце концов решается ударить своего приятеля – ему любопытно, так ли монолитен он на самом деле.

Захар Прилепин не случайно проводит героя через испытание гордыней и срывает с него маску. О себе самом писатель признается, что «свой парень», каким его считают многие, «просто образ»: «На самом-то деле какой я парень из народа? Я из той же среды, что и все интеллектуалы. У меня два высших образования»¹⁴. У Захарки тоже есть некий образ, и в определенный момент герой становится его заложником.

В новелле «Колеса» мы видим Захарку в непростой период его жизни – он работает на кладбище, много пьет и чувствует себя так, словно жизнь в любой момент может ударить его по коготку, как котенка, зацепившегося этим самым коготком за подоконник.

Захарка сталкивается с унижениями, терпеть которые несвойственно его натуре. Его путают с бродягой, плюют в коляску с младенцем его сестры. Но, тем не менее, герой ничего не делает, чтобы прекратить эти унижения. Такое поведение героя недолго остается безнаказанным. Возвращаясь однажды домой через железнодорожные пути, герой понимает, что не сможет переждать, пока проедет поезд – упадет и замерзнет. Ему приходится бежать. И он успевает перебежать пути только в самый последний момент, едва не попав под колеса товарняка. Возможно, если бы не этот эпизод в жизни Захарки, он уже не смог бы выбраться из греховной пропасти. Не случайно в следующей новелле мы видим очень изменившегося героя.

В этой новелле, носящей заглавие «Какой случится день недели», нет линейно выстроенного сюжета. Объяснение этому дает сам Захарка: «Сюжет – это когда все истекает. А у нас все течет и течет» (270). Повествование ведется от первого лица, герой делится с нами своим бесконечным счастьем – любовью к женщине по имени Марыся: «Мы целовались до нехорошего изнеможения, сулящего безрассудные поступки» (270). Заметим, что и жену самого Захара Прилепина зовут Мария, писатель обычно называет ее Марысей, но с точностью узнать в героине новеллы черты реальной супруги писателя невозможно – в тексте почти нет ее описаний.

Главным секретом семейного благополучия Захар Прилепин считает правило: «Никогда женщина не должна себя ставить ниже своей женственности, а мужчина – ниже своей мужественности»¹⁵. Захарка придерживается того же правила, хотя и не заявляет об этом прямо: ему нравится «ее удивлять» (258), он ревностно охраняет ее сон – не позволяет себе быть «ниже своей женственности».

Но не всегда Захарка испытывает столь благоговейное отношение к любимой женщине, такую

готовность взять заботу о ней на себя. В новелле «Шесть сигарет и так далее» описывается период жизни героя после рождения первого сына. Имена его жены и сына в тексте не звучат. Из-за этого создается ощущение некоторой неопределенности, потерянности. Оно усиливается еще и тем, что Захарка работает вышибалой в ночном клубе, где все происходит под покровом ночи (и такой этап был в жизни Прилепина).

С прибытием каждого нового гостя мы будем наблюдать резкую перемену настроений Захарки. Он и его напарник выделяют для себя отдельные категории приходящих в ночное заведение людей. Самые неприятные Захарке среди них – «позеры». Неприятные настолько, что он убежден: «...таких людей стоит убивать немедленно и никогда не жалеть по этому поводу» (343). «Он вошел шумно, бренькая ключами на пальце», «сразу нахамил официанту», – так комментирует героиня появление одного из подобных посетителей (343).

На рассвете гости покидают клуб, последним «тянется позер». Увидев вышибал, он «громко собрал слюну и плюнул, попав на стеклянную дверь» (343). Тут уж Захарка, не в силах больше сдерживать гнев, «сделал то, чего никогда не позволял себе делать с посетителями клуба, – ударил его в лицо, в челюсть, плотным ударом». Молоток, напарник Захарки, тоже не остается в стороне, тот «ударил ногой, пудовым своим берцем, позера по ребрам», «еще раз ударил – по животу» (371). Сцена обрывается коротким прощанием Захарки и Молотка:

«– Пока, Сема, – попрощался я еле слышно.
– Давай, – ответил он хрипло» (371).

Судя по всему, напарники только что убили человека, хотя прямо об этом в тексте не сказано. Жалеет ли Захарка? Придя с работы домой, он видит, что его жена устала, выбилась из сил, она дважды просит мужа подойти к сыну, но герой будто не слышит этой просьбы, он «прошел в ванную, включил жесткую струю холодной, почти ледяной воды», «упрямо натирал мылом кисти, ладони, пальцы», «смотрел на то, что стекает с них» (371).

Попытка Захарки искупить свой грех хотя бы перед женой представлена в новелле «Ничего не будет». Она начинается так: «Два сына растут» (379). Главный герой снова испытывает благоговейный трепет по отношению к любимой женщине. Стоит отметить, что в этой новелле герой не называет свою любимую по имени. Но имена детей – Игнат и Глеб – совпадают с реальными именами сыновей Прилепина. Захарка говорит о своих сыновьях: «Сравниваем, как первый рос, как второй растет. Очень разные» (382). В интервью Прилепина читаем: «Два сына очень забавно отражаются друг в друге»¹⁶. Сыновьям Захарки из новеллы Прилепин дарует имена своих детей, но при этом они совсем не похожи друг на друга. А вот про реальных Глеба и Игната писатель говорит, что они – отражение друг друга.

Получается, что и в этой новелле автор не ставит своей задачей предельно точно отразить события и характеры, он пытается воссоздать, снова почувствовать то, что испытывал когда-то, адресуя свои эмоции герою, – «я счастлив», «я не плакал уже семь лет» (384).

Но ощущение счастья не продлится долго. В последней новелле – «Сержант», – где речь снова, как и в дебютном романе «Патологии», идет о Чеченской войне, герой погибает. Он, так же как и Егор Ташевский, «сбежал на блокпост» от некой «душевной патологии»: странного чувства неуверенности, «обнаженности», которое испытывает «раз в несколько лет» (411). У Сержанта родились дети, и тогда он понял, что отныне ему «нужно сберечь себя», что теперь он не имеет права «умирать, когда ему захочется» (411).

Война для Захара Прилепина – это место, где «человек может превзойти себя», «быть сильнее ситуации» (411). Таким желанием «превзойти себя» наделен и Сержант: «Хочу не помнить, хочу не страдать, хочу есть камни, крутить в жгуты глупые нервы...» (423). Снова и снова наделяя своих героев теми же чувственными порывами, которые испытывал когда-то сам, Прилепин стремится переосмыслить суровый военный опыт, ответив себе на вопрос, прошел ли он проверку на прочность, имеет ли право считаться человеком. Ответ на этот вопрос, судя по всему, положительный, ведь, подводя итоги своей военной карьеры, Прилепин делает вывод: «Я почувствовал, что сделал их всех, что они слабее меня. Я ощутил это очень ясно»¹⁷.

Сержант «сделал всех», но погиб. Наверное, его смерть стала искуплением земных грехов. Он оставил после себя двоих сыновей и книгу стихов. Эти стихи – отражение его чувств, переживаний, эмоций. Лирический герой каждого из стихотворений точно передает настроение в тот или иной момент его жизни. Этот лирический герой так же автопсихологичен, как и сам Захарка по отношению к своему создателю. По сути, это, несомненно, является аллюзией на подобный художественный прием в романе «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака, автопсихологизм героя которого ни у кого не вызывает сомнений.

Стоит заметить, что и более поздние романы писателя – «Черная обезьяна» и «Обитель» – не менее автопсихологичны, но проявляется это свойство в несколько иных плоскостях, что требует, на наш взгляд, специального рассмотрения.

Таким образом, нам удалось убедиться, что герои ранней романной прозы Захара Прилепина в той или иной мере отмечены автопсихологическими чертами своего создателя. Прием автопсихологизма позволяет автору по-новому осмыслить свой собственный военный («Патологии») и политический («Санька») опыт, а также наиболее убедительно донести до читателя собственную точку зрения на волнующие его темы («Патологии», «Санька»). Кроме того, прием автопсихоло-

гизма позволяет Захару Прилепину найти ответы на вопросы, которые принято считать «вечными», и подтолкнуть других к их поиску («Грех»).

Писатель уверен, что «психология человека, который находится на грани, всегда будет любопытна людям», а его книги – это как раз «самоучитель психологических ситуаций»¹⁸.

Примечания

- ¹ Бахтин М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 1. М., 2003. С. 80.
- ² См.: Гинзбург Л. О литературном герое. Л., 1979. С. 270.
- ³ Там же. С. 271.
- ⁴ См.: Захар Прилепин : «Жизнь надо рвать зубами» // Красноярский комсомолец. 2008. URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/prensa/intervyu/krasnojarskij-komsomolec.html> (дата обращения: 25.09.2017).
- ⁵ Прилепин З. Дорога в декабре. М., 2012. С. 212. В дальнейшем в тексте цитируется данное издание с указанием страниц в скобках.
- ⁶ З. Прилепин : «Я понял, что на войне человек может преодолеть себя» // LecourrierdeRussie. 2011. URL: <https://www.lecourrierderussie.ru/obshestvo/lioudi/2011/09/zahar-prilepin-ya-ponyal-cto/> (дата обращения: 17.06.2017).
- ⁷ Там же.
- ⁸ З. Прилепин : «Чечня – индикатор состояния российского общества». URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/prensa/intervyu/spetsnaz-rossii.html> (дата обращения: 02.03.2017).
- ⁹ З. Прилепин : «Революция – единственный для России способ выжить». 2012. URL: <https://ura.news/articles/1036257923> (дата обращения: 08.08.2017).
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ См.: Живой Журнал З. Прилепина. URL: <http://prilepin.livejournal.com> (дата обращения: 14.05.2017).
- ¹² З. Прилепин: «Гуманизм – в том, чтобы пойти и остановить войну». 2017. URL: <http://rusvesna.su/news/1490976703> (дата обращения: 05.04.2017).
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ З. Прилепин : «7 вопросов Захару Прилепину» // Русский репортер. 2011. № 21. URL: http://rusrep.ru/article/2011/06/01/7_questions/ (дата обращения: 20.06.2017).
- ¹⁵ З. Прилепин : «Семейное счастье – это труд». 2014. URL: <http://www.matrony.ru/zahar-prilepin-semeynoe-schaste-eto-trud/> (дата обращения: 03.07.2017).
- ¹⁶ Интервью с писателем Захаром Прилепиным, отцом четверых детей // PostaMagazine. URL: <http://postamagazine.ru/lifestyle/interview-zahar-prilepin> (дата обращения: 22.08.2017).
- ¹⁷ З. Прилепин : «Я понял, что на войне человек может преодолеть себя».
- ¹⁸ Живой Журнал З. Прилепина.

Образец для цитирования:

Янковская Л. С. Романная проза Захара Прилепина как «самоучитель психологических ситуаций» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 210–214. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-210-214.

Cite this article as:

Yankovskaya L. S. Novelistic Prose by Zakhar Prilepin as a 'Self-Guide of Psychological Situations'. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 210–214 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-210-214.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070(470)*821.161.1.09-95

ЖАНР «ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ» КАК ФОРМА ЖУРНАЛИСТСКОЙ САМОРЕФЛЕКСИИ В 1800–1810-х гг. (на материале «Вестника Европы»)

С. В. Артеменко

Артеменко Светлана Витальевна, старший преподаватель кафедры общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, rupinas@yandex.ru

Статья обращена к истокам отечественной журналистской критики – размышлениям Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского и других редакторов «Вестника Европы» об издаваемом журнале, о понимании миссии общественно-политического издания. Рассматриваются особенности жанра «письмо к издателю» как характерной для начала XIX в. формы медиакритической рефлексии.

Ключевые слова: медиакритика, журналистская критика, «Вестник Европы», письмо к издателю, программная статья.

**The Genre 'Letter to the Publisher' As a Form of Journalistic Self-reflection
in 1800–1810s (Based on *Vestnik Evropy* 'Herald of Europe')**

S. V. Artemenko

Svetlana V. Artemenko, ORCID 0000-0001-8163-9436, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, rupinas@yandex.ru

The article focuses on the origins of national journalistic criticism – the reflections of N. M. Karamzin, V. A. Zhukovsky and other editors of *Vestnik Evropy* (Herald of Europe) on the journal, on the mission of a socio-political publication. The features of the genre 'letter to the publisher' are considered as characteristic of the early XIXth century form of media-critical reflection.

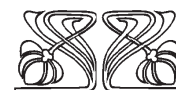
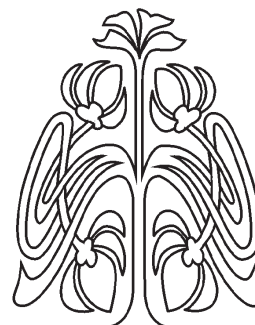
Key words: media criticism, journalistic criticism, *Vestnik Evropy* (Herald of Europe), letter to the publisher, program article.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-215-218

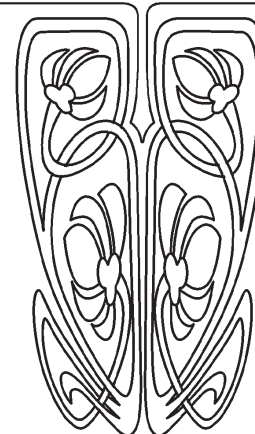
История журналистской критики – еще не освоенная медиаисследователями область науки. Но исследовательский интерес к оценкам и осмыслению журналистского наследия разных эпох подтверждает необходимость развития специальной научной отрасли, сосредоточенной «на изучении эволюции (в том числе жанровой эволюции) профессиональных толкований “готовой” журналистской продукции; на рефлексии самих журналистов и литераторов по поводу текстов, создаваемых ими и их коллегами по цеху; на интерпретациях журналистских произведений компетентными потребителями СМИ»¹.

Медиакритика XIX в. зарождается как саморефлексия, и первые отчетливые ее проявления можно заметить в таких жанрах, как объявление о выходе нового издания (или о продолжении издания на следующий год) и редакторская статья, которая обычно размещалась в первом выпуске нового журнала.

Эти жанры можно отнести к медиакритике, поскольку в них редакторы-журналисты излагают свое понимание того, для чего и для кого будет издаваться их журнал, каковы его установки и ценности. В отличие от современных медиакритических текстов, которые имеют двойную аудиторную направленность (читатели-зрители – с одной стороны, и журналисты, редакторы, авторы, продюсеры продуктов

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

журналистской деятельности – с другой), эти жанры имеют своей целью диалог с потенциальным читателем, желание найти с ним общий язык, предварительно объяснив, чего ему стоит ждать от нового издания.

В «Вестнике Европы» с 1802 по 1830 г. было опубликовано четыре подобных материала. Три из них (1802, 1805, 1808) оформлены в жанре «письмо к издателю» (под таким названием они и помещены в журнале), и только последний (1814) имеет форму прямого обращения к читателям и называется «К читателям „Вестника“ от издателя».

Начиная с Н. М. Карамзина, практически все издатели журнала, занимая место редактора, считали необходимым изложить свою редакторскую стратегию, свое понимание миссии журнала.

16 ноября 1801 г. в № 92 «Московских ведомостей» Н. М. Карамзиным было напечатано объявление о новом издании: «С будущего января, 1802 года намерен я издавать журнал под именем “Вестника Европы”, который будет извлечением из двенадцати лучших английских, французских и немецких журналов. Литература и политика составят две главные части его. <...> Для нашей словесности и критики назначается особливая статья».

А в первом номере «Вестника Европы» можно было прочитать «Письмо к издателю», написанное самим Карамзиным, но представляющее собой как бы реакцию просвещенного читателя на это объявление:

«Искренно скажу тебе, что я обрадовался намерению твоему издавать журнал для России в такое время, когда сердца наши, под кротким и благодетельным правлением юного монарха, покойны и веселы; когда вся Европа, наскучив беспорядками и кровопролитием, заключает мир <...>; когда науки и художества в быстрых успехах своих обещают себе еще более успехов; когда таланты в свободной тишине и на досуге могут заниматься всеми полезными и милыми для души предметами; когда литература <...> более нежели когда-нибудь должна иметь влияние на нравы и счастье»², – так начинается это письмо, и дальше идут рассуждения о своевременности этого издания, о том, что российская публика готова к восприятию красивого, полезного и увлекательного содержания литературно-политического журнала.

«Сколько раз, читая любопытные европейские журналы, в которых теперь, так сказать, все лучшие авторские умы на сцене, желал я внутренно, чтобы какой-нибудь русский писатель вздумал и мог выбирать приятнейшее из сих иностранных цветников и пересаживать на землю отечественную!»

Ты как будто бы угадал мое желание и как будто бы нарочно для меня взялся исполнить его. Следственно, я должен быть благодарен и не могу уже с циническою грубостью спросить: „Господин журналист! Можешь ли ты удовлетворить

всем требованиям вкуса?“ Но между тем благодарность не мешает мне подать тебе дружеский совет в рассуждении обещаемой тобою критики»³.

Карамзин под маской обращенного к нему читателя обосновывает свое негативное отношение к критике, выражая сомнения в том, что критика может научить писать, и считая, что гораздо лучше действуют образцы и примеры.

Насчет политической составляющей журнала в «Письме» тоже содержится предостережение журналисту: «Народ бежит слушать его, когда он, сидя на своем трезубце, описывает раздоры властей, движение войска, громы сражений и стон миллионов; но когда громы умолкнут, все помирится и все затихнет; тогда народ, сказав: “Finita è la commedia!”», идет домой, и журналист остается один с листами своими!»⁴. Здесь впервые Карамзин-издатель с долей сожаления говорит о прямой зависимости журналиста и его успеха у публики от сенсаций и тревог сегодняшнего дня.

Выбранный для общения с читателем жанр «письмо к издателю» формально воплощает в себе свойственную более поздней медиакритике двунаправленность, издатели начала XIX в., видимо, интуитивно понимают, что характеристика и оценка издания органичнее и объективнее будет выглядеть и восприниматься, если она будет исходить не от его авторов-создателей, а от людей сторонних, но просвещенных и опытных.

Завершая первый год на поприще издателя «Вестника Европы» и намереваясь продолжать издание и в 1803 г., Карамзин напечатал статью «К читателям Вестника», в которой развил некоторые тезисы этого письма и первоначального объявления об издании журнала; он высказал в ней свое желание, чтобы русские сочинения в стихах и прозе, помещаемые в «Вестнике», могли бы без стыда для нашей литературы мешаться с произведениями иностранных авторов. «Мы не аристократы в литературе, смотрим не на имена, а на произведения, и сердечно рады способствовать известности молодых авторов. <...> Что принадлежит до критики русских книг, то мы не считаем ее истинною потребностью нашей литературы <...>. В авторстве полезнее быть судимым, чем судить. Хорошая критика – есть роскошь литературы; она рождается от великого богатства, а мы еще не Крезы». Статья оканчивается так: «Наконец скажем, что мы издаем журнал для всей русской публики и хотим не учить, а единственно занимать ее приятным образом, не оскорбляя вкуса ни грубым невежеством, ни варварским слогом. Честолюбие наше не простирается далее»⁵.

Эти мысли Карамзина найдут отражение и в «Письме к издателю» 1805 г., когда издателем журнала становится Михаил Трофимович Каченовский. И М. Т. Каченовский, и В. А. Жуковский, издававший журнал в 1808–1809 гг., считают своим долгом подчеркнуть верность нового журнала карамзинской издательской политике. Поэтому в «Письме к издателю» 1805 г. снова возникает

тема критики, которой нет места на страницах «Вестника». Каченовский, спрятавшийся за подписью Н. Щ., от лица «снисходительного» читателя наставляет: «...имейте только христианскую любовь к своим собратиям, подвизающимся на поприще российской словесности, а особливо к трудящимся над сочинением журналов. Не ваше дело судить о периодических изданиях. Как беспристрастно ни было бы ваше мнение, не всякий читатель согласится с ним; я даже боюсь, чтобы насмешникам не показалось, будто вы, отзываясь о журналах с пренебрежением, стараетесь выхвалять свой товар и скликать купцов в свою лавку»⁶.

Свое негативное отношение к критике как к делу, недостойному честного журналиста, М. Т. Каченовский выражает и в обращении к читателю, подводящем итог года работы на месте издателя журнала. Обещая публике, что будет издавать «Вестник» и в следующем, 1806 г., он считает необходимым «уверить всех благомыслящих, что никакая статья, оскорбляющая вкус, противная приличностям общежития, возбуждающая омерзение, словом, никакая статья, похожая на критику, или лучше на пасквиль, помещенный в одном из периодических наших сочинений <...> не обезобразит моего Журнала». И добавляет: «Участь таких людей самая жалкая»⁷.

В «Письме к издателю» 1805 г. предложены размышления о месте, которое «Вестник Европы» занимает среди других журналов, о его предназначении и достоинствах: «Журналы разделяются на два класса. Одни, издаваемые для ученых, следовательно для немногих, содержат в себе трактаты, диссертации, споры, изыскания и тому подобные сочинения, весьма важные, весьма *полезные* для тех читателей, которые заблаговременно приготовились *пользоваться* ими; другие пишутся для публики, не с намерением учить ее – сохрани вас Бог думать, будто читатели имеют нужду в ваших наставлениях – но для того, чтобы занимать ее приятным образом. Ваш «Вестник Европы» принадлежит к сему классу; главное достоинство его должно состоять в выборе материй и в чистоте слога»⁸.

Здесь буквально цитируется выраженная Карамзиным установка «не учить [публику], а единственно занимать ее приятным образом», тем самым вновь подчеркивается преемственная связь с тем изданием, которое уже заслужило любовь читателей.

О занимательности пишет Каченовский и в связи с политической составляющей журнала. Опять же, словно вступая в диалог со своим предшественником, новый редактор размышляет над необходимостью писать о самом «занимательном» для публики: «Война и необыкновенные происшествия нашего времени доставят вам обильную материю. Горизонт покрыт тучами, грозящими опустошением: тем лучше для вас»⁹. Он остро чувствует природу журналистского успеха – чем острее и актуальнее материал, тем более довольна

будет публика, – но он напоминает, что журналист не должен забывать и о человеческих качествах в оценке изображаемых событий: «Как филантроп, оплакивайте бедствия человеческого рода; как журналист, пользуйтесь благоприятными обстоятельствами»¹⁰.

В 1808 г. Жуковский, став у руля «Вестника Европы», опубликовал в первом номере «Письмо к издателю из уезда», опять же анонимно. В этом письме, в форме обращения читателя к новому издателю журнала, 25-летний Жуковский, скрываясь за маской Стародума, излагает свои воззрения на роль журналистики. Прежде всего, он отмечает, что современное общество ищет в литературе лишь занимательности, а потому все свое внимание сосредоточивает на чтении романов, не дающих никакой здоровой пищи ни уму, ни сердцу. Журналистика же обладает большими возможностями влиять на публику и должна использовать их, чтобы привить обществу высокие идеи, приучить его искать в книге не одно развлечение.

В просторном письме Жуковский в обстоятельном порядке обращается к карамзинским установкам в отношении политики («Политика в такой земле, где общее мнение покорно деятельности власти правительства, не может иметь особенной привлекательности для умов беззаботных и миролюбивых: она питает одно любопытство; и в таком только отношении журналист описывает новейшие и самые важные случаи мира»¹¹) и в отношении критики («...какую пользу может приносить в России критика? Что прикажете критиковать? Посредственные переводы посредственных романов? Критика и роскошь дочери богатства: а мы еще не Крезы в литературе!»¹² – вторит Жуковский Карамзину).

Главное достоинство журнала как типа издания видится ему опять же в разнообразии, которое может обеспечить читателю удовольствие, «занятие благородное и непустое».

Идея высокой общественной роли журналиста, лежащая в основе «Письма к издателю из уезда», отражена и в других журнальных статьях Жуковского, например в статье «О нравственной пользе поэзии», напечатанной в «Вестнике Европы» в XLIII томе за 1809 год, что свидетельствует о том, что В. А. Жуковский очень серьезно относился к задачам журналиста, верил в возможность благотворного воздействия на общество при помощи слова.

Владимир Васильевич Измайлов, редактировавший «Вестник Европы» в 1814–1815 гг., тоже в своем первом номере счел необходимым обратиться к читателям, только уже напрямую – «К читателям Вестника от издателя». Основной пафос его обращения – подтвердить свою верность традициям журнала. Желая издавать журнал, полезный для Отечества, Измайлов выражает заботу о читателе: «Мы имеем и ту обязанность, чтобы занимать любопытство читателей сколько

полезным, столько и приятным образом»¹³.

Новый редактор вновь обращается к теме критики на страницах журнала, и снова он выражает сомнение в ее пользе, а труд критика называет неблагодарным.

Таким образом, можно выделить основные моменты, которые становятся предметом рефлексии издателей «Вестника Европы» по поводу выпускаемого ими журнала. Эти положения можно считать первыми отчетливыми медиакритическими размышлениями в отечественной журналистике начала XIX в.:

– литературно-политический журнал как тип издания воспринимается как занимательное издание, призванное в доступной и увлекательной форме обеспечить полезный, «непустой» досуг российской публике;

– политическая составляющая журнала должна содержать главные новости всего мира – для утоления любопытства читателей, углубляться в политические события и их комментарии не следует;

– литературная часть должна быть разнообразной, в выборе авторов нужно руководствоваться их талантом, но не авторитетом и именем;

– критика как род журналистской деятельности оценивается негативно, журналист не должен опускаться до критических замечаний в адрес

других периодических изданий или литературных произведений;

– исключение могли составить лишь положительные критические отклики, обращающие внимание читателей на имена новых талантов в мире словесности.

Примечания

- ¹ Прозоров В. Власть и свобода журналистики : учеб. пособие. М., 2012. С. 107.
- ² Письмо к издателю // Вестник Европы. 1802. № 1. С. 3–4.
- ³ Там же. С. 6–7.
- ⁴ Там же. С. 8.
- ⁵ К читателям Вестника // Вестник Европы. 1802. № 23. С. 227–229.
- ⁶ Письмо к издателю // Там же. 1805. № 1. С. 5–6.
- ⁷ К читателям Вестника // Там же. № 16. С. 322–323.
- ⁸ Письмо к издателю // Там же. № 1. С. 6.
- ⁹ Там же. С. 10.
- ¹⁰ Там же. С. 10–11.
- ¹¹ Письмо из уезда к издателю // Вестник Европы. 1808. № 1. С. 8.
- ¹² Там же. С. 9.
- ¹³ К читателям Вестника от издателя // Вестник Европы. 1814. № 1. С. 6.

Образец для цитирования:

Артеменко С. В. Жанр «письмо к издателю» как форма журналистской саморефлексии в 1800–1810-х гг. (на материале «Вестника Европы») // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 215–218. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-215-218.

Cite this article as:

Artemenko S. V. The Genre 'Letter to the Publisher' As a Form of Journalistic Self-reflection in 1800–1810s (Based on *Vestnik Evropy* 'Herald of Europe'). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 215–218 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-215-218.

УДК 070(47+57):821.161.109-95

ФОРМЫ И ФУНКЦИИ МЕДИАКРИТИКИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920-Х ГОДОВ

Е. Г. Елина, А. В. Раева

Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, elinaeg@info.sgu.ru

Раева Александра Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, alerae@yandex.ru

В статье формулируются основания, необходимые для возникновения и развития медиакритики. На материале центральных изданий «Журналист», «Известия», «Правда», «Печать и революция» показано становление журналистской критики 1920-х гг. на фоне утверждения принципов советской журналистики, ее связь с литературной критикой, особенности медиакритического высказывания и его функции.

Ключевые слова: медиакритика, советская журналистика, литературная критика.

Forms and Functions of Media Criticism in the Soviet Russia of the 1920s

E. G. Elina, A. V. Raeva

Elena G. Elina, ORCID 0000-0002-9797-3145, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, elinaeg@info.sgu.ru

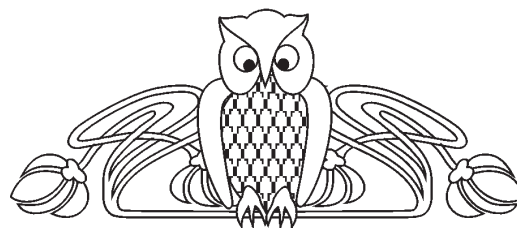
Alexandra V. Raeva, ORCID 0000-0002-8371-5794, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, alerae@yandex.ru

The article specifies the foundations necessary for the media criticism to appear and develop. On the material of the national press *Zhurnalists* (Journalist), *Izvestia* (News), *Pravda* (Truth), *Pechat i Revoliutsiya* (Press and Revolution) the formation of the journalist criticism of the 1920s is shown against the background of the Soviet journalism principles being established; its link with the literary criticism, features of a media criticism statement and its functions are indicated.

Key words: media criticism, Soviet journalism, literary criticism.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-219-224

1920-е гг. дают вполне отчетливое представление о движении медиакритики на фоне становления и утверждения принципов советской журналистики. На материале 1920-х гг. хорошо видно, что медиакритика становится самостоятельным социокультурным явлением в те периоды истории, когда читатель, зритель, слушатель осознаются как главная сила меняющейся реальности, когда оказывается востребованной идея массовости. Понятно, что в отличие от художественной ли-

тературы, которая адресуется читателю-другу, одному, но посвященному, умеющему вступить в диалог, журналистика – это средство МАССОВОЙ информации. Однако медиакритика расцветает тогда, когда массы воспринимаются не как серая пассивная группа – реакция которой и вкусы которой вообще никому не интересны, а тогда, когда массы оказываются очень нужны власти.

Второе основание для расширения поля медиакритики – это либерализация социально-политической жизни, когда расширяются границы прежде дозволенного, границы высказывания и границы полемики.

Третье основание для бурного расцвета медиакритики – это появление новой медийной почвы – т. е. возникновение новых форм бытования медийных текстов и новых способов их распространения.

Все эти три основания, необходимые для возникновения и развития медиакритики, соединились в 1920-е гг. Не следует забывать, что во главе советского правительства стояли действующие журналисты – В. Ленин, Л. Троцкий, Л. Каменев, Г. Зиновьев, Н. Степанов-Скворцов, Н. Бухарин. Каждый из них журналистике, ее теоретическим основаниям и практическому воплощению отводит самую серьезную роль. Вероятно, это явилось важным импульсом и в создании советской медиакритики.

Анализируя публикации 1920-х гг., мы пришли к выводу, что в представлении многих теоретиков и публицистов этого времени литературный и художественный текст не имеют особых различий. Впервые эта мысль прозвучала в статье В. Шкловского. «Метод работы журналиста должен быть <...> средним между методом беллетриста и ученого», – пишет Шкловский¹. Очень активно мысль о том, что труд писателя и труд журналиста имеют общие корни, что литературно-художественная и журналистская деятельность – результат одного и того же творческого процесса, проводилась в 1920-е гг. в журнале «Журналист». Главным пропагандистом этой идеи оказался Михаил Левилов. В выступлениях Левилова складывался идеальный образ газеты скорого будущего – яркой, броской, обладающей визуальными и семантическими способами воздействия на читателя. Левилов ввел в оборот как вполне положительное понятие советской желтой прессы. В 1923 г. в статье «О массовой газете» Левилов предлагает считать «желтизну массовой газеты Запада»² техническим приемом, формой «в которую можно влить какое угодно содержание»³. «Принципиальных возражений быть не может против влития красного вина в желтые мехи, против

насыщения советским содержанием буржуазной формы», – пишет Левидов. Запросы читателя со временем, по мысли Левидова, сформируют новый тип текста: «...будущая русская литература – лет этак на пятьдесят – будет литературой широкого, размашистого, красочного репортажа – без всяких... “мировых скорбей”»⁴.

Интересно, что в 1925 году «Журналист» сообщает о создании ассоциации газетной культуры⁵. На ее первом собрании присутствовали О. Брик, Г. Винокур, М. Левидов, В. Шкловский. Среди участников были названы имена С. Ингулова, М. Кольцова, А. Курса, Я. Шафира, Вяч. Полонского, В. Нарбута. Пестрый список, но основу его составляют с современной точки зрения не журналисты, а литераторы. Не случайно статьи о журналистике печатались одновременно в «Журналисте» и литературных журналах.

О журналистике как литературе, о журналисте как писателе и необходимости обеспечить читательскую направленность журналистского текста говорил В. Маяковский, много писали левовцы. Эта тема волновала и напостовцев. Так, например, В. Перцов утверждал: «Революция делала из художников слова социально полезную вещь»⁶.

Восприятие художественно-литературного явления с точки зрения его социального статуса – важнейшая черта всех эстетико-идеологических постулатов большевизма. Однако дело не только в этом. Работая в дооктябрьский период и в первые послеоктябрьские годы преимущественно с безграмотной или малограмотной рабочей массой, большевики намеренно отказывались от разделения литературы на художественную и газетно-публицистическую. Идеи были важнее формы, прямая адресация-пропаганда существенно подтекста и выразительных средств, обращение к массе значительнее апелляции к сочувствующему читателю-одиночке. Публицистика газетного слога в этих условиях ценилась значительно выше, чем изысканный текст художественной словесности. По мере ликвидации неграмотности организаторы процесса приобщения обучившихся чтению масс к литературе не стали радикально перестраиваться. Они лишь расширили спектр чтения для новообращенной публики и усилили влияние на нее той части литературной критики, которая помогала широкому читателю выявлять именно социальный пафос текста. В этой ситуации различие художественной и газетно-журнальной литературы тоже не становилось актуальным.

Именно в 1920-е гг. массовая критика начинает активно цитировать статью В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», написанную в 1905 г. и имеющую отношение исключительно к партийной публицистике. Нарочитое неразличение литературы и журналистики было связано, по-видимому, с напостовскими установками на «литературу факта» – т. е. с огромным желанием ликвидировать границу между искусством и действительностью.

Проблемы взаимодействия литературы и журналистики постоянно обсуждались на страницах газеты «Правда». Любопытно, что самодеятельные журналисты (рабселькоры) именуют себя и своих коллег писателями, говорят о трудностях «писательского ремесла», о сложностях газетной (писательской) работы. В 1920 г. одна из основательниц советской печати М. И. Ульянова писала в «Правде» о необходимости создания «литературных коллегий», которые объединяют начинающих журналистскую деятельность рабочих. Рабочие, по мысли Ульяновой, пишут, «а сотрудник редакции обрабатывает материалы»⁷.

Следует специально подчеркнуть, что в 1920-е были сформированы общие основания для литературной и журналистской критики. Кроме того, газетный текст должен был играть роль воспитателя человека не только с новым мировоззрением, но и приверженца новой культуры и новой эстетики.

Концептуально разработал систему советских СМИ, определил структуру редакций, заявил о необходимости учитывать классовые и возрастные интересы читающей публики Троцкий. Ему принадлежит идея создания первого в стране института журналистики (ГИЖ), в работе которого он принимал деятельное участие, а когда начал функционировать первый профессиональный журнал для журналистов, Троцкий стал его куратором и постоянным автором. Литературно-критические оценки Троцкого всегда вписаны в социальный контекст и спроецированы на газетные и журнальные высказывания сторонников или противников большевизма. В связи с этим книгу Троцкого «Литература и революция», как и многие его статьи о газетной печати, о роли журналиста в новую эпоху, о значении рабкоровского движения можно расценивать как формы медиакритики.

Специального внимания заслуживают медиакритические выступления журнала «Журналист». В середине 1920-х гг. это было либеральное издание, публиковавшее материалы не только «своих», но и тех, кто не принадлежал к большевистскому клану (например, статьи Исайи Лежнева). Журнальные публицисты, обозреватели, постоянные авторы и случайные корреспонденты постоянно писали о новых явлениях, сопровождающих процесс становления журналистики. В статьях и заметках П. Керженцева, М. Левидова, Я. Шафира, К. Радека и других известных публицистов открыто говорится о партийной дисциплине журналиста, о «директивном характере наших газет», о необходимости проведения партийной линии в советской публицистике. Один из первых редакторов журнала С. Ингулов⁸ был убежден в том, что газета «в руках класса – это многодумовая батарея против классового противника»⁹, что журналист всегда агитатор и что «парус журналистики может надуваться только крепким ветром политики»¹⁰. Таким образом складывался портрет советской журналистики, искусства жесткого, идеологически предустановленного, адресованного большим массам людей, объединенных общими

устремлениями. Формат медиакритики тоже был определен устойчивыми параметрами: классовая принадлежность журналиста, классовый характер публикации, адресация публикации.

Многие авторы «Журналиста» пишут о недостатках советских газет, об их пустозвонстве, заштампованности, отсутствии заботы о читателе. Постоянные авторы журнала размышляют о роли сенсации в газете, о газетных жанрах, об элементах «желтизны», о расстановке материалов на газетной полосе. Серьезно и глубоко пишет журнал о специфике журналистского труда. В связи с этим так или иначе возникает вопрос о границах свободы в журналистике, о степени зависимости газетчика от фактуры материала, о том, что журналист является важнейшим элементом идеологической доктрины. Писали и об убийствах журналистов за их профессиональную деятельность, и о необходимости преподавать газетоведение в школах (еще в 1922 году!), и о специфике именно советской журналистики в противопоставлении буржуазной.

Еще раз отметим, что авторами многих публикаций в «Журналисте» являлись знаковые для 1920-х гг. литературные критики: Вяч. Полонский, А. К. Воронский, В. П. Правдухин, А. Лежнев, С. М. Городецкий, которые так или иначе откликнулись на стиль и содержание советских газет. Важнейшим проявлением медиакритики 1920-х гг. становится журнальная борьба этого времени. Споры между литературными группами, течениями, направлениями выливались в ожесточенные полемические бои, центральной темой которых становились пути развития советской литературы.

Пожалуй, в этот период не было ни одного литературно-художественного или общественно-политического журнала, который бы не давал образцов медиакритики. Наиболее полно картина журнальной и газетной жизни представлена в журнале Вяч. Полонского «Печать и революция». В аннотациях, чья жанровая специфика не требует оценки, оценочность, как правило, есть. И эта оценочность придает публикациям «Печати и революции» характер медиакритики. В большинстве таких публикаций содержится назидание читателю по поводу необходимости читать, прорабатывать, принять как руководство к действию или вообще отказаться от чтения.

Анализируя становление медиакритики советского периода, необходимо остановиться на собственно газетных публикациях. Особенности медиакритического сознания 1920-х гг. представлены в одной из двух центральных газет этого времени — «Известиях». Обратимся к этому изданию, начиная с того времени, когда газета стала называться «Известиями» и являлась органом ЦИК СССР и ВЦИК.

Основная масса критических обзоров прессы и журнальных публикаций помещается под рубрикой «Критика и библиография», которая представлена практически в каждом газетном номере. Главная задача рубрики состояла в рекомендации широкому кругу читателей качественной популярной и

просветительской литературы, поэтому здесь редко встречаются резко отрицательные оценки. Предпочтение отдавалось не толстым литературным журналам, которые разбирались в отдельных развернутых публикациях¹¹, а специализированным изданиям: «Сберегательное дело», «Каторга и ссылка», «Красный архив», «На путях к новой школе», «Красная летопись», «Антирелигиозник» и т. д.

Так как для рассмотрения выбираются, по мнению рецензентов, журналы, содержащие ценные материалы, лучшие журналы в своем тематическом секторе, большинство обзоров периодической печати оканчивается призывом: «надо пожелать, чтобы в нашей, по преимуществу аграрной стране, журнал получил еще большее распространение»¹² («На аграрном фронте»), «широкая дорога прекрасному журналу!»¹³ («Научный работник»).

Порой отклики приобретали рекламный характер. На базе «Известий» вышло несколько изданий, в их числе был толстый литературный журнал «Новый мир». Газета не только регулярно размещала анонсы номеров и объявления о подписке, но и представляла годовые обзоры¹⁴.

Важной функцией медиакритических высказываний в «Известиях» становилась контролирующая. Обнаруживая частные недостатки периодических изданий: отсутствие общей идеи, недостаточность исследовательских статей, слабость библиографического отдела и т. д., газета пристально следила за их исправлением, фиксируя положительные изменения в регулярно публикуемых рецензиях на разные номера одного издания в течение нескольких лет. Так, в 1927–1928 гг. в рубрике прослеживался путь превращения «Пролетарской революции» «из сборника материалов в орган изучения истории нашей партии и революции»¹⁵.

В конце 1920-х гг. рубрика «Критика и библиография» перестанет быть регулярной, из нее практически исчезнут журналы, уступая место обзорам книг и рекомендательным спискам («Что читать по истории февральской революции», «Что читать к 9-ой годовщине Красной Армии», «Литература о женском движении», «Что читать ко Дню печати» и т. д.).

В 1923–1924 гг. газета ведет еще одну постоянную рубрику — «На местах» с подзаголовком «Жизнь провинции». Здесь публиковались заметки собственных корреспондентов «Известий» в разных городах и республиках страны. «Известия» внимательно следили за жизнью провинциальных газет. В публикациях сообщалось о повышении тарифов, о вздорожании бумаги, о трудностях, которые переживают местные газеты в условиях НЭПа. «Для большинства провинциальных газет решается вопрос “быть или не быть”, и естественно, что газеты принимают героические меры к самосохранению. Они взывают к советским и партийным организациям. Они зовут читателя и откровенно рассказывают о своей великой нужде и о своих “хождениях по мукам”»¹⁶. Корреспонденты пишут о необходимости увеличения тиража

местных газет, для чего следует вести обширную пропагандистскую кампанию по подписке на эти газеты. «Известия» приводят примеры того, как журналисты на местах придумывают способы распространения газеты: это коллективные подписки, проведение месячников печати, чтение газеты вслух на рабочих местах. «Известия» постоянно сообщают о таких провинциальных газетах, как «Крестьянская правда» (Луга), «Саратовские известия», «Пролетарская правда» (Киев), «Воронежская коммуна», «Бакинский рабочий». Остро ставится вопрос о границах критики, которую могут позволить себе авторы статей в адрес начальства. Рассказываются истории, в которых герои фельетонов или разоблачительных статей угрожают журналистам. По этому поводу известинский автор пишет: «Держимордам у нас не место. Авигиевы конюшни нашего советского Пошехонья пока еще, к сожалению, требуют своего Геркулеса. И красный корреспондент – этот Геркулес – должен быть уверен, что в его героической борьбе с компомпадурством, мракобесием, хулиганьем, жульничеством, личная его безопасность будет обеспечена»¹⁷.

Стоит обратить внимание на изобилие в медиакритических публикациях «Известий» литературных образов, апелляций к литературным мотивам и героям. Много пишется о рабкоровском движении, просветительской роли печати, появлении специализированных изданий, неразрывной связи советской прессы и читательских масс. Пролетарскую прессу известинцы воспринимают как весомую часть пролетарской культуры.

Одна из центральных тем медиакритики «Известий» – тема сравнения советской и буржуазной журналистики. Эти сопоставительные характеристики дают отчетливое представление о том, как позиционирует себя советская печать в середине 1920-х гг. Примеры своего рода автокритики очень выразительны, они исполнены пафоса гордости, чувства превосходства, уверенности в правильности избранного пути. «Она ворвалась в буржуазный мир! Буквально ворвалась! Об этом говорят и наши друзья, и наши враги. Они лучше всего свидетельствуют о великой мощи нашей советской коммунистической печати»¹⁸.

Излагая материалы Четвертого Всероссийского съезда работников печати, «Известия» вновь подчеркивают могущество и влияние советской печати. Один из докладчиков, известный литератор и журналист И. Вардин говорит: «Белая печать, которую с полной справедливостью можно назвать белой гильдой, еще недавно радовалась, что красная печать умирает. Мы сегодня на этом съезде, не обманывая ни себя, ни других, можем сказать: красная печать не умирает, красная печать растет, живет, идет вперед. Мы имеем миллионы читателей рабочих, крестьян и красноармейцев, мы имеем десятки тысяч рабочих и крестьян активными работниками нашей печати. Мы сегодня можем заявить, что на фронте просвещения мы побеждаем, мы победим и дадим миру новые образцы»¹⁹.

Н. И. Бухарин, в то время редактор «Правды», говоря о выразительности, краткости и меткости советских газет, указывает на то, что с течением времени должен меняться язык и стиль советских газет: «Сейчас нельзя выходить с общей фразой, потому что она никого не удовлетворяет, нельзя выезжать на громком выкрике, так как он бессильно повиснет в воздухе. Сейчас от нас требуют точных знаний и советов, которые могли бы непосредственно привести к какому-нибудь непосредственному результату»²⁰.

Проявления медиакритического творчества мы видим и в тех публикациях, которые касаются анализа западной прессы. В большинстве случаев это суммарная негативная оценка буржуазного словотворчества. Между тем появляются и публикации, содержащие оценочный анализ зарубежных газет. Так, например, «Известия» печатают большой обзор американской и британской прессы, показывая специфику каждой. Автор статьи говорит и о разных способах подачи новостей, и о различиях в традиции подачи заголовков, и об особенностях шрифтов и верстки.

«Английская газета, – пишет автор, – предназначена к покойному чтению человеком, медленно пережевывающим завтрак в тихом углу клуба, или банкиром, развалившимся в кожаном кресле, почти засыпая, или же деревенским священником, усевшимся в плетеном кресле под зеленой сенью беседки. Американская же газета создана для читателя, висящего где-нибудь на ремне, мчащегося с гулом подземного экспресса, или для завтракающего где-нибудь у прилавка, стоя на одной ноге; или же для человека, которого и стригут, и бреют, и завивают в течение каких-нибудь двух минут; или для пациента, которому дантист готовится вырвать зуб»²¹. Автор замечает, что если в американской журналистике излюбленные словечки – «висельник», «бешеная гонка», «камера смерти», то англичане предпочитают такие обороты, как «особа сомнительного характера», «автомобильная езда с чрезмерной скоростью». «Когда фургон, развозящий молоко, столкнется с тележкой угольщика, мы пишем, что “колесница жизни ударила в телегу смерти”», – отмечает автор публикации. Такие аналитические статьи были редкими в «Известиях», однако их появление свидетельствует о том, что советская журналистика, обращаясь к методам медиакритики, начинала рефлексировать и извлекать уроки журналистского мастерства даже из буржуазной печати.

С обострением международной обстановки во второй половине 1920-х гг. «Известия» перестают публиковать теоретические обзоры западной прессы, направленные на освоение молодой советской печатью заграничного опыта. Если ранее со страниц центральной и региональной периодики звучал призыв Л. Троцкого «нам нужны журналисты, которые с изобретательностью американского репортера сочетали бы честную советскую душу»²², то теперь подчеркивается категорическое размежевание двух типов журналистики: «Единственное назначение буржуазной печати заключается в том, чтобы

скрывать правду от широких масс, устранять их от всякого влияния на государственные дела, на советскую печать ложится почетная, но вместе с тем трудная задача – вовлечения миллионов и десятков миллионов трудящихся в самые различные отрасли советского строительства²³.

«Известия» регулярно знакомят своего читателя с материалами западных СМИ. На первой полосе международные сообщения часто подаются в зеркале прессы («Кампания польской печати в защиту вооружений», «Французская печать о выборах», «Германский официоз о лондонской поездке Бенеша», «Фантастические измышления “Нью-Йорк Таймс”», «Вся мировая пресса признает большой успех СССР»). Столкновение советских публикаций с материалами западных изданий, в которых, по мнению советских обозревателей, замалчиваются важные события или даются ложные оценки, обнажало истинную сущность «свободных» газет. «Великая война словом»²⁴ – такое определение получает противостояние советской и буржуазной прессы.

К концу 1920-х гг. на страницах печати формируются образы героев и антигероев «войны словом»: предателем советских интересов оказывается бывший московский корреспондент либеральной немецкой газеты «Berliner Tageblatt» Пауль Шеффер²⁵, когда в 1929 г. ему было отказано в возвращении в СССР, он из пропагандиста советского строя превратился в его обличителя. Героем можно назвать итальянского журналиста коммуниста Эдмондо Пелузо, заочно приговоренного фашистским трибуналом к 12 годам заключения за корреспонденции в «Известиях ЦИК СССР». Он дает самую высокую оценку советской прессе, подчеркивая ее международное значение: «Всюду, где есть угнетатели и угнетенные, сведения, идущие из советской прессы, являются естественным противоядием против той отравы, которую распространяют буржуазные газеты»²⁶.

Многие проблемы печати, связанные с вопросами технического отставания от Запада, журналистских кадров, методов подачи материала журналистами, во второй половине 1920-х гг. ощущаются как решенные²⁷, а сама система советских СМИ воспринимается как сложившаяся²⁸. Актуализируются они применительно к активно развивающемуся новому типу СМИ – радио²⁹.

Безусловно, влияние на медиакритику оказало осознание советской журналистикой себя как самобытного явления. Это происходило путем формирования ее истории. Важной вехой можно считать 1927 год, на который, кроме празднования 10-летия Октябрьской революции, пришлось несколько юбилеев: 10-летие «Известий», 15-летие «Правды», 5-летие советского читателя. В номерах «Известий», посвященных собственному юбилею и Дню печати, который отмечался в день выхода газеты «Правда», прочерчивается история советской журналистики, о чем свидетельствуют названия материалов: Киселев А. «О печати в советском государстве», Ингулов С. «Орудие социалистического

строительства», Керженцев П. «Первые годы “Известий”», Малкин Б. «“Известия” в Октябрьские дни», Заславский Д. «Февральские “Известия”», Криницкий К. «История “Известий” – история диктатуры пролетариата». Мысль, объединяющая все публикации, – «путь нашей печати – путь нашей партии»³⁰, а «путь “Известий”», это – не только путь советской власти, но и путь советской журналистики»³¹. В мае 1928 г. СССР представляет свои достижения на международной выставке «Пресса» в Кельне.

Во второй половине 1920-х гг. журналист позиционируется как важнейший участник социалистического строительства. Газета должна организовывать общественные смотры, собрания на заводах, фабриках, предприятиях. Задача журналистской критики – отслеживание исполнения печатью организаторских функций и контроль за тематикой изданий. Так, журналист «Известий», разбирая пачку газет за 18 декабря 1929 г., среди которых «Челябинский рабочий», «Красная Башкирия», пермская «Звезда», самарская «Волжская коммуна», «Ижевская правда», с горечью отмечает, что о сельскохозяйственной кампании в них или ни слова, или только общие фразы³².

Часто «Известия» обращаются к положительному опыту газет, мобилизующих трудящиеся массы на важные государственные инициативы. Например, в статье С. Ингулова «Орудие социалистического строительства» даны примеры центральных и периферийных изданий, в согласии с профсоюзами и под руководством партии проводящих собрания крестьян, кочегаров, совещания о туризме и т. д., ведь «печать – не самостоятельное, самодовлеющее литературное дело, а часть общей работы партии и всей советской общественности»³³.

Активная организационная деятельность изданий, выполнение ими функций административных структур, по сути, не были прописаны в декретах и других законодательных актах. По мнению советского журналиста, печать в этом и не нуждается, «повседневная пресса не заботится о том, чтобы знать юридические пределы своих полномочий, она свою конституцию выработала самостоятельно, в процессе становления пролетарского государства»³⁴. Формулируется эта «конституция», на наш взгляд, как раз в медиакритических высказываниях, представляющих собой не набор мнений и субъективных оценок, а директивные указания вне зависимости от того, в какой форме они даются. Это может быть журналистский фельетон, рецензия на новую книгу, доклад партийного функционера или сообщение ЦК.

1920-е гг. сформировали многие принципы советской медиакритики, основанные на идее о том, что газета – это прежде всего воспитатель. И вся медиакритика вплоть до 1980-х г. свой полемический пафос направляет именно в сторону читателя. В журналистике в целом, в отдельных ее текстах медиакритика ценит то, что может благотворно повлиять на читателя, сделать его лучше. Медиакритика советского времени начиная с 1920-х гг.

всегда насыщена дидактически и в основе своей имеет морализаторский пафос.

С уходом из социальной, а потом и из реальной жизни крупных деятелей, определявших движение словесной культуры в 1920-е гг., усиливался водораздел между литературой и журналистикой, и пути литературной и медиакритики начинают расходиться. Литературные критики вернулись к медиакритике лишь в 1960-е гг., а многие процессы, происходившие в литературной критике, начиная с этого времени, рифмуются и с медиакритикой.

Примечания

- ¹ Шкловский В. О писателях, журналистах и полуразрушенных трупах // Журналист. 1923. № 15. С. 26.
- ² Журналист. 1923. № 3. С. 25.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ См.: Журналист. 1925. № 3. С. 56.
- ⁶ Перцов В. Вымышленная фигура // На посту. 1924. № 1 (5). Стб. 216.
- ⁷ Правда. 1920. 28 апр.
- ⁸ Ингулов Сергей Борисович (1893–1938) – один из первых соредкторов журнала «Журналист», первый редактор «Учительской газеты», работник Агитпропа ЦК ВКП(б), автор множества газетных и журнальных статей.
- ⁹ Журналист. 1924. № 9. С. 23.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Так, резкой критике на страницах «Известий» подвергся возрожденный журнал «Новый ЛЕФ» (См.: Ольшевец М. Почему «Леф»? // Известия. 1927. 28 янв.; Полонский В. Заметки журналиста: Леф или блеф? // Известия. 1927. 25 и 27 февр.). В 1929 г. резко негативно Г. Рыклин оценил украинский журнал «спиралистов» «Авангард» (См.: Рыклин Г. Авангард пошляков // Известия. 1929. 22 нояб.). Рассуждения о советском типе толстого литературного журнала см.: Полонский В. О советском толстом журнале // Известия 1927. 5 мая.
- ¹² Уваров В. «На аграрном фронте» [Рец.] // Известия. 1927. 6 янв.
- ¹³ Ферсман А. «Научный работник» [Рец.] // Известия. 1927. 30 янв.
- ¹⁴ Так, в обзоре за 1926 г. «Известия» высоко оценивали качество журнала, «сумевшего нащупать путь к своему читателю» (М. О. «Новый мир» [Рец.] // Известия. 1927. 1 янв.

- ¹⁵ Малаховский Вл. «Пролетарская революция» [Рец.] // Известия. 1928. 8 мая.
- ¹⁶ Г. Н. Еще о нашей прессе // Известия. 1923. 10 янв.
- ¹⁷ Пестровский. Наша печать // Известия. 1923. 19 янв.
- ¹⁸ Б/н. Советская печать на Пражской выставке // Известия. 1923. 27 янв.
- ¹⁹ Известия. 1923. 7 февр. Заметим, что «Известия» практически не дают анализа белой печати (в отличие от газет, издаваемых в мире капитализма). Так, Г. Рыклин в фельетоне «Слово о дряни» подчеркивал: «Мы никогда не унижаемся до полемики с белыми газетами» (Известия. 1929. 16 окт.). О белой печати говорили только суммарно, в целом, как о некоем едином полотне, на котором не различимы ни отдельные авторы, ни отдельные издания.
- ²⁰ Известия. 1923. 7 февр.
- ²¹ Зеленопольский Н. Кое-что об американской и английской печати: от нашего специального лондонского корреспондента // Известия. 1923. 6 сент.
- ²² Троцкий Л. Кончик большого вопроса // Правда. 1923. 4 апр.
- ²³ Б/н. Советская печать – организатор трудящихся масс // Известия. 1927. 5 мая.
- ²⁴ Заславский Д. Великая война словом // Известия. 1927. 5 мая (выражение принадлежит Дж. Эштон из «Спектатора» (The Spectator)).
- ²⁵ Б/н. Выпады Шеффера против СССР // Известия. 1929. 29 нояб.
- ²⁶ Пелузо Э. Советская пресса и международный пролетариат // Известия. 1927. 1 марта.
- ²⁷ Символическим событием в деле технического оснащения советской прессы можно назвать переезд «Известий» в специально построенное 7-этажное здание в 1927 г.
- ²⁸ Особое внимание во второй половине 1920-х гг. уделяется проблемам печати на национальных языках.
- ²⁹ По сообщению «Известий», в 1928 г. по всему Союзу более 80 радиогозет, больше двух миллионов радиослушателей (См.: М. О. Газета у микрофона // Известия. 1928. 5 мая).
- ³⁰ Ингулов С. Коллективный организатор // Известия. 1927. 5 мая.
- ³¹ См.: Литовский О. Перелистывая комплект // Известия. 1927. 13 марта.
- ³² См.: Б/н. Еще о газетных аттракционах // Известия. 1929. 25 дек.
- ³³ Ингулов С. Орудие социалистического строительства // Известия. 1927. 13 марта.
- ³⁴ Ингулов С. Без декрета // Известия. 1928. 5 мая.

Образец для цитирования:

Елина Е. Г., Раева А. В. Формы и функции медиакритики в Советской России 1920-х годов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 219–224. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-219-224.

Cite this article as:

Elina E. G., Raeva A. V. Forms and Functions of Media Criticism in the Soviet Russia of the 1920s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 219–224 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-219-224.

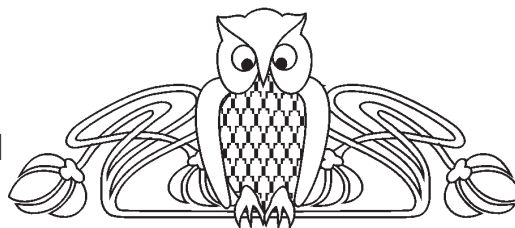

УДК 316.772.3-053.2:070:004.738.5

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СЕТЕВЫХ ЖУРНАЛОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ В КОНТЕКСТЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

О. В. Андронникова, Л. И. Демина

Андронникова Ольга Владимировна, преподаватель кафедры электронных СМИ и новых медиа, Кубанский государственный университет, Краснодар, andronnikova_olg@mail.ru

Демина Людмила Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, Кубанский государственный университет, Краснодар, de-li@yandex.ru

В статье рассматриваются такие типологические признаки электронных изданий, как интерактивность, гипертекстуальность и мультимедийность в контексте сетевых журналов для детей. Анализируются издания для детей в разных форматах: в виде полноценных оригинальных сайтов, электронных версий печатных изданий и интернет-приложений.

Ключевые слова: интерактивность, гипертекстуальность и мультимедийность, сетевые журналы для детей.

Peculiarities of the Development of Online Magazines for Children in the Context of Mass Communication

O. V. Andronnikova, L. I. Demina

Olga V. Andronnikova, ORCID 0000-0002-8558-9840, Kuban State University, 7, Sormovskaya Str., Krasnodar, 350000, Russia, andronnikova_olg@mail.ru

Lydmila I. Demina, ORCID0000-0002-8344-5923, Kuban State University, 7, Sormovskaya Str., Krasnodar, 350000, Russia, de-li@yandex.ru

The article considers such typological features of electronic publications as their being interactive, hypertextual and multimedia in the context of online magazines for children. Different formats of publications for children are analyzed: full-featured original websites, electronic versions of paper publications and Internet applications.

Key words: interactivity, hypertextuality and multimedia, online magazines for children.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-225-229

Информационное пространство современного мира стремительно расширяется за счет технической модификации каналов массовой коммуникации (печать, телевидение, радио, Интернет). «В условиях трансформации медиапространства стало существенно сокращаться количество печатных изданий. В целях сохранения интереса к печатным изданиям крупные издательские компании начали распространять медийный контент, используя различные коммуникационные каналы»¹, тем самым вызвав стремительное развитие электронных медиа.

В настоящее время сетевые СМИ являются самыми перспективными и интенсивно развивающимися в системе медиапространства. Однако для их исследования, в том числе и детских сетевых журналов, недостаточно традиционных типологических признаков печатных изданий, необходимо выделять и другие параметры, которые могли бы в полной мере характеризовать новые медиа. В связи с этим исследователи М. М. Лукина, И. Д. Фомичева выделили их признаки: гипертекстуальность, интерактивность, мультимедийность².

Известно, что эти интерактивность, гипертекстуальность и мультимедийность в качестве детерминирующих типологических признаков сетевых медиа определены А. А. Никитенко. Исследователь отмечает, что «...они [новые типологические признаки] оказывают решающее воздействие на формирование и развитие новых масс-медиа»³. Электронные журналы для детей в разной степени обладают обозначенными выше признаками. Подтверждением этого является проведенный нами типологический анализ 112 интернет-изданий для детей, представленных в различных формах: в виде полноценных оригинальных сайтов, электронных версий печатных изданий и интернет-приложений.

Понятие гипертекста в силу своей многомерности становится наиболее востребованным и обсуждаемым в науке. Многоплановое и неоднозначно трактуемое понятие «гипертекст» рассматривается в современной науке с разных точек зрения в зависимости от реализуемого подхода.

Исследователь Е. Ю. Чилингер считает, что гипертекст – это «способ коммуникации в обществе, ориентированном на множественные потоки разнотипной информации, которые не могут быть целиком восприняты и усвоены субъектом»⁴, в связи с чем знание организуется в сеть относительно свободных сообщений.

В свою очередь, О. В. Дедова формулирует следующее понятие: «Гипертекст – это модель организации электронного текста, характеризующаяся специфической структурированностью и разветвленной системой программно поддерживаемых внутритекстовых и межтекстовых переходов, предполагающая возможность читательского интерактивного воздействия на последовательность воспроизведения композиционных единиц»⁵.

О структурной организации гипертекста говорит Л. И. Демина: «Гипертекст представляет собой

модель в виде множества узлов, формирующих обмен информации и создающих мыслительные операции, способные формировать знания или картину окружающего мира на основе фрагментарных текстов или частей»⁶.

Исследование гипертекстуальности не ограничивается только представленными дефинициями, оно включает в себя ряд важных вопросов, в том числе рубрикацию внутренней структуры издания, последовательность перехода от одной информации к другой, особенности построения гипертекста в медиaprостранстве и т. д. Есть основания полагать, что гипертекст является одним из основных типологических признаков сетевых изданий, поскольку ни одно сетевое издание для детей не обходится без гипертекста. В организации материала главное место в структуре занимают смыслообразующие центральные материалы, таковыми выступают, как правило, статьи главной страницы. Связь между страницами сайта осуществляется с помощью гиперссылок.

Гиперссылки условно можно разделить на две группы: 1) осуществляющие переход на материалы внутри издания; 2) осуществляющие переход на материалы других сайтов.

На главной странице интернет-журнала для детей «Клепа» (www.klpa.ru) расположены гиперссылки, ведущие на главные страницы сайтов Роспечати, Министерства культуры РФ, Гильдии издателей периодической печати, Нижегородской детской областной библиотеки и др. Такое связывание позволяет существенно расширить коммуникативное пространство сайта.

«Внутренние» гиперссылки этого журнала позволяют стать участником «Клеп-клуба», обратиться к происшедшим уже событиям и новостям на klpa.ru, стать участником игры, занятия и т. д.

Интересна организации гиперссылок интернет-изданий «Мурзилка» и «Картинки в паутинке». Главная страница с анимированными персонажами сайта не меняется, обновления каждой рубрики можно увидеть, только перейдя по гиперссылке. Такой подход неоднозначен: с одной стороны, качественная заставка, безусловно, привлекает внимание, однако при таком подходе новостная информация оказывается не на первом плане.

Гипертекстовый принцип объединения материалов выступает как механизм тематического объединения информационного продукта. Примером служит сайт «Шишкин лес» (www.shishkinles.ru). В рубрике «О Коксике» гиперссылка на «Проделки Коксика» ведет на страницу с интерактивными заданиями и мультфильмами. Гиперссылка «Играть» ведет на страницу с онлайн играми «Коксик собирает урожай», «Капитан Коксик», «Коксик – капитан».

Гипертекстуальность создает парадигму взаимодействия с новой информацией, которую

предлагает Интернет. Как правило, текстовая информация разделена на отдельные фрагменты, связанные между собой в определенном порядке с помощью гиперссылок, которые дополняются и обновляются.

Наряду с гиперссылками интерактивность значится в числе основных типологических признаков сетевых СМИ, в том числе и детских. Рассматривая интерактивность с точки зрения взаимодействия между читателем и издателем, М. М. Лукина и И. Д. Фомичева выделяют четыре основных конфигурации:

1) от одного – к одному (возможность пользователя написать по электронной почте письмо журналисту или редактору);

2) от одного – многим (журналист / редактор / модератор рассылает электронное письмо, используя лист рассылки);

3) от многих – к одному (пользователи имеют возможность задать вопрос конкретной персоне: «задай вопрос писателю и т. п.», интервью; участвовать в опросе);

4) от многих – многим (участие в форуме)⁷.

«От одного – к одному» используют все сетевые медиа для детей. Однако сетевой журнал «Клепа» ограничивается размещением на своей странице адреса электронной почты, не учитывая при этом возрастные особенности читателя и тот фактор, что далеко не каждый ребенок дошкольного и младшего школьного возраста способен зарегистрировать собственный почтовый ящик в сети Интернет и отправить письмо в редакцию. Некоторые сетевые журналы, в том числе и «Филиппок», используют специальную, выделенную в качестве отдельного ярлыка, форму обратной связи, что, безусловно, стимулирует читателя на взаимодействие с редакцией. Еще одно новшество, которое использует редакция журнала «Филиппок», – это размещение на одной странице с формой обратной связи в открытом доступе писем читателей с отзывами и пожеланиями журналу.

«От одного – многим» (журналист / редактор / модератор рассылает электронное письмо, используя лист рассылки). Данную конфигурацию следует рассматривать в качестве рассылки уведомлений и обновления новостной ленты в социальных сетях. Сегодня многие редакции детских журналов регистрируют собственные группы в наиболее популярных социальных сетях, таких как «ВКонтакте», «Одноклассники», «Instagram», «Facebook». Для того чтобы привлечь посетителей на сайт, редакторы размещают в своих группах информацию преимущественно развлекательного, новостного и познавательного характера. Однако, согласно замыслу, в группе материал представлен не весь. Как правило, публикуется заголовок и начало текста, а также анонс информации, создающий интригу, заставляющий адресата перейти на основной сайт для дальнейшего ознакомления с материалом. С этой

целью администраторы групп сразу после анонса размещают гиперссылку.

Так, например, один из самых известных российских интернет-журналов «Клепа» зарегистрировал группы в таких социальных сетях, как «ВКонтакте», «Facebook», «Twitter», где рекламирует подписчикам свежий номер журнала и в увлекательной форме анонсирует текущие конкурсы. Однако периодичность обновления информации крайне низкая. Об этом свидетельствует такой факт, что если в социальных сетях «Facebook» и «Twitter» редактор размещает новости и анонсы с периодичностью три-четыре раза в месяц, то в группе «ВКонтакте» последняя запись датирована декабрем 2015 г. Подобный подход снижает уровень доверия подписчиков как к самой группе, так и к журналу в целом.

Другой подход демонстрирует интернет-журнал «Мурзилка», несмотря на свой солидный возраст (печатная версия журнала издается с 1924 г.), уверенно и успешно осваивающий такие социальные сети, как «ВКонтакте», «Instagram», «Facebook». В отличие от интернет-журнала «Клепа», здесь в группах информация обновляется практически каждый день, редактор публикует и анонс текущего номера, и конкурсы, и работы, уже присланные на конкурс. Кроме того, в группах размещают сведения о самых известных отечественных детских писателях-классиках (А. Барто, С. Маршак, Г. Остер), скрин-шоты страниц журнала начиная с 1940-х гг., новости о проводимых конкурсах.

В социальных сетях наблюдается постоянный рост числа подписчиков журнала «Мурзилка». Так, в начале ноября 2017 г. в группе «ВКонтакте» их насчитывалось 4627 человек, в «Facebook» – 5884. Данные цифры можно сравнить с ежемесячным тиражом печатного детского журнала и сделать вывод. Несмотря на очевидный эффект от ведения групп в социальных сетях, некоторые детские журналы игнорируют этот формат работы. К таким относится журнал «Веселые картинки», который издается с 1956 г., имеет интернет-версию, но представлен только в одной сети – «ВКонтакте».

В ходе статистической обработки данных по продвижению 112 электронных изданий для детей в социальных сетях было установлено: половина изданий использует социальные сети – 51 (45%), при этом одну социальную сеть используют 26 (24%), две социальные сети – 18 (16%), три и более социальных сетей – 17 (15%) изданий.

Можно сказать, что детские сетевые СМИ не в полной мере используют социальные сети в качестве развития интерактивности издания, что резко отличает их от «взрослых» сетевых СМИ, где каждое издание имеет аккаунты в пяти-шести социальных сетях.

Популярность социальных сетей у онлайн-медиа для детей выглядит следующим образом: «ВКонтакте» – 58 (51%), «Facebook» – 32

(28%), «Одноклассники» – 11 (10%), «Twitter» и «Instagram» по 9 (9%). Наиболее востребованной является «ВКонтакте» – аккаунты зарегистрированы у 58 сетевых изданий (51%). Достаточно активны по состоянию на август 2017 г. группы у «Классного журнала» (7444 подписчика), «Пять углов» (8521 подписчик). На наш взгляд, не используется в полной мере «Instagram». Согласно данным агентства Pepper.ninja, опубликованным в 2017 г., социальную сеть используют 15,87 млн человек, и пятая часть аудитории «Instagram» (20,48%) – люди, не достигшие 18 лет⁸.

Конфигурацию интерактивной связи с читателем «от многих – к одному» активно используют практически все детские сетевые журналы. Читатель становится не только потребителем, но и поставщиком контента, принимая участие во всевозможных творческих конкурсах; помогает оценивать контент интернет-издания, участвуя в опросах. Форму конкурса или творческого задания используют такие сетевые медиа, как «Клепа», «Мурзилка», «Филлипок», «Шишкин лес».

«От многих – многим» (участие в форуме). Взаимодействие читателей не только с редакцией, но и между собой (форумы, чаты) – нетипичная для детских сетевых СМИ форма конфигурации интерактивности. Она предполагает участие читателя в формировании контента через постановку проблем для освещения и обсуждения, инициативу в обсуждении, авторство, обмен мнениями с другими пользователями и т. п. Однако есть сайты, которые используют этот формат. Так, например, на сайте журнала «Мурзилка» активно функционирует раздел «Кафе Болтушка», где каждый зарегистрированный пользователь может не только оставить комментарий к понравившейся ему статье, но и отправить личное сообщение автору статьи.

Следует сказать еще об одном типологическом признаке электронных изданий, в том числе и детских, – об интерактивности. В медиасреде сетевого пространства двухстороннее общение разворачивается по одной и той же схеме: Интернет – Интернет. При этом обратная связь читателей с редакцией может принимать online-характер. Однако возможности интерактивности используются издательствами не в полной мере.

Мультимедийность существенно расширяет возможности медиа и характеризует электронные журналы с типологической точки зрения. Мультимедийность исследуется в работах В. Б. Марысаева, О. В. Шлыковой, И. Г. Елинера и др. Один из наиболее современных подходов представлен в работе А. А. Деникина «Мультимедиа и искусство: от мифов к реалиям». По мнению ученого, мультимедийность в качестве детерминирующего типформирующего признака проявляется в детских сетевых СМИ, учитывая специфику изданий и аудитории⁹.

В качестве мультимедийного материала сетевые издания для детей используют: графику – 112 (100%), фотографии 71 (63%), интерактивные задания, в том числе игры и квесты – 36 (32%), видеоматериалы – 19 (17%), аудиоматериалы – 7 (6%). Самым распространенным компонентом среди анализируемых детских электронных журналов оказались графические элементы, иллюстрирующие тематические рисунки. Они составляют «ядро» каждого журнала, главным в котором является созданный художником образ центрального персонажа издания – девочки Клепы, Мурзилки, Карандаша. Некоторые издания («Мурзилка») полностью оформили сайт графическими элементами, иллюстрируя картинкой каждую вкладку. Учитывая возрастную аудиторию изданий (от 5 до 12 лет), такое количество графических элементов вполне оправданно и, безусловно, привлекает юных читателей. Графика в сетевых изданиях претерпевает эволюцию в зависимости от целевой аудитории издания. Так, если это журналы для детей от 4–10 лет – на первое место выходят персонажи сказок, аниме, мультфильмов. В изданиях, предназначенных для детей от 11 до 17 лет, графические элементы присутствуют в виде инфографики.

Например, сетевой журнал «Блог школьного всезнайки» инфографикой иллюстрирует познавательные статьи на различные темы, например «Какое электричество горит в европейской лампочке». На сайте журнала «Юный краевед» представлена инфографика на историческую тему – «Календарь знаменательных дат Отечественной войны 1812 года».

Интерактивные задания, в том числе онлайн-игры представлены также не во всех детских сетевых СМИ, в отдельную вкладку они вынесены у журналов «Клепа», «Мурзилка», «Шишкин лес», где представлены флеш-игры, интерактивные головоломки, загадки, кроссворды и даже онлайн-раскраски. Максимальное количество интерактивных заданий можно видеть в сетевых медиа для детей, которые имеют форму интернет-приложения. Интерактивные задания и игровые элементы, как правило, размещают издательства сетевых журналов, ориентированных на целевую аудиторию старшего дошкольного и младшего школьного возраста. В зависимости от возраста аудитории изменяются и задания: в онлайн-выходных журналах, предназначенных для детей от 4 до 11 лет, – это игры и развивающие задания, кроссворды, головоломки. В сетевых журналах, ориентированных на детей среднего и старшего школьного возраста, на первое место выходят онлайн-тесты на различную тематику.

Видеоматериалы также готов представить не каждый сайт. Так, журнал «Клепа» выносит видео в отдельный раздел, где читателю представлены мультфильмы, созданные сотрудниками издания, где главным персонажем является центральный образ журнала – девочка Клепа.

«Мурзилка» во вкладке «Видео» размещает не только мультфильмы (преимущественно советских лет), но и небольшие сюжеты с различных мероприятий, проводимых сотрудниками издания, – встречи в библиотеке, награждение победителей конкурса, и полноценные фильмы на школьную тему.

Вторая тенденция, которая прослеживается в электронных журналах для детей, – это отказ от размещения видео на сайтах. Связано это с финансовыми и техническими возможностями сайта. Некоторые сетевые издания размещают видеоматериалы на специально созданном ТВ-канале на видеохостинге YouTube, это не перегружает основной сайт и при этом позволяет обеспечить подписчиков большим количеством видеоматериалов, в том числе архивных. Например, журнал «Квантик» предлагает читателям на своем видеоканале записи занятий по математике, физике и другим естественным наукам, которые ведут сотрудники издания. При этом занятия проходят в онлайн-режиме, и каждый зарегистрировавшийся пользователь по ходу занятия может задавать интересующие его вопросы в чате. Сетевой журнал «Клепа» выкладывает на своем канале «klepklub» на YouTube авторские обучающие мультфильмы, где главным персонажем является девочка Клепа.

Стоит отметить, что аудиоматериалы находятся в аутсайдерах среди всех анализируемых нами СМИ. Чего нельзя сказать о журнале «Смешарики»: здесь издатель позаботился о самых юных читателях – каждая страница озвучена профессиональным диктором.

Выделенные учеными типологические признаки (гипертекстуальность, интерактивность, мультимедийность) для электронных медиа в системе массовой коммуникации в полной мере характеризуют и электронные журналы для детей. Наиболее востребованным в этих изданиях является гипертекст, интерактивность и мультимедийность используется меньше. Однако все эти типологические признаки характеризуют журналы с разных сторон, усиливая отдельные компоненты содержания и визуальной части.

Примечания

- 1 *Смеюха В.* Медиакоммуникации : теория, практика, профессиональное образование. Ростов н/Д, 2016. С. 19.
- 2 См.: *Лукина М., Фомичева И.* СМИ в пространстве Интернета. М., 2005. С. 47.
- 3 *Никитенко А.* Интерактивность, мультимедийность, гипертекстуальность как типологические признаки сетевых изданий // Вестн. ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. 2009. Вып. 1. С. 12.
- 4 *Чилингир Е.* Гипертекст в литературе, журналистике и пиаре. Социокультурный аспект // Вестник славянских культур. М., 2011. Вып. 1 (XIX). С. 15.

- ⁵ Дедова О. Лингвосемиотический анализ электронного гипертекста (на материале русскоязычного Интернета) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. С. 284.
- ⁶ Демина Л. Литература и журналистика : духовные, национальные и эстетические основы // Демина Л. Гипертекст как средство культурной коммуникации. Краснодар, 2016. С. 251.
- ⁷ См.: Лукина М., Фомичева И. Указ. соч. М., 2005. С. 80.
- ⁸ См.: Ясеницкая А. В российском Instagram 62% женщин, а Казань лидирует по плотности аудитории. URL: <https://vc.ru/p/instagram-users-analysis> (дата обращения: 10.08.2017).
- ⁹ См.: Деникин А. Мультимедиа и искусство : от мифов к реалиям // Художественная культура. М., 2013. Вып. 1 (6). URL: <http://sias.ru/magazine/vypusk-6-2013/yazyki/843.html> (дата обращения: 20.02.2017).

Образец для цитирования:

Андронникова О. В., Демина Л. И. Особенности развития сетевых журналов для детей в контексте массовой коммуникации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 225–229. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-225-229.

Cite this article as:

Andronnikova O. V., Demina L. I. Peculiarities of the Development of Online Magazines for Children in the Context of Mass Communication. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 225–229 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-225-229.

ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

УДК 378.147.016:811.134.2

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Р. Р. Алимova, Р. А. Гонсалес

Алимova Рушания Рашитовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, ralimova@mail.ru

Гонсалес Роза Альфонсовна, старший преподаватель кафедры испанского языка, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, rosita55@mail.ru

Авторами статьи рассматриваются проблемы и особенности преподавания испанского языка студентам вуза: выявлена роль обучения второму иностранному языку в вузе в актуальных условиях, проанализирован ряд теоретико-методологических аспектов, сопровождающих реализацию данного процесса. Преподавание второго иностранного языка в вузе должно носить коммуникативно ориентированный характер, иметь практическую и функционально-деятельностную направленность.

Ключевые слова: второй иностранный язык, испанский язык, высшая школа, компетентностный подход, интегративный подход.

Contemporary Issues of Teaching Spanish in a Higher Education Institution

R. R. Alimova, R. A. González

Rushaniya R. Alimova, ORCID 0000-0003-3070-8272, MGIMO-University, 76, Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russia, ralimova@mail.ru

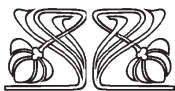
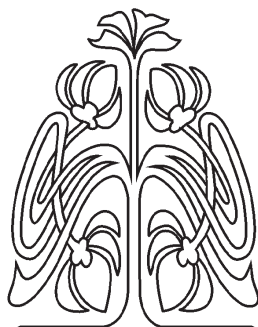
Roza A. González, ORCID 0000-0001-8082-9123, MGIMO-University, 76, Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russia, rosita55@mail.ru

The authors of the article consider issues and features of teaching Spanish to the students of higher education schools: the role of teaching the second foreign language in a school of higher education nowadays is revealed, the most relevant theoretical and methodological aspects of this process are analyzed. Teaching the second foreign language in a higher education institution should focus on communication, and have practical, functional and skill-based approach.

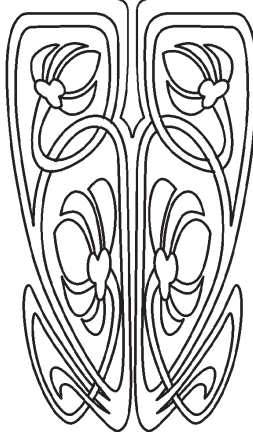
Key words: second foreign language, Spanish language, higher education school, competence-based approach, integrative approach.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-230-235

В настоящее время социальный заказ формирует новые тенденции в области преподавания и изучения иностранных языков в высшей школе. Расширение международных связей, интеграция в единое европейское образовательное пространство, развитие международного рынка труда создали необходимость подготовки профессионалов различного профиля, владеющих иностранными языками. В условиях, когда одной из главных целей системы высшего образования становится подготовка обучающихся к социальному и профессиональному взаимодействию, эффективной коммуникации в мультикультурном обществе, все большую актуальность приобретает овладение выпускниками не одним, а двумя и более иностранными языками. Концепция многоязычия стала определяющей в подходе Совета Европы к проблеме изучения языков в

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

современном мире, что нашло отражение в теоретико-методологическом труде «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка»¹, характеризующем современные требования в области образовательных подходов и уровней развития компетенций обучающихся.

С позиции концепции многоязычия цель языкового образования претерпевает изменения. Теперь совершенное (на уровне носителя языка) овладение языком или языками, отдельно друг от друга, не является целью. Целью становится развитие языкового репертуара, включающего все лингвистические умения. Это, соответственно, предполагает, что образовательные учреждения должны предлагать широкий выбор языков для изучения и обеспечивать учащимся условия для развития многоязычной компетенции на различных уровнях. Кроме этого, учитывая важность непрерывности иноязычного обучения, задача стимулировать мотивацию, уверенность при встрече с новым языком вне учебного заведения приобретают особое значение. Подчеркнем, что это достаточно масштабное изменение образовательной парадигмы пока еще находится в процессе научно-методической разработки и практической апробации в разных странах Европы. Последние изменения в языковой программе Совета Европы направлены на разработку инструментов, с помощью которых преподаватели языков будут способствовать развитию многоязычной личности².

Новые потребности и возможности развития образовательной системы страны, сложившиеся в последние десятилетия, обусловили введение во многих вузах различных регионов РФ обучения испанскому языку в качестве второго иностранного. Подобная ситуация объясняется рядом объективных причин, в частности, особым значением, которое приобрел испанский язык в современном мире. Согласно статистическим данным, опубликованным в отчете 2017 г. Институтом Сервантеса, на испанском языке сегодня разговаривают более 477 млн чел. – т. е. 7% населения в мире³. Испанский язык имеет статус официального языка в крупнейших международных организациях. Среди десяти наиболее распространенных языков мира в настоящее время он занимает второе место⁴.

Качественно новые взаимоотношения России со странами мирового сообщества, в том числе испаноговорящими партнерами, новые политические и социально-экономические перспективы и реалии формируют благоприятные возможности для изучения испанского языка в высшей школе, наполняя обучение этому предмету новым содержанием. Высшие учебные заведения России решают проблему организации эффективных дидактических условий и повышения уровня владения вторым иностранным языком, готовности выпускников использовать второй иностранный язык в своей жизни и буду-

щей профессиональной деятельности достаточно вариативно. Однако в целом в процессе подготовки специалиста, владеющего двумя и более иностранными языками, остается еще много нерешенных теоретических, методических и практических проблем.

Следует заметить, что проблема лингвистической подготовки обучающихся высшей школы весьма подробно освещается в научных работах отечественных исследователей, однако преимущественно анализ охватывает дидактические аспекты, касающиеся обучения английскому языку. Это объясняется следующими причинами: английский язык в начале XXI столетия по-прежнему остается ведущим средством межкультурной коммуникации; в отечественной теории и методике вопросы преподавания иностранных языков, за исключением английского, разработаны еще недостаточно комплексно. Еще меньшее отражение в научной литературе находит разработка проблем обучения студентов второму иностранному языку. Среди прочих в данном направлении следует особо отметить работы Б. А. Лапидуса (1980), Г. В. Давыденко (1998), А. В. Щепиловой (2000, 2003), И. Л. Бим (2001), У. Ю. Ивановой (2002), Н. В. Барышникова (1998, 2003), А. С. Маркосян (2004), Е. А. Савчук (2004), Е. А. Жариковой (2011), Г. И. Назаровой (2014) и др. Однако практическая проблема здесь заключается в том, что педагогу, осуществляющему преподавание других иностранных языков в вузе, в особенности испанского как второго иностранного, очень часто приходится либо руководствоваться общедидактическими положениями, либо заниматься адаптацией методики обучения второго языка других образовательных ступеней к условиям высшей школы или адаптировать методику обучения английскому к другим иностранным языкам, что часто отрицательно влияет на общую эффективность образовательного процесса.

В преподавании испанского языка как второго иностранного в вузе сегодня во многом сложилась ситуация, когда «практика опережает теорию и методику»⁵. Многие педагоги часто исходят из убеждения, что процесс преподавания второго иностранного языка никак не отличается от изучения первого, за исключением того, что второй язык изучается в меньшем объеме. Ощущается недостаток методических рекомендаций, обмена практическим опытом и учебных пособий, имеющих серьезную теоретическую основу. Многие из последних носят узкоспециализированный характер. Так, в числе средств обучения испанскому языку как второму иностранному в вузах очень часто применяются те же учебные пособия, что и для испанского как первого иностранного, таким образом, игнорируются психолого-педагогические особенности овладения вторым иностранным языком.

Однако данное положение следует признать ошибочным. Процесс преподавания и изучения

второго иностранного языка в вузе имеет определенные особенности, которые обязательно следует учитывать в педагогическом процессе. Во-первых, они связаны с тем, что студент, изучающий второй иностранный язык, уже имеет опыт по освоению иностранного языка. Данный процесс не выступает для него новым видом деятельности, что оказывает непосредственное влияние как на мотивационные факторы, особенности восприятия учебного материала, так и на методику и содержание обучающего процесса. При успешном овладении первым иностранным языком на определенном уровне студент ощущает практическую пользу от применения своих знаний и умений в жизненных и (пред) профессиональных ситуациях, что положительным образом влияет на мотивацию к изучению второго иностранного языка. Во-вторых, учитывая тот факт, что в европейских языках наблюдается большое количество слов с общими корнями, а также похожие принципы функционирования грамматики, это позволяет применять для изучения второго иностранного языка методы, основанные на аналогии и сравнении с первым иностранным языком, существенно экономя временные ресурсы как педагога, так и обучающихся, повышая эффективность освоения второго языка⁶. Однако на практике второй иностранный язык в российских вузах очень редко изучается в сравнении с первым иностранным языком. В большинстве образовательных учреждений курсы первого и второго иностранных языков не связаны между собой. Во многом трудности заключаются в необходимости того, чтобы педагог сам владел несколькими языками. Кроме того, в настоящее время отсутствуют УМК по параллельному преподаванию двух языков, нет единой программы, по которой можно работать со студентами в данном направлении. Такая система преподавания сложна в организационном плане⁷. Сегодня программы обучения даже первому иностранному языку, соответствующие ФГОС, часто предполагают недостаточное количество учебных часов, в результате чего у студента при неактивной работе на учебных занятиях могут сохраняться пробелы в знаниях, которые впоследствии затрудняют изучение им новых, более сложных предметных разделов. При изучении второго иностранного языка эти проблемы возрастают. Ведь количество учебных часов здесь является еще более ограниченным.

Продолжая анализ изучаемой проблемы, обратимся к ряду других аспектов теоретического характера. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в соответствии с рекомендациями Совета Европы совершенствование методики преподавания иностранных языков в системе высшей школы и подготовку профессионалов со знанием одного и более иностранных языков следует осуществлять на функционально-деятельностном уровне с учетом конкретной специальности и условий, в которых предполагается достижение обучающи-

мися определенного уровня владения языком и использование выпускниками полученных компетенций и их дальнейшее развитие. Европейская система уровней владения языком предполагает дифференциацию критериев в соответствии с тремя уровнями – А, В и С, которые в обобщенном виде можно представить следующим образом:

Уровни элементарного владения, в частности А1 (уровень выживания), предполагают овладение языком и развитие компетенций у обучающегося, достаточных для понимания и употребления в речи несложных, часто повторяющихся языковых конструкций, сформированности умения отреагировать в простых коммуникативных ситуациях (например, приветствовать, прощаться, приносить извинения), когда собеседник специально замедляет темп речи и старается четко произносить слова. Достижение предпорогового уровня А2 подразумевает овладение обучающимся суммой знаний, умений и личностных качеств, способных обеспечить понимание и употребление им часто встречающихся в речи фраз, продуцирования простейших высказываний о себе, семье, работе, учебе, интересах, ежедневных занятиях с использованием несложных предложений.

Самостоятельное владение языком на пороговом уровне В1 подразумевает, что студент способен понимать смысл информации, изложенной литературным языком, может общаться с носителями языка на различные жизненные темы, комментировать, делать выводы в речи на иностранном языке. Критериями достижения порогового продвинутого уровня В2 являются сформированные компетенции обучающегося, обеспечивающие понимание им смысла сложных текстовых сообщений из области науки, искусства, учебных предметов и т. д.; овладение способностью формирования быстрых речевых высказываний и коммуникативных реакций, аргументированного обсуждения различных тем при разговоре с носителями языка.

Свободное профессиональное владение языком на уровне С1 предполагает, что студент понимает значительные по объему, сложные по содержанию сообщения различной тематики, способен использовать в речи большое число синонимов, сложных грамматических явлений, логические связки и переходы, общаясь на серьезные научные, профессиональные темы. При достижении уровня владения языком в совершенстве (С2) происходит получение обучающимся суммы знаний, умений и личностных качеств, способных обеспечить понимание устного или письменного текста любой сложности и тематики. На данном уровне студент обладает богатым лексическим запасом, развитыми умениями аргументации, анализа, способен бегло общаться на любую тему без предварительного обдумывания высказывания.

Отметим, что в документе «Общеввропейские компетенции...» также предложены критерии, которые позволяют оценить уровни владения

как первым, так и вторым иностранным языком в зависимости от видов речевой деятельности (восприятие на слух, говорение, письмо). На их основе обучающийся вуза может определить свою стартовую точку – местоположение в системе координат владения вторым иностранным языком – и проследить свое движение, наметить образовательную траекторию в данном направлении. В свою очередь, преподаватель иностранного языка, используя содержание тех же шкал, получает возможность формировать эффективные условия для контроля и оценки языковых компетенций у обучающихся и подбирать образовательные методы, технологии и средства для продвижения его на следующий уровень. Таким образом, осуществляется связь между изучением, обучением и оценкой.

Важно подчеркнуть, что применение общеевропейской системы уровней владения языком не ограничивает возможности педагогических коллективов по разработке и описанию своей системы уровней (которые, например, дополнительно в рамках уровней А1–С2 могут быть дифференцированы как высокий, средний и низкий подуровни владения суммой знаний, умений и личностных качеств) и модулей обучения. Однако использование стандартных категорий при описании авторских программ способствует обеспечению прозрачности содержания курсов иностранного языка, в том числе второго, а разработка объективных критериев оценки уровня владения языком гарантирует признание квалификационных характеристик, полученных обучающимися на экзаменах. В подобных условиях закономерным является то обстоятельство, что с течением времени система уровней, перечень компетенций (в числе которых Советом Европы выделены компетенции общего характера и коммуникативные языковые компетенции⁸) и формулировки дескрипторов изменяются по мере накопления методических разработок и практического опыта внедрения в условиях образовательной системы в странах-участницах общего Европейского образовательного пространства, а также на уровне отдельных образовательных заведений.

Таким образом, цели обучения второму иностранному языку в современном вузе обусловлены теми функциями, которые данный предмет выполняет в общей системе образования и развития студента. В их числе, по мнению методистов⁹, нужно назвать следующие функции, коррелирующие, на наш взгляд, с соответствующими компетенциями, более широко раскрывающими содержание перечня, представленного в упомянутом выше документе Совета Европы:

– коммуникативная функция – формирование коммуникативной языковой компетенции, частью которой выступает речевой жанровой компетенция как способность строить коммуникацию в соответствии с нормами и стереотипами речевых жанров, на начальном этапе обучения второму

языку говорящий опирается на систему жанрового мышления, сформированную в родном языке, а на более высоком уровне овладения языком происходит формирование жанрового мышления на втором языке¹⁰;

– когнитивная функция, предполагающая использование теории и понятий, а также скрытых знаний, приобретенных на основе практики (когнитивная, функциональная компетенции);

– общеобразовательная функция, которая подразумевает не только формирование лингвистической компетенции (а также переводческой, рефлексивной и др.), но и знакомство с культурой страны изучаемого языка (социокультурная компетенция);

– развивающая функция, связанная с интеллектуальным и культурным развитием обучающегося (личностная, общекультурная компетенции и др.);

– воспитательная функция, связанная с нравственным воспитанием и формированием у студентов уважения к другим народам, их культуре, традициям, с формированием определенных личностных и профессиональных ценностей обучающихся (общекультурная, этическая, страноведческая компетенции).

Необходимо отметить, что перед преподавателем второго иностранного языка в вузе в условиях ограниченности учебных часов сегодня стоит крайне сложная задача – за максимально короткий период сформировать у студентов элементарную базу для дальнейшего обучения профессионально ориентированному языку (как минимум, В1, средний уровень компетентностного развития), при том что обучающиеся приступают к изучению второго иностранного языка обычно с нуля. Хотя в этом присутствует и определенное преимущество – уровень владения языком у всех студентов одинаковый, что освобождает преподавателя от необходимости его выравнивания в группе. Поэтому особое значение в данном случае приобретает планирование образовательного процесса: тщательная разработка содержания учебного процесса на различных этапах, отсутствие «случайных тем», содержание текстов, упражнений и коммуникативный, ситуационный характер последних, соответствующий предполагаемой среде деятельности, в которой студенты окажутся по окончании вуза, различные формы деятельности и контроля обученности и т. д.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно говорить о том, что именно на решение таких задач направлен учебник «Шаг за шагом», составленный в соответствии с указанными принципами. Учебник предназначен для студентов языковых и неязыковых вузов, учащихся школ, гимназий, лицеев, языковых курсов, для широкого круга лиц, желающих изучить испанский язык и интересующихся культурой испаноязычных стран. Книга также может использоваться для самостоятельного обучения. Цель учебника – на-

учить в достаточно короткий срок грамотному владению испанским языком в рамках основных лексических тем социально-бытовой сферы, способствовать практическому овладению языком, сформировать начальные умения и навыки общения, необходимые для успешной коммуникации и соответствующие уровням А1–А2 языковой компетенции общеевропейской системы уровней владения иностранным языком. Именно практическая направленность учебника определила его структуру, отбор и подачу языкового материала. Структурно каждый урок содержит несколько частей: грамматика, лексика, разговорная практика. Каждый урок начинается с объяснения основных тем базовой грамматики испанского языка, которые отрабатываются в упражнениях, следующих за объяснениями и построенных по принципу постепенного нарастания трудностей, что позволяет закрепить и автоматизировать полученные грамматические навыки¹¹.

Так как фонетика испанского языка не содержит в себе особых сложностей для говорящих на русском и английском языках, возможно параллельно с вводно-фонетическим курсом уже с первых занятий после общего знакомства с алфавитом, правилами чтения и ударения приступать к работе с диалогами и адаптированными текстами. Многие диалоги, тексты и упражнения озвучены носителями языка и доступны для прослушивания на сайте российской цифровой образовательной платформы ЛЕСТА, что значительно повышает возможности самоконтроля со стороны учащихся. Отрабатывать произношение следует параллельно работе над формированием лексико-грамматической базы студентов, развивая умение грамотно строить предложения, правильно выражать законченную мысль. Владение студентами в той или иной степени одним иностранным языком позволяет педагогу использовать фоновые знания студентов уже с первого занятия¹². Причем чем более ранним является этап обучения, тем медленнее и детальнее должно происходить объяснение и усвоение нового материала, тем больше контроля это будет требовать со стороны преподавателя, с дальнейшим более активным введением форм самоконтроля со стороны обучающихся.

Лексическая часть содержит тематический словарь, тексты и диалоги, а также комплекс упражнений и заданий к ним, способствующих усвоению и закреплению темы урока. Наряду с традиционными заданиями, такими как дать ответы на вопросы по текстам и изложить их содержание, в лексическую часть урока включены коммуникативные упражнения, позволяющие закрепить полученные речевые навыки и предлагающие учащимся высказать свое мнение по проблемным вопросам в рамках лексической темы, аргументировать свою точку зрения¹³. В учебнике содержатся контрольно-измерительные материалы, составленные на базе лексики текстов и диалогов, которые включают ряд упражнений

и заданий, направленных на проверку усвоения грамматического и лексического материала уроков. В учебнике также имеется рубрика, которая содержит интересную и полезную информацию, касающуюся реалий современного испаноязычного мира или культурологического комментарий.

В настоящее время во многих высших учебных заведениях разработаны программы по преподаванию ряда дисциплин совместно со вторым иностранным языком. Изучение второго языка может сочетаться с преподаванием литературы, экономических, исторических, географических, лингвистических дисциплин, культурологии, философии и проч.; при этом материал предъявляется студентам на иностранном языке. Межпредметная интеграция, параллельное изучение нескольких дисциплин обеспечивает лучшее усвоение знаний, развитие языковых и личностных компетенций, а также повышение мотивации к изучению каждой отдельной дисциплины.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно заключить, что преподавание второго иностранного языка в вузе должно носить коммуникативно ориентированный характер, иметь практическую и функционально-деятельностную направленность. Данный процесс обладает определенной спецификой как в теоретическом, так и методическом плане, для него характерны существенные отличия от обучения первому иностранному языку. В завершение отметим, что в данной статье мы не претендуем на исчерпывающий анализ, однако надеемся, что ее содержание имеет практическую ценность и вносит определенный вклад в теоретическую разработку проблемы преподавания второго иностранного языка (на примере испанского) в условиях современной высшей школы, которая нуждается в дальнейшем научном осмыслении.

Примечания

- 1 См.: Общевропейские компетенции владения иностранным языком : изучение, обучение, оценка / пер. К. М. Ирисхановой (МГЛУ) ; Совет Европы, Департамент языковой политики. Страсбург, 2001–2003. С. 4, 5.
- 2 Там же.
- 3 См.: El Español : una lengua viva : Informe 2017 // Instituto Cervantes. URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/espanol_lengua_viva/pdf/espanol_lengua_viva_2017.pdf (дата обращения: 02.10.2017).
- 4 Ibid.
- 5 Савчук Е. А. Обучение испанскому языку как второму иностранному на базе французского в гуманитарном вузе неязыкового профиля : дис. ... канд. пед. наук. М., 2004. С. 3.
- 6 См.: Флеров О. В. Особенности преподавания второго иностранного языка в нелингвистическом вузе // Современное образование. 2015. № 1. С. 1–25. DOI: 10.7256/2409-8736.2015.1.14101. URL: http://e-notabene.ru/pp/article_14101.html (дата обращения: 01.10.2017).

- ⁷ См.: Барabanова Н. В. Организация параллельного преподавания первого и второго иностранного языка (на примере испанского как первого и французского как второго) // Проблемы и перспективы развития образования : материалы VI междунар. науч. конф. (Пермь, апрель 2015 г.). Пермь, 2015. С. 248.
- ⁸ См.: Общеввропейские компетенции владения иностранным языком : изучение, обучение, оценка. С. 5.
- ⁹ См.: Савчук Е. А. Указ. соч.; Барabanова Н. В. Указ. соч.
- ¹⁰ См.: Смирнова Н. Ю. Становление речезанрового мышления при овладении вторым языком в условиях учебного двуязычия : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. С. 5.
- ¹¹ См.: Гонсалес Р. А., Алимova Р. Р. Испанский язык. Полный курс ШАГ ЗА ШАГОМ + аудиоприложение ЛЕСТА. М., 2017. С. 3–6.
- ¹² См.: Королева С. А. Особенности преподавания испанского языка как второго иностранного в неязыковом вузе в контексте евроинтеграции // Институционный репозиторий Национального авиационного университета. URL: http://er.nau.edu.ua/bitstream/NAU/23007/1/особенности_преподавания_испанского_языка_как_второго_иностранного_в_неязыковом_вузе.PDF (дата обращения: 25.09.2017).
- ¹³ См.: Гонсалес Р. А., Алимova Р. Р. Указ. соч.

Образец для цитирования:

Алимova Р. Р., Гонсалес Р. А. Актуальные вопросы преподавания испанского языка в вузе на современном этапе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 230–235. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-230-235.

Cite this article as:

Alimova R. R., González R. A. Contemporary Issues of Teaching Spanish in a Higher Education Institution. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 230–235 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-230-235.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Герасимова Л. Е. Пунктирная линия жизни: сб. ст. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2018. 208 с.

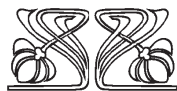
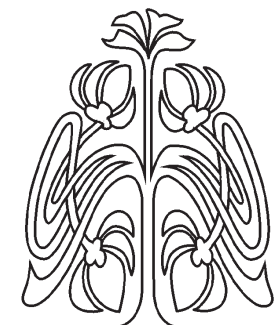
Новая книга профессора Саратовского государственного университета Л. Е. Герасимовой «Пунктирная линия жизни» приурочена к юбилею автора и представляет собой сборник научных статей, посвященных проблемам изучения современной литературы, вопросам теории и истории отечественной гуманитарной науки.

В рецензируемой книге – более двадцати статей, печатавшихся в журналах и межвузовских сборниках с 1984 г., а также совсем новые тексты. В предисловии к изданию автор называет его «свидетельством поиска и жизненного, и литературоведческого» (с. 4), отмечая, что данная книга – «попытка ответить на многие волнующие вопросы», «постановка новых вопросов» в связи с потребностями времени и движением филологической мысли.

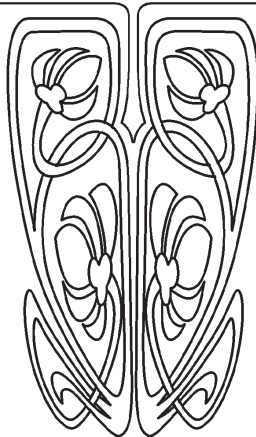
Сборник содержит три раздела, которые говорят не только о пристрастиях автора, но связаны друг с другом и помогают в осознании сложности и многогранности литературного процесса в целом. По прочтении книги создается общая картина неразрывности истории и литературы.

Сегодня, спустя 10 лет после смерти А. И. Солженицына, в год его 100-летия, не утихают споры вокруг имени писателя. Потому так важен открывающий книгу раздел о солженицынском творчестве, где с научной точки зрения рассматривается главный вопрос: в чем феномен одного из самых значимых русских писателей? В присущей Л. Е. Герасимовой яркой манере раскрывается суть современных споров о Солженицыне: «Споры о Солженицыне – всегда споры о России, о ее прошлом и будущем» (с. 49). Продолжая начатое протопресвитером А. Шмеманом, О. Клеманом рассмотрение духовного содержания творчества Солженицына, исследователь базирует его на тщательном литературоведческом и лингвистическом анализе, включается в современные дискуссии о природе солженицынского письма, философии творчества писателя. Центральная – «Пневматология как свойство реализма А. И. Солженицына в “Красном Колесе”». Отталкиваясь от высказывания архиепископа Иоанна Шаховского о пневматологии как особом даре А. И. Солженицына, от характеристики Солженицына как «экзорциста русского сознания» (о. А. Шмеман), Л. Е. Герасимова исследует все уровни художественной реальности «Красного Колеса» – от провиденциального смысла жанрового определения («повествование в *отмеренных* сроках») до психологических портретов персонажей, темпоральной композиции, сквозных мотивов, языковых подмен – и приходит к выводу: «Духовный анализ Солженицыным истории и человеческой души – это освобождение от “идолов русского сознания”, от страха метафизического одиночества, обретение опоры. Пневматология в “Красном Колесе” – не дидактический выход за пределы художественности, а свойство самого художественного метода Солженицына» (с. 21).

Определив духовную основу художественности Солженицына, автор идет дальше – от подробного анализа образности публицистики к выявлению духовного опыта XX в. в творчестве писателя в целом. Важными становятся размышления о религиозном смысле статьи А. И. Солженицына «Жить не по лжи!», в которой «глубинное понимание нравственности переводит на религиозный уровень осмысление жизни» (с. 41). Заслуживает внимания один из ключевых тезисов статьи «Духовный опыт русского XX века в творчестве А. И. Солженицына»: «Для осмысления духовного опыта России в XX веке важно проследить ту динамику смешения и подмен, “антихристо-

ПРИЛОЖЕНИЯ

вых соблазнов”, которая отмечена уже русскими религиозными философами <...> Солженицыну было дано увидеть *плоды* подмен, подстановок революционной морали в самосознании народа, в утопиях “шестидесятников”, в мировоззрении “наших плюралистов”» (с. 31).

Второй раздел сборника посвящен проблемам современной литературы. На протяжении многих лет Л. Е. Герасимова органично ощущает себя в ее пространстве. В первую очередь автора интересует творчество таких писателей, как Ю. Трифонов, В. Распутин, В. Астафьев, Д. Гранин, Ч. Айтматов, В. Макин; тех, кто вошел в анналы сам- и там-издата: Б. Пастернак, В. Гроссман, а также прозаиков, чье творчество получило наиболее полное развитие в 2000-е гг.: М. Вишневская, О. Николаева, Л. Улицкая, Е. Водолазкин, А. Варламов и др. Концептуально важны такие статьи, как «Время, место, образ действия (о романе Ю. Трифонова)», «Прогностическое начало в романе как новая мера его эпичности (“Последняя прогулка” Л. Леонова, “И дольше века длится день” Ч. Айтматова)», «“Участь человека в нечеловеческое время”: “Жизнь и судьба” В. Гроссмана как поиск эпического мировидения», «Полидискурсивность романа “Доктор Живаго”». Отмеченные острым чувством времени (написанные не просто в разные годы – в разные эпохи), статьи привлекают и конкретным анализом, и методологическим поиском соединения эстетического, философского и духовного подхода к художественному произведению.

В этом плане особенно интересна статья «О современных границах жанра романа». В ней ставится вопрос о модификациях открытий модернистской поэтики в конце XX в., рассматриваются саморефлексия жанра, гипертекстуальность, «исчезновение объективной реальности» в постмодернистских текстах. Еще важнее – размышления об экзистенциальной границе романа, к которой подошли Достоевский, Толстой, Шаламов, которую нащупывают современные романисты.

Продолжением поиска глубинных слоев памяти жанра романа, неожиданного расширения его границ стала статья о романе Е. Водолазкина «Лавр». Л. Е. Герасимова не считает текст постмодернистским, в отличие от многих критиков, писавших о нем. Роман-житие, напитанный приемами средневековой литературы, воспринял и ее духовную отцентрованность.

Анализируя прозу 2000-х и поколения «нового реализма» (С. Шаргунов, З. Прилепин, С. Чередищенко, Е. Гришкoveц), автор пытается понять «боль молодых». Главный вывод, сделанный из прочитанного и продуманного, заключается в том, как утверждает автор, что «“бессмысленность бытия”, столь остро ощущаемая молодыми, мо-

жет быть по-настоящему понята – и преодолена – только благодаря метафизической вертикали» (с. 146). Нельзя с этими доводами не согласиться.

В год 100-летия революции многие писатели обратились в своих произведениях к поискам итогов и уроков исторического перелома эпохи. Помня историософский опыт А. И. Солженицына, автор рассматривает такие произведения, как «Зимняя дорога» Л. Юзефовича, «Соловьев и Ларионов» Е. Водолазкина, «Мысленный волк» А. Варламова. Исследователь утверждает, что «современные романисты достигают трагического осмысления истории революции» с помощью восстановления «скрытой правды, путем обретения оптики, не замутненной ни советской, ни современной идеологией» (с. 167). Л. Е. Герасимова убеждена, что суть современных исторических романов не в подведении итогов эпохи, а в поиске «смысла жизни, смысла связи личной истории и всеобщей» (с. 175).

Третий раздел сборника неразрывно связан с первыми двумя и посвящен истории гуманитарной мысли. Перед нами возникают портреты выдающихся ученых – Ю. М. Лотмана, Ю. Г. Оксмана, В. В. Пугачева и других, созданные с помощью уникальных документов эпохи. Чувствуется глубокая жизненная сопричастность автора к воспроизведению эпистолярного материала, многогранность восприятия им личности того или другого ученого, глубина проверки собственных воспоминаний. Биографические факты дополнены личным восприятием идей, мыслей, гипотез, предположений и доказательств, выдвинутых учеными в дискуссиях и диалогах в разное время. В целом их более всего интересовали проблемы гуманитарной науки, феномен культуры, место человека в истории. По мнению Л. Е. Герасимовой, всех их объединяла «забота о непрерывности научных идей... и непрерывности “микроклимата подлинной науки”», что поддерживалось, как считал В. В. Пугачев, «самостоянием ученых, их нравственной высотой, любовью к истине и человеку» (с. 199). Архивная публикация в сборнике – продление памяти о больших ученых и их учителях.

Сборник снабжен обширным библиографическим аппаратом и ориентирован на специалистов по русской литературе, гуманитариев, студентов и аспирантов, всех интересующихся современной словесностью.

Книга Л. Е. Герасимовой – это своеобразный итог творчества. Но, вспоминая Ю. Трифонова, хочется сказать, что это предварительные итоги. Нестановимо развивается литературный процесс, непрерывна и линия жизни, а значит, и мы будем ждать от автора новых книг и статей о литературе.

Г. Алтынбаева, Е. Князькова

Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / А. Н. Байкулова [и др.]; под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 188 с.

В Издательстве Саратовского университета в 2015 г. вышла монография «Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении», написанная коллективом авторов (А. Н. Байкулова, Е. Ю. Викторова, А. В. Дегальцева, М. Н. Дегальцева, Г. С. Куликова, А. И. Матяшевская, Т. А. Милехина, Е. В. Уздинская, Д. И. Яхина) под руководством профессором О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной, которые являются редакторами этого издания и авторами большей части глав, прежде всего теоретических.

Данная монография явилась результатом целенаправленных наблюдений и исследований речевой коммуникации в различных ситуациях и сферах общения, проводимых на кафедре русского языка и речевой коммуникации Института филологии и журналистики СГУ. Подчеркнем, что монография представляет собой логическое продолжение многолетних исследований в области речевой коммуникации, проводимых саратовскими учеными и представленными в многочисленных публикациях сотрудников кафедры в периодических изданиях («Вопросы стилистики», «Проблемы речевой коммуникации» и др.) и коллективных монографиях. Таким образом, эта книга – еще одно звено в реализации масштабного, целенаправленного научного замысла исследователей, направленного на выявление и описание свойств речевой коммуникации.

Одной из отличительных сторон рецензируемой монографии является то, что речевая коммуникация рассматривается со стороны ее нежелательных эффектов, опасностей, неточностей, непонимания, конфликтов, которые могут рождаться в коммуникативно-речевом процессе. Все эти и подобные явления получают название коммуникативных рисков, а свойства коммуникативного процесса порождают их – рискогенности. При этом важно подчеркнуть, что рискогенность вполне обоснованно, на наш взгляд, признается авторами универсальным свойством любой коммуникативно-речевой ситуации, а наблюдения над речевыми практиками приводят их к неутожительному выводу о том, что «рискогенны почти все коммуникативные акты» и что риски «лежат не только в области самого процесса коммуникации, но и в системе языка» (с. 12), Непреодоленные риски, как указывают авторы монографии (с. 18–19), могут быть чреватые серьезными социальными, профессиональными, дипломатическими и подобными осложнениями, конфликтами, и поэтому задача профессионалов найти и указать способы их преодоления.

Не подлежит сомнению, что разработка содержательной природы самих понятий «рискоген-

ность коммуникации», «риски коммуникации», привлечение внимания к этой стороне речевой деятельности человека является чрезвычайно актуальной и ценной как в плане теоретического языкознания, развивающегося в координатах антропоцентрической, функциональной, когнитивно-дискурсивной парадигм, так и в плане социальной диагностики, вскрывающей негативные социально-психологические явления публичной коммуникации (агрессию, девальвацию образования, девальвацию этических ценностей, нарушение общественных конвенций, правил и норм поведения). Именно социальная сторона этих явлений находится в центре исследовательского внимания авторов монографии, указывающих на последствия непреодоленных коммуникативных рисков: «Если он не преодолен, то коммуникативный риск превращается в социальный или, по крайней мере, в профессиональный либо внутрисемейный» (с. 19). А современная социальная практика и опыт межгосударственной и межкультурной коммуникации, как мы можем наблюдать, показывает, что риски в этих сферах могут иметь весьма нежелательные для соответствующей речевой коммуникации последствия.

Весь текст монографии демонстрирует глубокое понимание ее авторами социально-речевой ситуации в России и их серьезную озабоченность состоянием русского языка как функциональной системы в условиях коммуникативных рисков.

Безусловная ценность данного исследования заключается также в том, что оно выполнено на «живых» фактах языка. В результате анализа обширного фактического материала авторы выявили и систематизировали основные причины появления рисков и их последствия. Следует отметить, что ученые умело, целенаправленно, логично насыщают весь текст монографии многочисленными примерами, что делает ее убедительной и наглядной. Новизна проделанного исследования заключается в том, что оно не только значительно углубляет наше представление о важнейших закономерностях коммуникативного процесса в целом, но и показывает его национальную перспективу.

К несомненным достоинствам монографии относится прозрачность и логическая продуманность ее структуры, включающая введение, четыре главы, заключение, что позволяет читателю легко понять методологическую основу исследования, исследовательский замысел, доказательную базу, логику «работы» с эмпирическим материалом.

В первой главе раскрывается теоретическая база исследования и разъяснены основные рабочие понятия: типы коммуникативных рисков, причины коммуникативных рисков, последствия непреодоления коммуникативных рисков, способы их предупреждения. Важным теоретическим результатом исследований, представленных в монографии, можно считать классификацию типов коммуникативных рисков: 1) провал ком-

муникации из-за полного непонимания; 2) риск неправильного понимания; 3) риск неполного, не совсем точного понимания (1.1. М. А. Кормилицына, с. 11–12) и причин коммуникативных рисков (2.1. М. А. Кормилицына и О. Б. Сиротинина, с. 12–22), неточное прогнозирование компетенций адресата и его способности понимания текста, нецелесообразность применения некоторых средств речевого воздействия на адресата, рискогенность некоторых жанров спора и способов «ухода» от угроз судебных исков, риски нарушения этических норм, риски, связанные со сложностью языковой системы. Все типы рисков и типы причин их возникновения получают в монографии достаточное теоретическое обоснование, методика их обнаружения является хорошо аргументированной и иллюстрированной.

Исходя из понимания того, что коммуникация – это всегда риски, авторы монографии сосредотачиваются на поисках путей их преодоления. При этом идеалом коммуникативно-речевого взаимодействия они считают «гармоничное, бесконфликтное общение на благо всех его участников» (с. 28). И нельзя не согласиться с выводами авторов о том, что предупреждение и преодоление рисков коммуникации – важнейшая общественная задача, так как ее реализация обеспечивает умение договариваться, сотрудничать друг с другом, вместе решать возникающие проблемы, быть активными участниками диалога с властью и демократическими институтами.

На поиски путей гармонизации коммуникации направлено основное внимание исследователей, и прежде всего на то общее в предупреждении и преодолении коммуникативных рисков, что работает в любой сфере общения, т. е. на коммуникативную компетентность человека. Теоретическое понимание того, чем, собственно, является коммуникативная компетенция человека, представлено проф. М. А. Кормилицыной (1.4.1). Автор предлагает оригинальную типологию составляющих коммуникативной компетенции, разработанной на кафедре русского языка и речевой коммуникации СГУ. Под коммуникативной компетентностью понимаются способность решать средствами языка актуальные задачи общения в разных сферах жизни, знания и умения пользоваться фактами языка и речи для эффективной реализации целей общения. В целом можно согласиться с этим определением, однако логика всего исследования дает возможность назвать эти компетенции коммуникативно-речевыми, не выходя за пределы их традиционного понимания в коммуникологии и других смежных науках.

В типологию составляющих коммуникативную компетентность в монографии включены языковая, этическая, собственно коммуникативная составляющие, риторическая грамотность, выразительность и творческое своеобразие речи. Чрезвычайно важным, теоретически оправданным и практически реализованным в методологиче-

ских подходах к материалу является утверждение о том, что разные формы речи и типы дискурсов выдвигают на роль ведущих разные составляющие. Авторы отмечают, во-первых, различия в языковой компетентности в письменной и устной формах речи; во-вторых, в дискурсах быденной устной речи, институциональном (представительском) дискурсе, в художественной, научной, деловой речи, в СМИ.

Во второй части монографии (главы 2, 3, 4) явление рисков и их преодоление проанализированы на конкретном материале во всех ранее названных сферах. Наиболее глубоко и широко представлены сфера неофициального общения – повседневной речи людей, – в которой живет каждый носитель языка, и сфера СМИ, в современных условиях имеющая огромное влияние на людей и их язык. С точки зрения общественной значимости и актуальности для текущего момента оправданно усиленное внимание, которое уделяется в монографии сфере СМИ. Особо надо отметить подробный, синтетический анализ рисков в данной сфере (2.1. М. А. Кормилицына). Автор разделяет эти риски на группы А (коммуникативную) и Б (языковую). К группе А относятся риски, вызванные сложностью самого процесса коммуникации: 1) отношения «автор – адресат» (неточный прогноз адресата), где, по мнению М. А. Кормилицыной, ключевым моментом предупреждения рисков становится актуализация линии «автор – адресат», помогающей понять авторский замысел; 2) негативные качества передаваемой через СМИ информации: недостоверность, неясность, неопределенность, неполнота; 3) излишняя категоричность суждений журналиста; 4) рискогенность прямой оценки; 5) нецелесообразность применения некоторых средств речевого воздействия адресанта; 6) рискогенность выбора некоторых жанров; 7) риски, вызванные нецелесообразным использованием выразительных (экспрессивных) средств. К группе Б автором относятся риски, которые могут быть вызваны сложностью самой языковой системы (использование слов с ослабленной семантикой, канцелярита, «постновояза»). Предложенная классификация может быть своего рода ключом ко многим явлениям языка СМИ и своеобразным алгоритмом оценки (по содержательным и формальным критериям) качества текста (произведения) СМИ. Кроме того, в этой главе анализируются рискогенность и способы ее преодоления, связанные с лексическими заимствованиями (О. Б. Сиротинина), с употреблением сниженной лексики (А. И. Матяшевская), с использованием дискурсивов, вспомогательных средств языка (Е. В. Уздинская, Е. Ю. Викторова), нарушением этических норм в заголовках газет (М. Н. Дегальцева), а также рассмотрены коммуникативные риски звучащей речи (О. Б. Сиротинина).

Особо следует отметить чрезвычайно ценный и уникальный материал, который фиксирует

языковую рефлексию слушателей интерактивной радиопередачи «Служба русского языка», проводимой на Саратовском радио. По наблюдениям Г. С. Куликовой, слушатели отмечают существование проблемы качества периодических изданий, их реакции отражают возрастные различия в восприятии языковых явлений и выступают свидетелем того, что слушатели в целом озабочены превращением русского в своеобразный *ruslang*.

Третья глава посвящена коммуникативным рискам в сфере неофициального общения. Эта сфера наименее исследована, что определяет ценность сделанных А. Н. Байкуловой наблюдений и теоретических обобщений на основе комплексного исследования сферы неофициального общения и его разновидностей: семейное общение, общение родственников, общение невестки со свекровью, дружеское общение. Причинами коммуникативных рисков в этих сферах, по наблюдению автора, являются пониженный уровень самоконтроля коммуникантов и недостаточно высокий уровень повседневно-речевой культуры и/или их коммуникативной компетентности.

Специфические особенности проявления рискогенности в деловой и научной сферах общения и способы их преодоления выявлены и проанализированы в 4-й главе монографии. Так, в деловом общении и официально-деловом стиле к ним приводят, прежде всего, как считает О. Б. Сиротинина, нарушения конвенциональности деловой речи и денотативной точности. Важно, что авторы главы видят негомогенность делового общения, которое дробится на такие сферы, как неформальное рабочее общение, неофициальное деловое общение (письменное интернет-общение, письменное рабочее общение через Интернет, внутридомовой интернет-форум, устное корпоративное бизнес-общение, деловое общение в основном незнакомых людей). Данная классификация позволяет понять всю сложность, многообразие и динамизм деловой ситуации и делового общения, которые складываются в этой сфере. Анализируя различные коммуникативные причины рисков, О. Б. Сиротинина особо подчеркивает нецелесообразность использования образных средств в этой сфере коммуникации и приводит конкретные пути преодоления этих рисков.

Обращаясь к анализу научной сферы коммуникации, О. Б. Сиротинина настаивает на безоговорочной однозначности терминов внутри каждой отрасли, поскольку это позволило бы избежать коммуникативных рисков. Однако это утверж-

дение нам представляется несколько спорным и требующим дальнейших обсуждений. Вторую причину коммуникативных рисков в научной среде О. Б. Сиротинина видит в «немедленной публикации» и, наконец, третью – в неосторожности использования чужого материала, неправильной цитации, отсутствии или неверном использовании дискурсивов и нарушении этических норм.

Рассмотрение коммуникативных рисков в разных сферах общения позволило авторам сделать важные выводы о том, что они возникают в любой сфере общения и в основном являются результатом недостаточного внимания к адресату или неправильного прогнозирования его апперцепционной базы. Авторы считают, что знание способов предупреждения и преодоления коммуникативных рисков – обязательная составляющая коммуникативной компетентности общающихся.

Несмотря на то что авторы не отвечают на вопрос о том, как и кем формируется коммуникативная компетентность, сам факт возникновения такого вопроса у читателя, стимулирующий дальнейшие поиски решения данной проблемы, – безусловно, положительный итог проведенного исследования.

Обобщая вышесказанное, следует подчеркнуть, что рецензируемая монография систематизирует научные знания о речевой коммуникации, демонстрирует оригинальный взгляд ученых не только на отдельные явления (коммуникативные риски, рискогенность), но и на конкретные коммуникативно-речевые практики текущего момента в современной России. Особой положительной оценки заслуживает исследовательская манера саратовских ученых – признание приоритета языкового факта, определяющего и методологические подходы, и стиль научного изложения: от факта к обобщению, от анализа к синтезу.

Считаем, что монография представляет научный интерес как для ученых-специалистов, так и для начинающих исследователей и ее вполне можно рекомендовать аспирантам и студентам, а также всем читателям, интересующимся закономерностями речевой коммуникации в публичной и непубличной сферах.

З. Л. Новоженова
(Гданьский университет, Польша)
С. С. Ваулина
(Балтийский федеральный университет
им. И. Канта, Калининград, Россия)